

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ЛЬВОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ ИВАНА ФРАНКО

ЧЕРНОВИЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ ЮРИЯ ФЕДЬКОВИЧА

Квалификационная научная

труд на правах рукописи

Кадир АСО АРАЗ

УДК 327: [622.32:338.45] (567=222.5:560)

ДИСЕРТАЦИЯ

ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН

В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

23.00.04 – политические проблемы международных систем и глобального
развития

052 -политология

Подается на соискание ученой степени кандидата политических наук.
Диссертация содержит результаты своих исследований. Использование идей,
результатов и текстов других авторов имеют ссылку на источник

(подпись, инициалы и фамилия соискателя)

Научный руководитель

Мороз Юрий Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Львов – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	16
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	22
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОЧНИКА БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	23
1.1. Теоретико-методологические аспекты изучения проблем становления курдской автономии в Ираке и его роли в системе современных международных отношений	23
1.2. Состояние научной разработки проблемы и источников база исследования	27
Выводы к главе 1	48
ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС В СОСТАВЕ ИРАКА	50
2.1. Политический статус Иракского Курдистана и его взаимоотношения с центральной властью	59
2.2. Роль энергетического фактора в политике курдской автономии.	
Выводы к главе 2	97
ГЛАВА 3. ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	99
3.1. Развитие отношений курдской автономии с основными региональными и европейскими партнерами	99
3.2. Особенности взаимоотношений Иракского Курдистана с США.....	147
3.3. Сотрудничество Иракского Курдистана с международными организацией.....	170
Выводы к главе 3	181
ВЫВОДЫ	184
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	191
ПРИЛОЖЕНИЯ	222

Аннотация

Кадир Асо Араз Иракский Курдистан в системе современных международных отношений – Квалификационный научный труд на правах рукописи

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных систем и глобального развития». – Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Львов, 2019.

Предметом исследования в диссертации есть роль и место Иракского Курдистана в современной системе международных отношений. Предлагаемая работа является первым в Украине обобщающим исследованием целостного комплекса международных отношений курдской автономии в Ираке во взаимосвязи ее внешнеполитических и внутривнутриполитических компонентов.

Важным компонентом тематики исследования являются отношения Иракского Курдистана с соседними странами региона. Среди них особое место занимают отношения с Турецкой Республикой и Исламской Республикой Иран, с экономической и военно-политической точки зрения наиболее влиятельными актерами региональной политики.

В целом, среди стран – соседей Региона Курдистан едва ли не самое большое влияние на него имеет Турция. Отдельные аспекты проблемы взаимоотношений Иракского Курдистана с Анкарой исследованы в диссертации. Автор показал широкий круг разных вопросов международных отношений Турции. В частности, анализ общих принципов и особенностей внешней политики

Турецкой республики начала XXI ст., в контексте которой формировалась и стратегия Анкары в отношении Иракского Курдистана.

Отношения Иракского Курдистана с Исламской Республикой Иран также стали предметом изучения в диссертации. Определен, в частности, многогранный общий анализ места Иракского Курдистана во внешнеполитических калькуляциях Тегерана. Обозначены основные факторы, направляющие политику Ирана по отношению к курдской автономии, главным из которых он считает опасения иранского исламистского руководства, связанные с курдским движением в ИРИ. Отметил также глубокое проникновение иранцев во все секторы внутренней политики Ирака, их влияние на шиитское сообщество в этой стране.

Показаны исторические истоки курдской проблемы в Ираке, общие рамки которой определились в ходе международно-политического урегулирования на Ближнем Востоке после окончания Первой мировой войны и в начале 1920-х гг. Доказано, что все режимы в Ираке прибегали к ущемлению курдов национально-культурных и политических прав. Выявлено, что решающее значение для значительных изменений в политическом статусе курдского региона имели важные международно-политические изменения и влияние внешних факторов, в первую очередь, военное вмешательство США и их союзников. Показана также роль усилий курдского национального движения в Ираке в обретении курдами широкой автономии.

Установлено, что процесс конституционной реорганизации Ирака после свержения режима Хусейна остался незавершенным. В отношениях курдского регионального правительства и центральной власти Ирака определился ряд глубоких противоречий, которые до сих пор не нашли крепкого и взаимоприемлемого разрешения.

Во-первых, процесс федерализации Ирака оказался незавершенным. Регион Курдистан до сих пор является единственным субъектом виртуальной иракской федерации, поэтому, несмотря на положение конституции, в стране не действует верхняя палата парламента, которая должна представлять интересы регионов. В условиях длительного политического хаоса в стране, острого конфликта между шиитами и суннитами, между разными политическими силами внутри самих конфессиональных сообществ, угрожавшего Ираку распадом, центральные власти приложили усилия, чтобы не допустить создания других регионов – субъектов федерации. По сути, Ирак является федерацией только формально, а Регион Курдистан является автономией.

Во-вторых, до сих пор не завершен процесс определения границ курдской автономии, которые были и остаются предметом напряженной конфронтации между Эрбилем и Багдадом, курдским, арабским и другими этноконфессиональными сообществами Ирака. Крупнейшим объектом спора является Киркук, центр нефтеносного района. Контроль над ним способствовал бы значительному увеличению экономических и военно-политических ресурсов автономии, а значит, и потенциала для утверждения в возможном статусе независимого государства. Из-за позиции Багдада процедуру урегулирования, предусмотренную конституцией, вовремя реализовать не удалось. Курдская сторона отвергает компромиссные варианты решения вопроса Киркука, покидающих его за пределами территории РК, а правительство склонно отрицать само существование проблемы.

В-третьих, не урегулирован полностью конституционно-правовой статус вооруженных сил автономии (пешмерга), которые фактически находятся вне контроля федерального правительства и обеспечиваются преимущественно из бюджета Иракского Курдистана.

Одной из важнейших составляющих противоречия между Регионом Курдистан и Багдадом является проблема контроля над добычей углеводородов на его территории и распределения доходов от нефтегазовой отрасли, что переплетается с проблемой финансирования автономии из иракского бюджета. Привлечение РК иностранных инвестиций осуществляется в значительной степени вне правового поля Ирака, правительство которого добивается действенного участия в этом процессе. Самостоятельное развитие нефтегазовой отрасли предоставило курдскому правительству независимый от центральной власти источник доходов, обеспечил определенную экономическую основу его позиции в спорах с Багдадом. В то же время экономика автономии оказалась в чрезмерной зависимости от добычи сырья (хотя в этом хозяйка Иракского Курдистана не отличается от хозяйки целого Ирака). Кроме того, собственная добыча нефти и газа обеспечивает бюджетные нужды РК только частично.

Заключено, что реальный характер взаимоотношений Иракского Курдистана и центральной иракской власти в значительной степени выходит за рамки конституционных норм и процедур, и определяется фактическим соотношением военного и политического потенциала сторон.

Показано, что Иракский Курдистан сформировал разветвленную и разновекторную систему международных отношений, формально не имеющих характера межгосударственных, однако фактически отражающих прежде всего позицию и интересы автономии, а не Багдада, приобретая следовательно отдельные черты отношений суверенных государств. В целом после 2003 г. наибольшее значение в комплексе международных отношений Иракского Курдистана имели отношения с США, хотя их удельный вес имел определенную динамику.

Наряду с ними особое место занимают отношения с Турцией и Ираном, в рамках которых важным фактором является курдское меньшинство в этих странах, борющееся за свои национальные права.

Отношения Региона Курдистан с ЕС осуществляются, прежде всего, в русле экономического и гуманитарного сотрудничества. Общая политика Евросоюза ориентирована на поддержание признанных принципов международного порядка, компромиссных путей разрешения споров, диалога вовлеченных в те или иные конфликты сторон. Сотрудничество Иракского Курдистана с международными организациями оказалось заметным фактором прежде всего гуманитарного и культурного развития региона, изменений в области прав человека, поддержании принципов этнической и религиозной толерантности.

Сегодня, принимая во внимание то обстоятельство, что почти все внешнеполитические партнеры Иракского Курдистана поддерживают территориальную целостность Ирака и сохранение автономного статуса курдского региона, его независимость находится за горизонтом реальной политической перспективы. Политическое будущее Иракского Курдистана зависит от общего развития международно-политических отношений на Ближнем Востоке и особенно от отношения США к курдской проблеме, взаимоотношений Вашингтона с Анкарой и Тегераном. В то же время, отношение самих курдов в Ираке к связи с этим государством зависит от продвижения Ирака на пути борьбы с коррупцией, обеспечения стабильного экономического развития, развития демократических институтов, поиска взаимопонимания между разными религиозными и политическими группами.

В диссертационной работе впервые подробно проанализированы правовую и политическую специфику взаимоотношений курдской автономии с центральной

властью страны, показаны основные факторы ее формирования и динамики. Показаны особенности отношений региона Курдистан с США, Турцией, Ираном, Россией, рядом других стран. Освещено взаимодействие Региона Курдистан с международными организациями. В исследовании проанализированы последние изменения в положении курдской автономии.

Автор усовершенствовал освещение места Иракского Курдистана в международных процессах на Ближнем Востоке в 1990-х гг., анализ влияния нефтегазовой отрасли на динамику экономических и политических процессов в курдской автономии. Показано критическое значение добычи углеводородов для экономического обеспечения позиций автономии в отношениях с центральным правительством.

Дальнейшее развитие получили понятийно-категорийный аппарат, связанный с политико-правовым аспектом исследования, освещение исторических истоков курдской проблемы в Ираке, а также определение регионального измерения курдской проблемы в контексте курдского вопроса в Турции, Иране и Сирии. Показано, в частности, что курдская автономия в Ираке ориентирована, прежде всего, на решение собственных политических проблем и достижение собственных политических целей; вместе с тем, ее отношения с курдскими организациями за пределами Ирака становятся фактором влияния на мощных политических партнеров Эрбиля.

Практическое значение получаемых результатов имеет несколько аспектов. Их можно использовать для информационного обеспечения действий украинских дипломатических миссий в Республике Ирак, других странах Ближнего Востока, а также в деятельности органов власти, вовлеченных в формирование внешней политики нашего государства, в частности, для разработки соответствующих

законодательных актов. Результаты исследования могут быть полезны для краткосрочного прогнозирования развития международных отношений в регионе, события в котором влияют, среди прочего, на важную для украинской экономики динамику мировых цен на углеводороды.

Выводы автора можно использовать в учебном процессе в высшей школе, для подготовки учебных программ и учебников по истории международных отношений, стран Азии, учебных пособий по политологии, в преподавании курсов, связанных с темой прав человека, национальных меньшинств, межэтнических отношений и т.д.

Основные положения исследования были апробированы автором в выступлениях на научно-практических и научно-теоретических конференциях: XVI Международная научная конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Управление развитием социально-экономических систем: глобализация, предпринимательство, устойчивый рост», г. Винница, 2016. ; Всеукраинская научная Интернет-конференция. К 25-летию независимости Украины. Майские студии. История, политология, интернациональные дела. г. Винница, 20 мая 2016; на отчетных научных конференциях Львовского национального университета имени Ивана Франко (ноябрь 2017 г., февраль 2018 г.), на научных семинарах кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко.

Результаты исследования обсуждены на заседаниях кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко

По результатам научного исследования опубликовано 6 научных статей, в том числе 4 единоличных, 1 статья в периодических научных изданиях других государств, в том числе 1 единоличная.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, международные отношения, Ирак, Ближний Восток, курдское национальное движение, федерация, автономия.

ANNOTATION

Qadir Aso Araz Iraqi Kurdistan in the system of modern international relationships. – Qualification scientific work as a manuscript.

Thesis for the degree of candidate of political science in specialty 23.00.04 “Political problems of international systems and global development”. – Ivan Franko Lviv National University, Lviv, 2019.

The subject of the research is the role of Iraqi Kurdistan in the current system of international relations. The work is the first in Ukraine to generalize the study of a holistic complex of political relationships of the Kurdistan Region of Iraq in the interconnection of its international and internal components.

An important component of the research topic is the relations of Iraqi Kurdistan with the neighboring countries of the region. Among them, a special place is occupied by relations with the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran, from the economic and military-political point of view, the most influential actors in regional politics.

In general, among the neighboring countries of the Kurdistan Region, Turkey has perhaps the most influence on it. Certain aspects of the problem of relations between Iraqi Kurdistan and Ankara are explored in the dissertation. The author showed a wide range of various issues of international relations in Turkey. In particular, an analysis of the general principles and features of the foreign policy of the Turkish Republic at the beginning of the 21st century, in the context of which Ankara's strategy for Iraqi Kurdistan was also formed.

Relationship of Iraqi Kurdistan and the Islamic Republic of Iran has also become the subject of study in the thesis. In particular, a multifaceted general analysis of the place of Iraqi Kurdistan in Tehran's foreign policy calculations was determined. The

main factors that guide Iran's policy towards Kurdish autonomy have been identified, the main of which is considered the fears of the Iranian Islamist leadership related to the Kurdish movement in Iran. It is also noted the deep penetration of the Iranians into all sectors of Iraq's domestic policy, their influence on the Shiite community in this country.

The historical origins of the Kurdish problem in Iraq have been shown. It has been demonstrated that all regimes in Iraq suppressed Kurds and sought to minimize their cultural and political rights. It was found that important changes in international politics and the influence of external factors, primarily military intervention by the United States and their allies, were crucial for significant changes in the political status of the Kurdish region. The role of the efforts of Kurdish national movement in gaining for Kurds the broad autonomy is also shown.

It is argued that along with the US position, the position of the Kurdish parties had a decisive influence on the constitutional settlement in Iraq after the overthrow of the regime of S. Hussein. The federal structure of Iraq and the broad autonomy of the newly formed Kurdistan Region have become a condition for the preservation of state ties between the Kurds and the Iraqi state.

First, the process of federalizing Iraq was incomplete. The Kurdistan Region is still the only subject of the virtual Iraqi federation, therefore, despite the provisions of the constitution, the upper house of parliament does not function in the country, which should represent the interests of the regions. In conditions of prolonged political chaos in the country, acute conflict between Shiites and Sunnis, between various political forces within the confessional communities themselves, which threatened Iraq with disintegration, the central government made efforts to prevent the creation of other regions - subjects of the federation. In fact, Iraq is a federation only formally, while the Kurdistan Region is actually an autonomy.

Secondly, the process of defining the borders of Kurdish autonomy, which was and remains the subject of intense confrontation between Erbil and Baghdad, Kurdish, Arab and other ethnic and confessional communities in Iraq, has not yet been completed. The largest subject of dispute is the city of Kirkuk, the center of the oil-bearing region. Control over it would contribute to a significant increase in the economic and military-political resources of the autonomy, and then the potential for establishing itself in a possible status of an independent state. Due to the position of Baghdad, the settlement procedure stipulated by the constitution was not implemented in time. The Kurdish side rejects compromise options for resolving the issue of Kirkuk, which leave it outside the territory of the Republic of Iraq, but the government is inclined to deny the very existence of the problem.

Thirdly, not fully resolved the constitutional and legal status of the armed forces Authority ("Peshmerga") which effectively beyond the control of the federal government and mostly provided from the budget of Iraqi Kurdistan.

One of the most important components of the conflict between the Kurdistan Region and Baghdad is the problem of controlling hydrocarbon production in its territory and the distribution of profits from the oil and gas industry, which is intertwined with the problem of financing autonomy from the Iraqi budget. Attracting foreign investment in Iraq is largely outside the legal field of Iraq, whose government is seeking to participate effectively in the process. The independent development of the oil and gas industry has provided the Kurdish government with a source of revenue independent of the central government and provided a certain economic basis for its position in the disputes with Baghdad. At the same time, the economy of autonomy has become excessively dependent on the extraction of raw materials (although the structure of Iraqi Kurdistan is not significantly different from the structure of the whole of Iraq). In addition, its own oil and gas production provides the budget needs of Iraq only in part.

It was found that the process of constitutional reorganization of Iraq remained incomplete. After 2003 the Kurdistan Region contributed to the stabilization of the overall political situation, the advancement of Iraq to the democracy. At the same time, there are a number of profound contradictions in the relations between the Kurdish regional government and the Iraqi central authorities, which still did not find a stable and mutually acceptable solution.

The first subject of the struggle is some territories which Kurds seek to join in the autonomy. In this context the problem of the city of Kirkuk status is of greatest importance. The territorial conflict between Baghdad and Erbil is a manifestation of divergences in the interests and positions of the Kurds, Arabs and other ethnic and religious communities in Iraq.

Secondly, the Kurdistan Region and the federal government have different approaches to the issue of the right of autonomy to dispose of hydrocarbon resources on its territory. The large-scale foreign investments attracted by Erbil without Baghdad approval provided Kurdistan Region some degree of financial autonomy, but it still to be financially dependent from central government.

The differences between the Kurdistan Region and the Iraqi government as to the issues of security are also highlighted. It is shown that the Kurdish armed forces, the Peshmerga are in fact Kurds national army whose legal status is not completely regulated.

It is concluded that the real nature of the relations between the Iraqi Kurdistan and the central Iraqi authorities lays far beyond strict constitutional norms and procedures and in great degree is determined by the general balance of political and military potentiality of both sides.

It has been shown that Iraqi Kurdistan has formed multisectoral system of international relations that are formally non-interstate but in fact reflect the position of autonomy as a state entity, thus acquiring certain features of the relations between

sovereign states. Since 2003 relation with the United States had the greatest significance in the whole complex of Iraqi Kurdistan international relations though their importance for some degree changed itself.

The relations of Iraqi Kurdistan with its most powerful neighbor countries namely Turkey and Iran also has been analyzed. They both are the biggest economic partners of Iraqi Kurdistan. Having some serious differences these countries nevertheless are united in negative attitude to the idea of Iraqi Kurdistan independence. The author also highlights Iraqi Kurdistan relations with Russia, European Union and some European countries.

Today for Iraqi Kurdistan independence is beyond the horizon of real political perspectives, taking into account that almost all foreign partners of Iraqi Kurds support territorial integrity of Iraq and Kurdistan autonomous status. Political future of Iraqi Kurdistan would be determined by international development in Middle East, especially US attitude to the Kurds problem. At the same time, Iraqi Kurds attitude to their state connections with Iraq would depend upon Iraq progress in its efforts to overcome corruption, to provide stable economic development and to find mutual understanding between different political forces and ethno-confessional groups in the country.

Key words: Iraqi Kurdistan, international relations, Iraq, Middle East, Kurdish national movement, federation, autonomy.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ ПО ТЕМЕ ДИСЕРТАЦИИ

Статьи в научных изданиях Украины

1. Кадир Асо Араз, Юрий Мороз. Иракский Курдистан: особенности политико-правового статуса и взаимоотношения с центральной властью // Вестник Львовского университета. Серия "Международные отношения". – № 42. – 2017. – С. 98–105.

2. Кадир Асо Араз. Отношения Иракского Курдистана с Турецкой Республикой после 2003 г.: факторы стратегического сближения и основные противоречия // Вестник Львовского университета. Серия "Международные отношения". – № 44. – 2018. – С. 135–146.

3. Кадир Асо Араз. Отношения Иракского Курдистана с Исламской Республикой Иран: политический, экономический и идеологический аспекты//Региональные студии. – № 15. – Ужгород, 2018. – С. 57–63.

4. Кадир Асо Араз. Отношения Иракского Курдистана с США в 1990 – 2000-х гг. факторы сотрудничества и основные противоречия // Вестник Львовского университета. Серия "Международные отношения". – № 46. – 2019. – С. 137–151.

Статьи в зарубежных научных изданиях

5. Кадир Асо Араз. Нефть и стратегия национальной безопасности в Ираке (на арабском языке) // Kirkuk University. Journal of college of law для правосудия и политических наук. – 01/02/2017. – С. 273–303. /Issn. 2226 – 4582

Опубликованные труды апробационного характера

6. Qadir Aso Araz, Moroz Y. M. Iraq по ISIS: The future of Iraqi economy // Труды XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Управление развитием социально-экономических систем: глобализация, предпринимательство, устойчивый рост». – Том 2. – Винница: Донецкий национальный университет имени Василя Стуса, 2016. – С. 67–68.

7. Кадыр Асо Араз. Сравнительная характеристика национальной идентичности курдов и украинцев в условиях войны с террористами // Всеукраинская научная интернет-конференция. К 25-летию независимости Украины. Майские студии. История, политология, интернациональные дела. Сборник тезисов. 20 мая 2016 г. – Винница, 2016. – С. 73–75.

8. Асо Араз Кадир. Особенности международно-политического статуса Иракского Курдистана // Программа отчетной научной конференции университета за 2017 г. Секция международных отношений. Подсекция интернациональных отношений и дипломатической службы. – Львов, 2018. – С. 78.

9. Кадир Асо Араз. Курдская автономия в Ираке в системе государственной власти страны: правовой и политический аспекты // Научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы развития публичного управления в Украине». Материалы научно-практической конференции с международным участием. – Львов, ЛРИДУ НАДУ, 11 – 12 апреля 2019 г. – С. 113–116.

10. Кадир Асо Араз. Отношения Украины с Курдской автономией в Ираке: политический и экономический аспекты // Международная конференция «Инновационные технологии в развитии современного общества». – Львов, ИППТ НУ «Львовская политехника», 18 – 19 апреля 2019 г. – С. 308–311.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Завершение «холодной войны» привело к изменению конфигурации сил как на глобальном, так и региональном уровнях и тем самым высветило новые грани и в определенной степени, создало новые возможности для решения устаревших исторических проблем. Ведущее место среди них занимает «курдская проблема», суть которой заключается в упорном стремлении курдского народа реализовать свое право на самоопределение в условиях отсутствия поддержки международного сообщества и сопротивления со стороны мощных региональных государств. После первой мировой войны курды, в отличие от многих народов региона, так и не смогли реализовать государственные стремления и оказались разделенными среди нескольких государств.

Лишь после падения режима С.Хусейна в 2003 году стало возможным создание и функционирование курдской автономии в Ираке. Ее значение выходит за рамки внутренних процессов собственно курдской нации, поскольку оказывает существенное влияние на процессы в регионе, к которым вовлечены не только самые влиятельные региональные актеры типа Турции и Ирана, но и ведущие глобальные игроки, в частности Соединенные Штаты. Завершение процесса консолидации и самоопределения курдской политической нации явилось одним из важных факторов формирования новой региональной конфигурации в регионе Ближнего Востока. Таким образом, не являясь формально полноправным субъектом международных отношений, Иракский Курдистан в значительной степени приобрел субъектные признаки. Можно утверждать, что была сформирована разветвленная и разновекторная система международных связей, которые формально не имеют характера межгосударственных, однако фактически приобретают отдельные черты отношений суверенных государств.

Данная проблематика представляет значительный интерес в контексте изучения дезинтеграционных процессов, сопровождающихся самоопределением наций посредством формирования новых государств, а также их влияния на систему международных отношений. Следует также обратить внимание на значение формирования курдской государственности мирным ненасильственным способом и на основе демократических политических традиций для развития политического процесса в нестабильном и высококонфликтном регионе Ближнего Востока. Также стоит добавить, что «курдская проблема» пока не нашла должного освещения в украинской политической науке, поэтому ее изучение актуально.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование связано с научной проблематикой кафедры международных отношений и дипломатической службы факультета международных отношений Львовского национального университета имени Ивана Франко в рамках темы Евроатлантический регион в современной мировой политике (номер государственной регистрации 0114K004774).

Цели и задачи исследования. Целью данного исследования является всесторонняя черта места и роли Иракского Курдистана в современной системе интернациональных отношений.

Достижение названной цели требует решения следующих исследовательских задач:

– выявить состояние научной разработки, а также методологические аспекты изучения проблем становления курдской автономии в Ираке и его роли в системе современных международных отношений

- проанализировать процесс становления курдской автономии и ее политический статус в составе Ирака;
- выявить роль энергетического фактора во взаимоотношениях курдской автономии с центральным иракским правительством;
- определить характер и особенности отношений Иракского Курдистана с Турцией и Ираном, а также другими странами – участниками международно-политических процессов на Ближнем Востоке;
- выявить специфику взаимоотношений Иракского Курдистана с США, их влияние на современное положение Региона Курдистан и его политические перспективы;
- осветить взаимодействие курдского автономного региона с международными организациями.

Объектом данного исследования определены возникновение и функционирование Иракского Курдистана в контексте социально-экономических и политических процессов в регионе Ближнего Востока.

Предметом исследования является специфика и динамика взаимодействия Региона Курдистан с центральным правительством и международными партнерами, а также его место в современной системе международных отношений на региональном уровне.

методы исследования. Методологической основой исследования определен ряд общенаучных и специальных принципов и методов. При освещении всех тематических и проблемных составляющих выбранной темы применялись универсальные общенаучные методы анализа и синтеза, логические методы

индукции и дедукции, метод абстрагирования. Автор также пытался придерживаться основ научной объективности и беспристрастности.

Использование проблемно-хронологического подхода позволило определить перечень основных задач исследования, сформулировать его структуру и план. Принцип историзма обусловил рассмотрение проблематики работы с учетом ее исторической ретроспективы, через призму конкретно-исторических связей и особенностей курдской проблемы в Ираке, позволил определить исторические истоки актуальных сегодня международно-политических аспектов деятельности курдской автономии в Ираке. В этом контексте исследование опирается на принцип детерминизма, направленный на поиск экономических, социально-культурных и политических причин и предпосылок событий.

Компаративный подход был использован для анализа важных направлений международных отношений курдской автономии, а также характеристики общекурдского измерения курдской проблемы в Ираке.

Также автор использовал ряд специальных методов. В частности применение структурно-функционального анализа позволило выявить сложный комплекс международных отношений Иракского Курдистана как структурированную и динамическую систему взаимосвязанных элементов.

Эмпирический компонент исследования сформировывает комплекс статистических данных, нужных для оценки текущего положения и экономического и политического потенциала курдской автономии.

Научная новизна полученных результатов состоит в том, что диссертационное исследование является первым в украинской политической науке трудом, в котором осуществлен комплексный анализ особенностей

международных отношений Иракского Курдистана и его современного государственно-политического положения, показана их взаимозависимость и взаимовлияние.

Научную новизну исследования наиболее полно раскрывают его следующие положения:

впервые:

– проанализированы правовую и политическую специфику взаимоотношений курдской автономии с центральной властью Ирака, показаны основные факторы и динамику ее формирования;

– выявлены особенности отношений Региона Курдистан с США, Турцией, Ираном, Россией, рядом других стран;

– освещено взаимодействие Региона Курдистан с международными организациями;

– проанализированы последние изменения в положении курдской автономии, сформулированы прогнозы вариантов дальнейшего развития

усовершенствовано:

– освещение места Иракского Курдистана в международных процессах на Ближнем Востоке в 1990-х гг.;

– выявление влияния нефтегазового сектора на развитие экономики курдского региона Ирака

получило дальнейшее развитие:

- выделение регионального измерения курдской проблемы в Ираке, ее место в контексте целого «курдского вопроса» на Ближнем Востоке;
- усовершенствование понятийно-категорийного аппарата, связанного с политико-правовым аспектом исследования;
- анализ особенностей конституционного реформирования Ирака после 2003 года.

Практическое значение полученных результатов состоит в возможности их использования органами государственной власти в сфере внешних сношений, а также в учебном процессе в высшей школе при разработке курсов по проблематике конфликтологии, внешней политике стран Ближнего Востока и региональной безопасности для специальности «международные отношения».

Хронологические рамки исследования обусловили следующие критерии. Нижнюю хронологическую границу определяет многонациональная военная операция США и их союзников в Ираке в 2003 году, что сделало возможным создание курдской автономии. Верхний предел определен 2018 год, что связано с обретением стабильности и сбалансированности в отношениях Иракского Курдистана с центральным правительством и основными международными партнерами.

Апробация результатов исследования. Диссертация апробирована на кафедре международных отношений и дипломатической службы факультета международных отношений Львовского национального университета имени Ивана Франко. Ее основные положения представлены в ходе таких, в частности, международных, всеукраинских и студенческих научно-практических конференций: XVI Международная научная конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Управление развитием социально-экономических систем:

глобализация, предпринимательство, устойчивый рост», г. Винница, 2016; Всеукраинская научная Интернет-конференция. К 25-летию независимости Украины. Майские студии. История, политология, интернациональные дела. г. Винница, 20 мая 2016; на отчетных научных конференциях Львовского национального университета имени Ивана Франко (ноябрь 2017, февраль 2018), Научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы развития публичного управления в Украине». – Львов, ЛРИДУ НАДУ, 11 – 12 апреля 2019 г.; на научных семинарах кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко.

Публикации. Основные положения диссертационной работы отражены в 10 публикациях, в том числе 4 научных статьях, опубликованных в профессиональных изданиях Украины по политическим наукам, в том числе 3 единоличных, 1 статьи в периодических научных изданиях других государств, а также в 5 публикациях материалов научных конференций.

Структура диссертации. Диссертация состоит из аннотации, введения, списка условных сокращений, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 224 страниц, из них 175 страниц основного текста. Список использованных источников и литературы насчитывает 283 позиций.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ДПК – Демократическая партия Курдистана

ИРИ – Исламская Республика Иран

КАР – Курдский автономный регион

КРУ – Курдское региональное правительство

ОННН – Организация непредставленных наций и народов

ООН – Организация Объединенных Наций

ПСК – Патриотический союз Курдистана

ПСР – Партия справедливости и развития

РК – Регион Курдистан

РПК – Рабочая партия Курдистана

РФ – Российская Федерация

США – Соединенные Штаты Америки

ТМВ – теория международных отношений

ЮНИСЕФ – Детский фонд ООН

ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования,
науки и культуры

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОЧНИКА БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теоретико-методологические аспекты изучения проблем становления курдской автономии в Ираке и его роли в системе современных международных отношений.

Сегодня теоретическое осмысление сущности и свойств системы международных отношений происходит в рамках широкого спектра отличных концепций и порой оппонирующих, а порой дополняющих друг друга школ. Начала утверждения теории международных отношений (ТМО) как современной научной дисциплины можно отнести к периоду между двумя мировыми войнами, хотя окончательно свой уважаемый статус в академической среде она получила уже после Второй мировой войны [71, с. 200].

Идеи немецкого философа – среди первоисточков той парадигмы теоретического осмысления международной политики, которую традиционно определяют как идеалистическую или либеральную. Ее представителей объединяет, по определению М. Мальского и М. Мацяха, вера в совесть и рациональность как предпосылки мира и универсальной гармонии [52, с. 268]. Идеалистический подход к проблеме международных отношений в целом доминировал после Первой мировой войны, в первые годы становления ТМВ, что

в определенной степени было, как представляется, интеллектуальной реакцией на трагический и травматический опыт. Стремясь понять свойства системы международных взаимоотношений, и одновременно – постулируя отношение к войне как к абсолютному злу, которое следует преодолеть, либералы указывали, что,

Главные процессы в международных отношениях – не конфликты и войны, но сотрудничество и интеграция, в основе которых – все более растущая взаимозависимость государств. Они также отмечали все большее влияние на международные отношения негосударственных актеров – международные негосударственные организации, транснациональные корпорации, банки, определенные организованные группы и даже отдельные лица [95, с. 119 – 120].

Несомненно, постулаты идеализма были положены в основу созданной по окончании первой мировой войны Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, что стало как ее силой, так, к сожалению, и очевидной слабостью, поскольку крах системы вызывался прежде всего неработающими инструментами и институтами безопасности на фоне отсутствия воли ведущих политических элит Европейского континента. Понятно, что такая система не способствовала реализации права курдского народа и не смогла посодействовать созданию его государства.

В то же время, с точки зрения либеральной теории считается возможным анализ роли и места международных организаций в процессе создания и становления курдской автономии в Ираке, опиравшихся на ослабление режима С.Хусейна, критикуя его жестокие действия в отношении курдского населения.

Теоретической альтернативой либерализму стала реалистичная школа (реализм), со временем получившая положение наиболее влиятельной. И сегодня,

подвергшись определенному обновлению и трансформациям, теоретические постулаты реализма сохраняют едва ли не наибольшее влияние как в академической среде, так и в кругах, формирующих внешнюю политику многих стран.

Сторонники реализма исходят из постулата о несовершенстве человеческой природы, которая неизбежно рождает противоречивые интересы и конфликты, проявляющие себя также и в международных отношениях. Отношения между государствами носят фактически анархический характер, то есть не

существует эффективного сверхгосударственного института, способного регулировать их несмотря на волю самих государств [8, с. 48].

По Г. Моргентау, международные отношения определяются в категориях «силы» или «мощности» (англ. “power”), «баланса сил» и «национального интереса», который также определяется через понятие мощи. Государства стремятся увеличивать свою силу. Мораль отдельной нации/государства не тождественна универсальной морали; по мнению Г. Моргентау, считать так – опасно и вредно миру. В целом сфера международных отношений находится вне моральных понятий [73, с. 100]. Мир на самом деле опирается на реальный баланс сил, который, впрочем, обычно не слишком устойчив. Кроме того, внешняя политика имеет немалую степень автономности в отношении других общественных сфер (экономики, культуры, религии и др.), и международные отношения невозможно редуцировать к тому или иному политическому интересу [3, с. 76].

С точки зрения реалистов, анализ международной политики не нуждается ни в изучении мотивов, лежащих в основе политических действий, ни идеологий; зато кроме самих действий имеют значение только интеллект и воля политиков [3,

с. 76]. Сам Г. Моргентау определял три базовые модели внешней политики любого государства, согласно которым она может направляться на: сохранение статус-кво в международных отношениях; на накопление мощи и рост силы (империализм); быть политикой демонстрации силы (политика престижа). Последняя чаще всего является одним из инструментов либо политики статус-кво, либо империалистической политики [3, с. 80].

Анализируя процесс образования Курского государства с точки зрения политического реализма, можно констатировать, что оно не имело благоприятных перспектив исходя из политики основных государств региона, выступавших в одном случае с позиций утверждения собственной обновленной государственности (Турция), а с другой – поддержания стратегической стабильности. на основе существующего баланса сил и конфигурации игроков. В таких обстоятельствах перспективно мощное Курдское государство казалось лишним.

Другим важным теоретическим направлением в международных отношениях стал системный подход. Согласно системному подходу, методология анализа международных отношений должна опираться на общую теорию систем. Следует, по нашему мнению, указать на близость системных теорий международных отношений с неореалистскими концепциями в видении характера и общей логики действий государств на международной сцене. По сути, общими с реализмом являются постулаты об анархическом характере международных отношений, о том, что главными актерами на международной сцене являются великие государства. Представителям системного подхода также близки понятия баланса сил, положения об объективном характере конфликта интересов государств и т.д.

Согласно ему, курдская автономия Ирака является элементом более сложной подсистемы в регионе Большого Ближнего Востока, причем налицо признаки наращивания ею международной субъектности и даже влияния на другие субъекты и на процессы в регионе.

В определенной степени альтернативой как неореалистским, так и неолиберальным подходам выступает конструктивизм, сформировавшийся в конце 1980-х гг. зависимости от другого и одновременно влияет на него. По определению П. Кузика, в трактовке конструктивистов «характер взаимодействия субъектов международных отношений ... определяется прежде всего моделью поведения, которая формируется определенной системой идентичностей и трансформируется в течение определенного времени» [37, с. 98]. «Интерес» актеров международных отношений, который реалисты понимают прежде всего через категорию силы, с точки зрения А. Вендта зависит от их самоидентификации, которая, в свою очередь, формируется под влиянием их социальных отношений. В этом контексте исследователь указывал, в частности, на отличное поведение государств по отношению к своим врагам и друзьям. В то же время, опираясь только на реалистскую концепцию баланса сил и взгляд на международные отношения как вполне анархические, невозможно определить, кто кем для тех или иных государств [37, с. 100].

Конструктивисты указывают, что «мощь» или силу, являющуюся одним из ключевых понятий реализма и неореализма, невозможно измерить только в материальных категориях. Бесспорно, сила частично определяется материальными факторами, однако в целом имеет дуальную, двойственную природу, включая нематериальные факторы, такие как воля, система ценностей тех или иных международно-политических актеров [12, с. 130].

Важность именно нематериальных факторов силы показательна при анализе истории и настоящего курдского народа, который в течение долгого исторического периода сумел сформировать и укрепить собственную идентичность, ставшую одним из решающих факторов создания государственности.

2.1. Состояние научной разработки проблемы и источниковая база исследования

История и актуальные проблемы международных отношений Иракского Курдистана впервые привлекли определенное внимание украинских исследователей в конце 1990-х гг. работают сейчас в Украине.

На данный момент в отечественной историографии наиболее полный и разносторонний анализ международно-политического, а также внутригосударственного измерений курдского вопроса в Ираке сделан в диссертационной работе Гама Али Кадер Маквана [23]. Результаты этого исследования отражены также в нескольких статьях названного автора [22, 24, 25, 26]. Диссертация Гамма Али Кадер Маквана опирается на широкий круг иракских, курдских, англоязычных и других источников, исследования западных и российских ученых. Его автор, в частности, заключил, что курдский фактор для региональных и внерегиональных государств всегда был лишь средством достижения собственных политических и экономических целей, в зависимости от которых и определялось отношение крупных международно-политических актеров к правам и интересам курдов. Подчеркивая немалую роль для обеих

сторон союза иракских курдов с США, исследователь подчеркнул, что в целом курдская проблема для Соединенных Штатов – внутренняя проблема нескольких стран в контексте соблюдения ими прав человека и национальных меньшинств, но не проблема права всего курдского народа на государственно-политическое самоопределение. Работа названного автора является ценным вкладом в украинскую историографию проблем Ближнего Востока, однако она завершена в 2007 г., и с тех пор в положении и международных отношениях Иракского Курдистана произошло немало очень важных событий и изменений.

Международные аспекты курдской проблемы, в том числе в Ираке, отражены в ряде других публикаций отечественных исследователей. В частности, общую сравнительную оценку положения курдского меньшинства на территории четырех соседних стран, где курды являются автохтонным населением – Ирана, Ирака, Турции и Сирии – дал Голуб [27]. Вышеупомянутый автор показал огромные преимущества положения курдов в Ираке, с точки зрения реализации их политических и культурных прав по сравнению с другими государствами, достигнутые благодаря уничтожению диктаторского режима С. Хусейна и последующему довольно успешному развитию курдского автономного региона. Аналогичный вывод сделан и в статье А. Бордиловской и В. Кухты, которые подчеркнули также, что на данный момент иракская модель решения курдского вопроса оказалась для курдов наиболее благоприятной, и в то же время кажется привлекательной и сравнительно реалистичной для курдского меньшинства в соседних странах [11].

Краткую общую характеристику международно-политического измерения курдской проблемы на рубеже XX – XXI ст. подали Е. Синкевич и С. Попова [82]. М. Корчинский сделал комплексный анализ основных направлений двусторонних международных отношений Региона Курдистан в период после 2003 г. и момент

вывода из Ирака американских войск в 2011 г. [34]. Различные грани курдского вопроса в международных отношениях на Ближнем Востоке в середине 1970-х – в 1990-х гг. отражены в диссертационной работе [14] и нескольких публикациях Бхари Абдулы Кадера [15; 16; 17].

Общий обзор эволюции политики ЕС по курдской автономии в Ираке (ограничивая его хронологические рамки событиями до 2014 г.) представлен в статье С. Наджата [81]. Автор отметил последовательность Брюсселя в поддержке территориальной целостности Ирака, сосредоточенность общей европейской политики в отношении иракских курдов, прежде всего, на гуманитарных и экономических вопросах, задачах развития демократических институтов, проблеме обеспечения прав человека в Иракском Курдистане и Ираке в целом. В то же время исследователь высказал мнение о наличии определенного смещения позиции Брюсселя в сторону Эрбиля в 2014 г. (в период, когда разворачивалось наступление т.н. «ИГИЛ»).

Внимание украинских ученых также привлекли отдельные эпизоды истории курдского вопроса в Ираке. Так, Р. Макаров обратился к вопросу о создании Королевства Ирак, появление которого явилось одним из главных обстоятельств, определявших политическую судьбу курдов в Южном Курдистане[50]. Л. Ямпольская дала общую характеристику роли в национальном движении иракских курдов Мустафы Барзани – его наиболее влиятельной личности в 1960-х – начале 1970-х гг.[100].

Определение позиции США в отношении национального движения иракских курдов при нахождении во власти в Ираке генерала А. Касема освещал в небольшой публикации В. Кшановский [38]. Исследователь отметил, что приоритетом американской политики в отношении Ирака было сдерживание

влияния СССР, а курдский вопрос в указанный период в целом находился на маргине внимания Вашингтона.

Несколько украинских исследователей обратились к проблемам взаимоотношений Иракского Курдистана с центральной властью Ирака, особенностям его социально-экономического развития и тому подобное. В частности, вопросы подготовки и принятия новой конституции Ирака, в которой, в частности, зафиксировано федеральное устройство страны, статус и права курдской автономии, освещалось в статьях Г. Шелест [96; 97]. Исследовательница подчеркнула, что, несмотря на заметное продвижение, процесс конституционного урегулирования в «пост Саддамовском» Ираке в ряде моментов остался незавершенным.

главные этапы становления административного законодательства курдской автономии определил С. Кхасрави [36]. В диссертационном исследовании Салмана Давуда Аль-Брайчата осуществлен общий правоведческий анализ правовой системы современного Ирака [2]. Глубже понять общественно-политические реалии Иракского Курдистана в «постсаддамовский» период позволяет подробное компаративное исследование курдской и украинской прессы, проведенное Мухаммадом Хидером Мавлуд Хаджи [65]. Камаран Али Хасан дал краткую характеристику развития нефтегазовой промышленности Иракского Курдистана – фундамента экономики этого региона [33].

В целом, в специальной литературе проблематика, охватываемая темой диссертационного исследования, представлена довольно разносторонне, однако преимущественно фрагментарно, в отдельных аспектах и моментах. Практически без внимания исследователей остаются, в частности, большинство актуальных международных измерений курдской проблемы в Ираке.

Вместе с тем ее отличительные грани и составляющие, такие как историческая, экономическая, политическая, международная и другие, были предметом изучения в публикациях широкого круга зарубежных исследователей.

В частности, в нескольких работах монографического или диссертационного характера представлен обобщающий нарратив истории курдского движения в Ираке. В монографиях известного курдолога М. Лазарева [39; 41; 42] курдский вопрос в Ираке рассматривается как часть проблемы реализации национальных прав и национального самоопределения целого курдского народа. Несмотря на наличие определенных советских идеологических стереотипов, труды М. Лазарева, опирающиеся на пространную источниковую базу, являются достаточно содержательными исследованиями широкого круга вопросов истории Иракского Курдистана, прежде всего социально-экономических и политических.

Непосредственно курдскому национальному вопросу в Ираке в период после Первой мировой войны и начала 1970-х гг. посвящена довольно основательная монография Ш. Мгойи, автор которой, как и все советские ученые, держался рамок тогдашних официальных идеологических клише [54]. Особое внимание в ней уделено отношениям Демократической партии Курдистана с коммунистами, ее роли в общеиракской политической жизни.

Насыщенная подробностями политическая биография Мустафы Барзани представлена в монографии А. Жигалиной [29]. Жизнеописание М. Барзани (следует признать скорее апологетического характера) находим также в книге Масуда Барзани, его сына и преемника в роли лидера ГПК [6].

Многие авторы освещали отдельные темы истории Иракского Курдистана, ее разные периоды. Основные аспекты политики британской администрации в

Южном (Иракском) Курдистане в 1918 – 1932 гг., то есть в период после краха Османской империи и до вхождения Ирака как суверенного государства в Лигу Наций, проанализированы в диссертационном исследовании Хавкара Мухеддин Джалила,) в 2017 году [128]. Он, как отметил его автор, стал первой обобщающей работой по этой теме. В диссертации, построенной преимущественно на англоязычных источниках (автор использовал также арабские и курдские) подробно рассмотрены политические, экономические и географические аспекты ситуации в регионе накануне 1918 г., деятельность шейха Махмуда и курдские восстания 1919 – 1920 гг. начала 1920-х, его место в англо-турецком споре за Мосульский вилайет, соответствующие решения Лиги Наций, курдские восстания начала 1930-х гг. Автор диссертации доказывает, что в ближневосточной политике Великобритании курдский вопрос был далеко не первостепенным. В международно-политических калькуляциях Лондона ряд военно-стратегических и экономических соображений побудил англичан минимизировать внимание к проблеме защиты прав курдов, предпочитая обеспечивать свои интересы в Ираке и в отношениях с Анкарой. С другой стороны, арабские правительства в Багдаде фактически игнорировали рекомендации английской администрации по поводу необходимости более толерантного отношения к курдскому меньшинству.

Проблему влияния политики британской администрации на эволюцию курдского национализма в Ираке рассматривал также Ариканри Зейнеп в статье, опубликованной в сборнике аргентинского центра международных исследований [104]. Исследователь, в частности, указал на некоторую неопределенность стратегии Лондона в Месопотамии и курдов. Курдское движение стало серьезной проблемой для британской администрации. Именно англичане добились присоединения к Ираку Мосульского вилайета бывшей Османской империи, в котором курды составляли большинство населения, и это

явилось исходным моментом новейшей национально-политической истории курдского меньшинства в этой стране. О месте курдской проблемы среди факторов, оказавших влияние на образование и становление Королевства Ирак до 1932 г. (момента завершения британского мандата), писал также М. Изади [130].

Вопрос о разрешении конфликта относительно принадлежности Мосульского вилаята между Великобританией и Турецкой Республикой освещала С. Шилдз [154]. Анализируя усилия, которые приложила для разрешения напряженного спора Лига Наций, исследовательница показала многомерность тогдашней идентичности жителей бывшей османской провинции, большинство которых имели скорее региональное, чем этническое тождество, и в вопросе выбора новой политической «крыши» предпочитали прежде всего социально-экономические ценности. Вместе с этим, высшие слои населения Мосула в целом склонялись к иракскому подданству, чем турецкому.

Проблему места курдского вопроса в ближневосточной политике великих государств (Российской империи, Великобритании и Германии) в годы Первой мировой войны освещал Э. Вартаньян [18]. В рамках своего монографического исследования истории ирано-иракской войны 1980 – 1988 гг. советский востоковед Ш. Ниязатов затрагивал и вопрос участия в этом конфликте курдских вооруженных формирований, которые сотрудничали с Ираном против своего главного врага – режима Саддама Хусейна[67].

Большое внимание исследователей привлекли вопросы внутреннего развития курдской автономии в период после 1992 г., в частности проблемы становления ее политических институтов, экономики, гражданского общества, а также вопросы определения отношений с центральной властью Ирака, проблема роли Иракского Курдистана в общеиракском политическом процессе.

Эта тема довольно широко освещается в монографии С. Иванова [31]. Разносторонний анализ положения Иракского Курдистана (по состоянию на 2007 г.), на фоне всеобщего обзора истории курдов в Ираке, представлен в работе курдского автора К. Йилдиза [137].

Подробный нарратив истории развития курдской автономии в Ираке после 1992 г. представлен в статье Й. Юде [131]. Говоря об Иракском Курдистане как о государстве де-факто, автор подверг критике влиятельную политическую доктрину, согласно которой первоосновой появления и утверждения новых государств является война. По его мнению, образование в Ираке автономного курдского региона стало результатом действия, прежде всего, внешних факторов. Речь идет прежде всего о влиянии США и отчасти Турции, исходя из собственных интересов, добились формирования в Иракском Курдистане двухпартийной коалиции, которая смогла обеспечить сравнительно успешное экономическое и политическое становление автономии. Такая модель «государства» оказалась эффективной и жизнеспособной; в то же время, И. Юде указал и на существенные ограничения его потенциала.

Политические и экономические проблемы курдской автономии накануне вывода из Ирака американских войск анализировал Д. Романо[152]. Среди прочего, он указывал на межпартийные споры в курдском регионе, в частности, негативное влияние «партийного» разделения его институтов безопасности, очертил ряд проблем в отношениях Региона Курдистан с центральной властью Ирака.

Б. Басер и М. Тойванен анализировали внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты курдских усилий в сфере политики исторической памяти, направленных на признание проводимой С. Хусейном кампании

"Анфаль" геноцидом [109]. В внутривнутриполитическом измерении, отметили исследователи, они должны способствовать курдской национальной консолидации через укрепление чувства принадлежности к нации – жертвы геноцида, и, в конце концов, опосредованно служить легитимации незалежницьких стремлений Иракского Курдистана. На международном уровне, кампания по признанию «Анфаль» геноцидом помогает расширению связей и увеличению влияний курдской «парадипломатии», и также может сыграть роль в независимой перспективе видения политического будущего курдской автономии в Ираке.

В общей публикации Г. Стансфилда и Л. Андерсона рассмотрено напряженное противостояние между Багдадом и Эрбилем в 2008 – 2009 гг., обусловленное обострением курдско-арабского территориального спора и усилиями правительства Н. аль-Малики [1]. В общем, именно конфликт по юрисдикции над рядом территорий является одним из главных во взаимоотношениях Региона Курдистан с федеральным центром. Его важнейшей составляющей является вопрос Киркука. К нему специально обращались такие исследователи, как С. Уолф, С. Сапронова[163],[72]. С. Вольф очертил несколько вариантов компромиссного разрешения спора по поводу власти в этом городе и округе, отметив радикальную позицию курдских проводников, которые называют Киркук «курдским Иерусалимом» и категорически настаивают на его включении в Курдистан. Такой подход подвергся критике в публикации Н. Дениз[113]. По мнению исследовательницы, курдская бескомпромиссность оказывает негативное влияние на перспективы длительного урегулирования спора, политическую стабильность в Ираке в целом.

Важным компонентом внутривнутриполитической жизни Ирака и политического развития курдской автономии есть комплекс проблем, связанных с федеративной моделью конституционного устройства Ирака, распределением полномочий

между федеральным центром и властью курдского региона. Различные его аспекты стали предметом рассмотрения в публикациях нескольких исследователей.

В частности, названная проблематика освещается в монографии А. Даниловича[112]. Ее автор указывал на незавершенность процесса федерализации Ирака, в котором сейчас Регион Курдистан является единственным субъектом федерации, необходимость поиска стабильных решений ряда длительных споров между Багдадом и Эрбилем. К ней обращались также, в общей публикации, С. Кейн, Д. Хилтерман и Р. Алкадири[135]. Исследователи заключили, что Ираку необходима отличная от нынешней модель федеративного устройства, т. н. асимметричная, при которой статус Региона Курдистан был бы исключением, а другие субъекты федерации имели бы в целом меньший уровень полномочий. По мнению ученых, такая модель устранила бы опасения, что полная федерализация Ирака по образцу курдского региона привела бы к несостоятельности центральной власти и распаду страны. Вопрос конституционного урегулирования статуса курдской автономии в Ираке поднимался и в публикации Ф. Бадерхана, который отметил принципиальное значение федерального устройства страны для курдских интересов [5]. В контексте вопроса отличных идентичностей граждан Ирака, проблему федерализма в этой стране изучал Х. аль-Карави[106]. По его мнению, степень инклюзивности «формулы» иракской национальной идентичности в огромной степени определит и политическое будущее всего Ирака.

Важной составляющей темы диссертационного исследования есть вопросы развития и функционирования нефтегазовой отрасли Иракского Курдистана, имеющего стратегическое значение для курдской автономии. Оно привлекло большое внимание ученых.

Анализ правовых аспектов функционирования нефтегазовой промышленности курдского региона Ирака, в широком контексте правовых основ добычи углеводородов в Ираке (по состоянию на 2009 г.) представлен в пространной монографии Р. Дж. Зедалиса [166]. Ее автор в частности сравнил особенности контрактов на добычу нефти, которые предлагали иностранным компаниям федеральное правительство и правительство курдской автономии.

К вопросу о спорах между Багдадом и Эрбилем в нефтегазовом секторе, как части более широкой проблемы распределения полномочий между курдским регионом и федеральными властями, обращался Р. Алкадири [102]. В частности, он указал на негативные последствия как для Багдада, так и для Эрбиля, отсутствия работающего общеиракского закона об углеводороде, который урегулировал бы порядок эксплуатации нефтегазовых ресурсов страны и распределение соответствующих доходов, жизненно важных для всего Ирака.

Подробный аналитический обзор положения дел в нефтегазовой отрасли Региона Курдистан (по состоянию на 2016 г.) сделал Дж. Робертс, исследователь из Глобального энергетического центра «Атлантического совета» [149].

В его работе определен ряд факторов развития углеводородной промышленности Иракского Курдистана, в том числе влияние на нее споров с федеральным правительством Ирака, отношений региона с Турцией и Ираном. Дж. Робертс обозначил связь между развитием нефтегазового комплекса и перспективами создания жизнеспособного независимого курдского государства в Южном Курдистане, подчеркнув, что на ситуацию влияет ряд малопредсказуемых политических процессов как в Ираке, так и за его пределами – война в Сирии, политические изменения в Турции, война с «ИГИЛом» и другие. Исследователь подчеркнул жизненную необходимость для РК работать над диверсификацией

экономики региона. Вопросы развития нефтяной отрасли Иракского Курдистана в контексте международно-политических отношений ближневосточного региона освещены также в публикации Робина Миллза, исследователя из Оксфорда [141].

Влияние нефтегазовой промышленности Иракского Курдистана на государственное строительство в курдском регионе Ирака было предметом анализа итальянского ученого Карло Фраппи [116]. В своей работе он показал, что, хотя собственная добыча углеводородов способствовала экономическому подъему Региона Курдистан, дал Эрбилю сильные аргументы в спорах с Багдадом, чрезмерная зависимость курдской автономии от нефтегазовой промышленности делает ее уязвимой как экономически, так и политически, а исправление такой ситуации политическим вызовом для курдов в Ираке.

В рамках своего монографического исследования нефтяной политики Ирака в период после свержения режима С. Хусейна, к проблеме развития углеводородного комплекса курдской автономии обращалась А. Манафова [53]. Названный автор сделал содержательный краткий анализ ее географически-геологической первоосновы, правовых аспектов, условий для инвесторов и т.д. Оценивая перспективы нефтегазовой отрасли Курдистана в случае его возможного отделения от Ирака, А. Манафова отметила ряд серьезных рисков, связанных с таким сценарием развития событий.

Ряд аспектов функционирования нефтегазовой отрасли Иракского Курдистана отражен также в монографии Р. Субханкуловой [87]. Краткий обзор нефтяной ситуации в курдской автономии по состоянию на 2006 г. сделан в публикации Г. Старченкова [84]. Исследователь охарактеризовал первый значительный самостоятельный нефтегазовый контракт курдского правительства (с норвежской компанией DNO) как «нефтяной прорыв», акцентируя его на

значении для положительных экономических сдвигов в РК, и в то же время отметил немалые политические риски нефтегазового спора курдской автономии с Багдадом.

Вопросы развития нефтегазовой отрасли Иракского Курдистана затрагивали также Н. Мосаки [60], С. Иванов [31]. Выше уже указывались отдельные соответствующие публикации украинских авторов. В сочетании с новыми информационными данными и публикациями электронных медиаресурсов [179; 182; 187; 193; 201; 204], использованные нами источники дали возможность определить фактическую сторону и сделать анализ основных особенностей развития нефтегазового комплекса Региона Курдистан, определить его актуальные проблемы, угрозы и влияние на государственно-политические процессы в курдской автономии, на ее международные отношения.

Важную часть тематического комплекса нашего исследования составляют международные замеры курдской проблемы в Ираке. В нескольких публикациях она рассматривается в более широком, обще курдском контексте или же в рамках компаративного анализа положения курдов в отдельных соседних странах. В украинской историографии такой подход представлен в вышеупомянутых публикациях О. Бордиловской, В. Голуба, Е. Синкевича и С. Попова. Подробный сравнительный анализ курдского вопроса в Ираке и Турции (исходя из положения дел до 2008 г.) сделан в монографии известного американского исследователя курдского движения М. Гюнтера [125]. Названный автор показал эволюцию положения курдов в этих странах, их политические достижения, прежде всего в Ираке.

Центральной составляющей темы диссертационной работы являются двусторонние отношения Иракского Курдистана как со странами

ближневосточного региона, так и с зарубежными партнерами за его пределами. Самым влиятельным из них является США, самое мощное государство мира, чье военное вмешательство в Ираке помогло создать там реальную курдскую автономию. До сих пор проблема отношений Иракского Курдистана с Соединенными Штатами оставалась практически без внимания украинских исследователей; только вскользь ее затрагивал в упомянутой выше публикации М. Корчинский.

На данный момент наиболее подробный комплексный анализ политики США в отношении Иракского Курдистана в период 2002 – 2015 гг., в сочетании с освещением исторической основы событий начала XXI ст., сделан в диссертационном исследовании Навзад Абдулла Шукри [155].

Его автор доказывает, что отношение Вашингтона к курдской проблеме всегда подчинялось американской стратегии на Ближнем Востоке в целом и основным целям политики в отношении Ирака в частности. С точки зрения исследователя, в послевоенные десятилетия США рассматривали курдов скорее как источник нестабильности в ближневосточном регионе, однако в то же время как потенциальный фактор давления на иракские правительства в контексте американских усилий по противостоянию советскому влиянию в арабском мире. В 1990-х гг., после краха советского блока, Соединенные Штаты получили значительно большее пространство для действий в отношении Ирака, однако, несмотря на гуманитарные причины установления в Иракском Курдистане «без зоны полетов», не обнаружили намерения поддерживать курдов политически.

После 2003 г. США, стремясь сделать Багдад зависимым стратегическим партнером, а также ввиду позиции ряда своих союзников на Ближнем Востоке, последовательно поддерживали территориальную целостность Ирака и

сдерживали Регион Курдистан в его спорах с федеральным правительством. Абдулла Шукри также выделил ряд причин, по которым вашингтонская администрация была заинтересована в близких отношениях с курдской автономией. Наиболее приемлемой для Вашингтона формулой баланса противоречивых интересов политических актеров стала курдская автономия в составе стабильного и единого Ирака.

После 2011 г. вывод основной части американских войск из Ирака ослабил возможности Белого дома влиять на ситуацию в стране. В то же время, по мнению названного автора, после 2014 г. действие комплекса факторов – необходимость борьбы с «ИГИЛ», усиление России и Ирана. – сдвинули позицию администрации Барака Обамы в сторону гораздо большего понимания стремления Иракского Курдистана к независимости. Следовательно, Навзад Абдулла Шукри склонялся (его исследование завершено в 2016 г.) к оптимистическому видению перспектив поддержки Соединенными Штатами отделения Региона Курдистан от Ирака.

В рамках упомянутых выше обобщающих работ по курдскому вопросу проблему отношений Иракского Курдистана с Соединенными Штатами освещали М. Гюнтер, С. Иванов. Краткий анализ истории отношений США с иракскими курдами, в частности, схема ее периодизации, состоящая из пяти этапов, предложена в статье М. Гюнтера [126]. О сотрудничестве Эрбиля и Вашингтона после 1991 г. писал Н. Мосаки, в пространной монографии которого авторская симпатия к курдскому движению в значительной степени отодвинула на задний план присущую многим российским исследователям априорную отрицательную оценку американской внешней политики [60]. Зато последняя подверглась критике в публикации Л. Мехо и Л. Нехме [140], которые считают, что Соединенные Штаты дважды, в 1972 – 1975 и в 1991 гг., действуя в

«макиавелианском» стиле, использовали курдское движение в Ираке в своих интересах, впоследствии оставив курдов на произвол судьбы.

В контексте взаимоотношений Региона Курдистан с США, достаточно критический взгляд на общественно-политические реалии Иракского Курдистана представлен в публикации Майкла Рубина, американского эксперта по Ближнему Востоку, который, в частности, указывал на значительные проявления коррупции, элементы авторитаризма и партийное «разделение» государственного аппарата курдского автономии[153].

Важным компонентом тематики исследования являются отношения Иракского Курдистана с соседними странами региона. Среди них особое место занимают отношения с Турецкой Республикой и Исламской Республикой Иран, с экономической и военно-политической точки зрения наиболее влиятельными акторами региональной политики.

В целом, среди стран – соседей Региона Курдистан едва ли не самое большое влияние на него имеет Турция. В украинской научной литературе отдельные аспекты проблемы взаимоотношений Иракского Курдистана с Анкарой поднимались на маргине публикации, авторы которых обращались к более широкому кругу различных вопросов международных отношений Турции. В частности, анализ общих принципов и особенностей внешней политики Турецкой республики начала XXI в., в контексте которой формировалась и стратегия Анкары в отношении Иракского Курдистана, представлен в статьях А. Мощенко [64], Н. Мхитарян [66], М. Алиева [1]. В публикации, сфокусированной на проблеме американо-турецких отношений начала XXI в., Вопросы турецкой политики в отношении иракских курдов затронул М. Ратников [70]. Всесторонним основательным исследованием современной внешней политики

Турции на Ближнем Востоке является диссертация А. Мощенко, однако вопрос отношений Анкары и Эрбиля упоминается в ней лишь вскользь [63]. В публикации А. Худолия содержится подробный анализ ряда англоязычных, украинских и русских публикаций, касающихся внешнеполитического курса Анкары на Ближнем Востоке [90].

Большое внимание взаимоотношениям Анкары и Эрбиля уделено в англоязычной литературе. В частности, пространный и разносторонний анализ новой турецкой стратегии по Иракскому Курдистану, которую после прихода к власти реализовывали Партия справедливости и развития и ее лидер Р. Эрдоган, содержится в публикации американского исследователя Г. Барки [107]. Развитие отношений Турции с курдской автономией в Ираке, в том числе в энергетическом секторе, освещал также американский курдолог Д. Романо [151]. К. Йилдиз и М. Мюллер обращались к проблеме прав курдов в контексте стремления Турции присоединиться к ЕС, в частности, писали о турецких военных операциях против отрядов Рабочей партии Курдистана на территории Иракского Курдистана и позиции Эрбиля относительно этого [165].

Отдельные моменты отношений Турции с Иракским Курдистаном освещаются в ряде публикаций российских исследователей, анализирующих различные проблемы внешней и внутренней политики Турции. В частности, идеологические и прагматические измерения новейшей ближневосточной стратегии Турции определены в статье известного тюрколога И. Свистуновой [76]. Эта же исследовательница, в рамках собственного анализа широкого диапазона заморочек турецко-иракских отношений, освещала и вопросы экономического продвижения Турции в Регионе Курдистан, в том числе сотрудничество в энергетической отрасли [79]. Роль курдского фактора во внешней политике Анкары вскоре после падения режима С. Хусейна в 2003 г.

освещал В. Егоров [28] . П. Шлыков, К. Вертяев обращались к проблеме курдско-турецких отношений в Турции, в связи с которой затронули и отдельные моменты отношений Анкары с курдами в Ираке [99; 19]. В упомянутой выше монографии Н. Мосаки освещен, среди прочего, вопрос о разногласиях между США и Турцией в их политике по отношению к Иракскому Курдистану [60].

Отношения Иракского Курдистана с Исламской Республикой Иран также стали предметом изучения политологов и историков. Отметим, в частности, многогранный общий анализ места Иракского Курдистана во внешнеполитических калькуляциях Тегерана, представленный в публикации израильского ученого Д. Итчакова [129]. Названный автор наметил основные факторы, направляющие политику Ирана в отношении курдской автономии, главным из которых он считает опасения иранского исламистского руководства, связанные с курдским движением в ИРИ. Д. Итчаков отметил также глубокое проникновение иранцев во все секторы внутренней политики Ирака, их влияние на шиитское сообщество в этой стране.

В контексте своего общего анализа иранской политики по «постсаддамовскому» Ираку вопрос влияния Тегерана на Иракский Курдистан затронул Р. Бонджерс [110]. Исследователь показал ряд экономических, политических, религиозных детерминант действий Тегерана по отношению к своему восточному соседу, в частности, стремление противодействовать американскому влиянию в этой стране. Главным стратегическим «пространством» для проникновения Ирана в Ирак стало шиитское сообщество, а специфику отношений Тегерана с иракскими курдами определяет прежде всего фактор курдского меньшинства в самом Иране. Проблема роли шиитов в иранской политике в Ираке освещалась в основательном исследовании Р. Робертс, автор которого показала многомерность и масштабы иранской деятельности в

этой стране, ошибочность надежд Вашингтона на быстрое укоренение демократических ценностей в иракском обществе.]

Вопрос о месте курдов в стратегии Ирана по Ираку затронул и иранский исследователь К. Барзегар [108]. Он сделал особое внимание на опасениях Ирана относительно возможного восстановления военного потенциала Ирака, подверг критике антииранскую направленность американской политики в регионе, подчеркнул преобладание в действиях ИРИ прагматических мотивов над чисто идеологическими (имея в виду иранский вариант исламского фундаментализма). Экономические отношения Ирана с Иракским Курдистаном анализировал Н. Мосаки, что особенно акцентировало на их обще курдском измерении [61].

Значительным по своему влиянию на события в регионе зарубежным партнером Иракского Курдистана является Европейский Союз. Возможности и перспективы привлечения ЕС в отношении Иракского Курдистана с Багдадом были предметом анализа в статье ученых из Барселоны А. Казера и Э. Солера и Леча [134]. Исследователи определили потенциальные негативные последствия для ЕС возможной эскалации конфликтов в Ираке, в том числе курдско-арабских противоречий (в частности, увеличение количества беженцев, столкновений между представителями разных диаспор в европейских странах и др.). По мнению авторов названной публикации, Евросоюз имеет возможность приложить усилия для создания каналов коммуникации между разными сообществами в Ираке, в том числе курдами и арабами, механизмов политического диалога, стимулирования сотрудничества различных этнических и конфессиональных групп для преодоления общих для всей страны проблем.

Ряд вопросов взаимоотношений Иракского Курдистана с СССР рассматривался в вышеупомянутых монографиях А. Жигалиной, М. Лазарева, Ш.

Мгои. О взаимоотношениях с курдской автономией Российской Федерации, после 1991 г. частично унаследовавшей геополитическую «нишу» Советского Союза, говорилось в названных публикациях С.Иванова, Н. Мосаки. В последней, на фоне привычных для российской историографии критических оценок западной политики, первоосновой которой называются экономические мотивы и стремления к той или иной форме экспансии, привлекает критика автором отношения РФ к Иракскому Курдистану во время и в первые годы после устранения Соединенными Штатами режима С. Хусейна, когда Москва рассматривала курдов как «приспешников» «враждебных» США и избегала контактов с ними.

Особое место в системе международных отношений Иракского Курдистана занимают отношения с Израилем, история которых началась еще до провозглашения независимости еврейского государства. Из-за традиционно резко враждебного отношения к Израилю официального Багдада, сотрудничество иракских курдов с Израилем всегда имело (и носит сейчас, очевидно) неформальный, даже конфиденциальный характер, что, безусловно, препятствует его освещению учеными. Упомянутую здесь проблематику поднимали в своих публикациях А.Лукоянов [46; 47], С. Минасян [59], В. Чернин [91]. С. Минанян, в частности, указывал на важные моменты пересечения курдской и еврейской истории на Ближнем Востоке в целом и в Ираке, определил место Иракского Курдистана в рамках традиционной «периферийной стратегии» Израиля – построения союзов с политическими оппонентами и противниками враждебных.

В последние несколько лет к числу наиболее важных обстоятельств внутривосточной и международной жизни Иракского Курдистана принадлежало участие автономии в борьбе с квази-государственным формированием радикальных исламистов-суннитов, т. н. «Исламским

государством Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Она также обратила на себя внимание ряда исследователей. Достаточно подробно роль курдов в войне с «халифатом» (до 2016 г.) отражена в статье Ч. Гунеша [122]. Ее автор называет «пешмерга» авангардом войны с террористами, особенно подчеркивая их роль в наземных операциях сил антиидиловской коалиции в наиболее критические моменты конфликта.

С. Юнгблут анализировал влияние привлечения Региона Курдистана в противостояние с «халифатом» на перспективы изменения его политического статуса [132]. По мнению этого автора, важная роль курдской автономии в отпоре террористической группировке в 2014 г. сделала большей вероятность его продвижения к независимости. Зато более критический взгляд на ситуацию представляет аналитический доклад международной группы экспертов [105]. Ее авторы исходили из необходимости найти пути разрешения этносекторианских противоречий в Ираке на основе сохранения его территориальной целостности, и в усилении «пешмерга» видят фактор, способный потенциально побуждать курдских лидеров решиться на государственный разрыв с Багдадом.

Наряду с научными публикациями источников базу диссертационного исследования формируют официальные публикации документов, в том числе документов ООН, курдского и иракского правительств. Важное значение для подготовки работы имели материалы средств массовой информации, в первую очередь электронных, а также электронных вариантов печатных медиа, в том числе англоязычные, курдском, украинском, русском языке и т.д. В первую очередь, они позволили осветить развитие недавних политических событий в Иракском Курдистане, актуальное состояние экономики региона, некоторые гуманитарные аспекты проблематики исследования.

Помимо очерченного круга тем, подготовка диссертации требовала обращения к методологии теоретического осмысления проблем внешней политики, а также проблем межэтнических отношений. Теоретико-методологический каркас диссертации определен, опираясь на ряд аналитических исследований украинских и зарубежных авторов.

В частности, общие проблемы методологии исследования внешней политики проанализированы в статье А. Мазура [48]. О. Белова провела сравнительный анализ основных категорий классической реалисткой теории международных отношений и неореализма и пост классического реализма, которые в целом опираются на базовые положения реализма, но развивают и модернизируют некоторые из его основ [8].

Краткое изложение эволюции современной теории международных отношений представил В. Розумюк, который сосредоточил внимание на двух этапных для ее развития «больших дебатах» – между «идеалистами» и «реалистами», а впоследствии – между сторонниками реалисткой и рядом новейших концепций, которые автор определил как модернистские [71]. В. Розумюк подчеркнул особое влияние «реалисткой» школы на практические механизмы принятия международно-политических решений, и придерживается взгляда, что и сегодня она фактически доминирует в академическом дискурсе и среде.

П. Кузик анализировал ключевые положения теории международных отношений американца А. Вендта, одного из наиболее влиятельных представителей конструктивистского подхода, сформировавшегося в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [37]. Названный теоретик, в частности, подверг критике присущее «реалистам» понимание международных отношений как неизменно

анархической системы эффективных сверхдержавных регуляторов. Конструктивисты пытались применить к анализу международных отношений сложившуюся социологами концепцию отношений «субъект – социум» как системы, в которой поведение «актеров» обуславливает сложившуюся ею же идентичность.

Видение реалистской теории международных отношений представлено в работе белорусских исследователей Н. Антанович и Е. Достанко [3]. В публикациях Ю. Боровского и П. Гвоздева [12], статьях О. Сафроновой [73], П. Цыганкова [94; 95]. освещаются дискуссии между представителями реалистской и неолиберальной школы, видение системы международных отношений исследователями конструктивистского направления, проанализированы основные аргументы сторон. Важные положения неореалистской школы изложены в статье К. Волца, одного из ее создателей [162].

С. Шергин представил анализ разногласий между классической реалистической школой в американской политологии и рядом достаточно отличных концепций, которые утвердились позже в дискуссии с реалистами, которые он определяет в совокупности как модернистские и постмодернистские [98]. Актуальные тенденции развития теории международных отношений в США исследовала О. Брусиловская [13]. Отметим, что в Соединенных Штатах существует мощная научная традиция изучения ТМО и вместе с тем немалый уровень влияния академических положений на формирование реальной внешней политики страны.

В целом, в отечественной и зарубежной специальной литературе нашел отражение широкий спектр составляющих проблематики, охватываемой темой диссертации. В то же время, наш анализ дал возможность заключить, что многие

ее аспекты требуют дальнейшего изучения и уточнения, а некоторые до сих пор оставались практически без внимания исследователей. В частности, требуют изучения отношения Иракского Курдистана с США, его отношения с международными организациями, актуальные характеристики и перспективы отношений с влиятельными региональными государствами, политико-правовые особенности и динамика взаимоотношений курдской автономии с центральной властью Ирака. Названные моменты и определили основное исследовательское содержание данной работы.

Выводы к разделу 1

В своем анализе роли и места Иракского Курдистана в системе современных международных отношений автор считал возможным опираться на ряд положений нескольких различных теоретических школ международных отношений, а именно неолиберальной, конструктивистской и неореалистской. В частности, бесспорно важным для создания курдской автономии в Ираке оказалось влияние международных негосударственных актеров (СМИ, правозащитных организаций), привлекали внимание к жестокости и насилию иракского режима в отношении гражданского курдского населения, поэтому побуждая к вмешательству правительства западных стран. Не менее важной была и роль ООН, легитимизовала это вмешательство с позиции защиты признанных принципов прав человека и их международной поддержки.

Положения конструктивистской школы, по нашему мнению, эффективным аналитическим инструментом для изучения определенных идеологических векторов межгосударственных отношений на Ближнем Востоке, в том числе тех, к которым привлечено Иракский Курдистан. В частности, усилия США

позиционировать себя государством, в своей внешней политике руководствуется ценностями демократии и прав человека, в определенной степени влияют на отношение к Вашингтону и реакцию на его действия ближневосточных международных актёров. Аналогичное утверждение представляется обоснованным и по Ираку, противника Соединенных Штатов, который декларирует защиту исламистских (шиитских) ценностей и клеймит Вашингтон как их «разрушителя».

В то же время, реалистка концепция баланса сил, к которому стремятся государства, независимо от их устройства и общественных ценностей, выглядит наиболее аргументированным объяснением актуального сейчас негативного отношения почти всех влиятельных на Ближнем Востоке демократических государств к идее независимости Иракского Курдистана, которая потенциально угрожает интересам отношений этих государств с Турцией, может ослабить Ирак как противовес иранскому режиму и др. С другой стороны, именно роялистский подход в значительной мере позволяет объяснить и поведение самой курдской автономии в отношениях с ее основными международными партнерами.

О состоянии научной разработки исследование показывает, что диссертационная проблематика вообще нашла отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей, сосредотачивают свое внимание преимущественно на историко-политических аспектах существования курдской нации в регионе, ее взаимодействия с ведущими государствами и факторами, определяющими ее статус. Недостатком указанных работ является, по нашему мнению упор на объектной курдов и недостаточное внимание к их продвижения в направлении повышения международной субъектной и рассмотрение эволюции

курдской нации в контексте интересов региональных потуг и великих держав. Родниковая база диссертационного исследование опирается на широкий круг документов и исследований.

РАЗДЕЛ 2

СТАНОВЛЕНИЕ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС В СОСТАВЕ ИРАКА

2.1. Политический статус иракского Курдистана и его взаимоотношения с центральной властью.

Решающее влияние на определение статуса Иракского Курдистана оказали последствия военной операции многонациональных сил в марте 2003 года. Еще накануне американского вторжения в Ирак национальные стремления курдов отразил проект конституции Иракского Курдистана, принятый парламентом в Эрбиле в 2002 г. Он предполагал, что политическая система автономии должна быть многопартийной, плюралистической, парламентской и республиканской. Источником власти в Иракском Курдистане объявлялся его народ, состоящий из курдов и национальных меньшинств: туркмен (туркоманов), ассирийцев, халдеев и арабов. Официальным языком региона должен быть курдский, а арабский – государственным в целом Ираке. Остальные языки могли быть языками образования и культуры. Столицей автономии объявлялся Киркук. Конституция содержала гарантии основных демократических прав и свобод, предполагала, что представители меньшинств должны входить в состав правительства. Она устанавливала должность президента Иракского Курдистана, который должен был назначать премьер-министра. Последний назначал правительство,

утверждавшееся парламентом. Проект конституции содержал положения о приоритете основного закона Иракского Курдистана перед общеиракскими законами. Кроме того, он декларировал право курдов на самоопределение при изменении структуры федерации без согласования с Иракским Курдистаном [85, с. 70 – 71].

Вскоре после оккупации Ирака войсками англо-американской коалиции основы видения курдами будущего статуса Иракского Курдистана были закреплены в новом проекте региональной конституции Курдистана, принятом законодательным органом курдской автономии в феврале 2004 г. В нем констатировалось, что и судебной властью. Его территория должна была включать также Киркук с округом. Конституция предусматривала сохранение отрядов пешмерга, декларировала приоритет региона в использовании природных ресурсов, и утверждала, что будущая временная конституция Ирака в Иракском Курдистане должна быть одобрена на референдуме [20, с. 19].

Курдские представители приняли активное участие в процессе разработки так называемого "Переходного административного закона" Ирака (ПАЗ), который должен выполнять роль временной конституции страны. В данный момент в курдской среде обсуждались разные варианты определения государственно-политического будущего Иракского Курдистана, в том числе возможность его отделения от Ирака, с образованием либо унитарного, либо федеративного независимого курдского государства. Однако обе главные курдские партии согласились, в конце концов (и в этом имели поддержку американской администрации), что превращение Ирака в демократическое и федеративное государство должно обеспечить национальные права курдов [25, с. 78 – 83].

В то же время, позиция курдов подверглась определенной критике и со стороны арабских политиков Ирака, и со стороны американцев. В частности, представители США предлагали интегрировать пешмерга в общеиракские вооруженные силы. Беспокойство арабов-суннитов вызвало стремление курдов добиваться возвращения в места прежнего проживания лиц, принудительно переселенных при режиме «Баас» в ходе осуществления политики арабизации курдских территорий. Вместе с тем, в полемике с шиитами курды настаивали на светском характере власти в Иракском Курдистане, и на ее праве отклонять «исламские» законы, которые могут быть приняты в Багдаде. Несмотря на все противоречия, текст временной конституции наконец-то смогли согласовать. По замечанию Салема Челеби, влиятельного иракского политического деятеля того периода, никто не получил того, чего хотел, но все были счастливы [97, с. 21].

В переходном административном законе Ирака, принятом Временным управляющим советом страны 8 марта 2004 г., система правления в государстве определялась как республиканская, федеративная, демократическая и плюралистическая [31, с. 38]. Таким образом, стремление курдов к федерализации Ирака впервые было закреплено законодательно. В стране вводились два официальных языка – арабский и курдский, что отражало новый, высший статус курдов как этноса, образующего иракскую политическую нацию. Конституция также признавала курдское региональное правительство. В основном законе страны гарантировалась свобода вероисповедания; одновременно ислам назывался государственной религией, и декларировалось, что он «послужит основой законодательства».

Особый статус Иракского Курдистана (Курдского регионального правительства) отразила 84 статья временной конституции, которая предусматривала право Национальной ассамблеи Курдистана вносить, по своей

территории, поправки в любой федеральный закон, если они не касались исключительных компетенции федеральной власти (т.е. вопросов внешней политики, национально) безопасности, финансов и управления природными ресурсами). 61 статья, определявшая принципы проведения референдума по поводу предстоящей постоянной конституции Ирака, также фактически предоставляла Иракскому Курдистану особые возможности. Она предполагала, что постоянный основной закон не будет принят, если его отвергнут 1/3 избирателей в трех и более провинциях. На практике это давало курдскому региону, состоящему из трех провинций, возможность легко заблокировать неприемлемый для него вариант конституции [85, с. 69 – 70].

В целом временная конституция закрепила за курдами тот статус, который они фактически уже имели в Ираке. В то же время, все острые спорные вопросы в отношениях Эрбиля и Багдада остались не решенными. Среди них – вопрос о границах автономии, в т.ч. вопросы о статусе Киркука; проблема возвращения выселенных курдов и переселенных арабов в прежние места жительства (о необходимости этого говорилось в 58 статье); вопросы точного разграничения полномочий между региональной и центральной властью; принципы распределения доходов бюджета между центром и регионами. Все это должно было определить постоянная конституция страны, разработка которой велась в условиях политической нестабильности, противостояния между суннитами и шиитами, противоречий между центром и региональным правительством Курдистана, а также всплеска насилия в стране.

Важным моментом в развитии отношений между Багдадом и Иракским Курдистаном стали выборы в Переходную национальную ассамблею (парламент) Ирака 30 января 2005 г. На них в Курдистане явка избирателей составила рекордные 90%. В регионе львиную долю мандатов получили, как и ожидалось,

представители двух основных курдских партий, ДПКи ПСК. Курды получили в ПНА 75 мест из 275, и благодаря частичному бойкоту выборов суннитами смогли стать второй по численности парламентской фракцией. Здесь следует отметить, что для утверждения министров требовалось по закону 2/3 голосов депутатов, а это давало курдской фракции дополнительные рычаги влияния на общенациональном уровне.

В мае 2005 г. в подготовке постоянной конституции Ирака занялась конституционная комиссия. В это время курды получили губернаторские должности в спорных регионах Мосулу и Киркуку, и начали выселение арабов из Киркука, ссылаясь на статью 58 переходной конституции (которая, однако, предполагала добровольный характер возвращения переселенцев) [31, с. 51].

Разработка текста постоянной конституции происходила в условиях острых противоречий между представителями курдов, суннитов и шиитов. Для курдов наиболее важным вопросом было федеративное устройство Ирака, при этом речь шла о бинарной, этнической федерации, которая состояла бы из курдской и арабской частей и имела сравнительно слабое центральное правительство [125, с. 21]. Зато шииты готовы были согласиться с моделью территориальной (мажоритарной) федерации, а сунниты выступили против федеративного устройства. Суннитское сообщество, контролировавшее власть в Багдаде в предыдущие десятилетия, видело в федерализации предпосылку распада страны, из-за возможного разделения курдов на севере и шиитов на юге [5, с. 129]. При этом учитывалось и то обстоятельство, что основные нефтяные ресурсы Ирака сосредоточены на курдском севере и шиитском юге [106, с. 37]. В общем, по определению группы американских исследователей, «...со всех сторон, принявших участие в разработке новой постоянной конституции, курды оказались лучше организованной; они также воспользовались своими крепкими связями с

американскими должностными лицами, которые были «акушерами» нового текста» [135, с. 24].

Курды также настаивали на светском характере иракского государства, и в этом солидаризировались с суннитами, вместо этого исламистские настроения были связаны прежде всего с шиитами. Хотя большинство курдов являются мусульманами, ислам никогда не являлся первостепенным фактором общественной и интеллектуальной жизни Курдистана. Как отметил Н. Лазарев, «...догмы ислама и шариата лишь поверхностно входят в менталитет курдского народа», а влияние религии на курдское общество «определялось не столько идейно-доктринерскими, сколько ситуационно-политическими факторами» [40, с. 103]. Исламизм традиционно выступал против курдского национализма. С точки зрения исламских идеологов для всех мусульман определяющим фактором их идентичности должна быть именно религия (ислам), а не этнический фактор. Принадлежность к «умме», всемирному мусульманскому сообществу, исламисты противопоставляют национальным сообществам, считая шариат единственным и универсальным рецептом решения всех общественных проблем [57, с. 89 – 90]. Светский характер курдского национального движения всегда вызывал критику исламских фундаменталистов. Последние не воспринимают устойчивости идеологического плюрализма, утверждаемые в Иракском Курдистане, усилий автономии по расширению прав и социальных возможностей женщин. Реакцией исламских радикалов на избранный курдами путь развития стали в начале 2000-х многочисленные теракты в курдских городах [57, с. 90].

Условного согласия суннитских представителей, наконец, добились ценой обещания возможности пересмотра спорных моментов конституции уже после его принятия [5, с. 129]. Кроме того, в последний момент в текст конституции были внесены некоторые поправки. Одна из них декларировала, что "конституция

является гарантией единства Ирака". Другая обязывала использовать в официальных организациях в Иракском Курдистане два языка, курдский и арабский (а не только курдский) [5, с. 127].

В целом, постоянная конституция принималась как не до конца определенный компромиссный документ при отсутствии реального согласия в иракском обществе. Полного согласия не было и среди самих курдов. Лидеры ПСК заявляли о возможности выхода из состава Ирака, если арабское большинство, во-первых, не согласится с федерализацией страны, во-вторых, будет настаивать на теократии, и если в Курдистан не вернут выселенных курдов [5, с. 136]. В то же время руководитель ДПКи президент Иракского Курдистана Масуд Барзани (курдский парламент впервые избрал его на эту должность в 2005 г.), высказывался более осторожно, говоря, что «время микрогосударства прошло», и что курды имеют другие, чем перспектива независимости Иракского Курдистана, рычаги влияния на центральное правительство [5, с. 131].

Тем не менее, способом давления на правительство стало проведение курдами (инициатором акции был поэт и общественный активист Ш.Бекас) в день парламентских выборов неофициального (голосование происходило за пределами избирательных участков) референдума о независимости, на котором 90% взявших в нем участие, сказали «да» обособлению Иракского Курдистана [5, с. 136–137].

В конце концов постоянную конституцию Ирака граждане страны одобрили на референдуме 15 октября 2005 г. За нее проголосовало 78,6 % его участников [96, с. 291]. Курды решительно поддержали проект конституции. В одной из провинций региона «за» проголосовало 99 % избирателей, и это, очевидно, способствовало в целом положительным итогам голосования, в ходе которого в

двух суннитских провинциях более 2/3 избирателей высказались против конституции.

Постоянная конституция Ирака в значительной степени повторила положения временной конституции. Она предполагает федеративное устройство страны. Ее 108 статья содержит перечень исключительных полномочий федеральных властей, а 111 статья предусматривает, что все остальные вопросы относятся к полномочиям регионов. В то же время статья 112 содержит перечень полномочий, которые должны быть распределены соответствующими законами [280].

В статье 116 закреплено право региональных властей вносить изменения в исполнение федеральных законов на территории региона, если есть противоречие между федеральным и региональным законодательством, в случаях, не относящихся к исключительной компетенции федеральных властей [97, с. 287].

Конституция предусматривает создание двухпалатного парламента, но закон о верхней палате – Совет федерации не принят до сих пор. Регионы – субъекты федерации могут включать одну или более провинций, а провинции имеют право присоединиться к региону путем проведения соответствующего референдума. Регионы могут иметь свою конституцию, главу, законодательную и исполнительную власть. Конституция признала статус региона за курдской автономией и полномочия его правительства; таким образом, в составе Ирака в качестве субъекта федерации появился Регион Курдистан (РК).

В общем, Конституция Ирака закрепила федеративное устройство страны (чего и стремились курды), и предоставила регионам действительно широкие права и полномочия, однако до конца вопрос взаимоотношений между центром и регионами не урегулировала. Формально она предусматривает введение в Ираке

территориальной или мажоритарной федерации, однако до сих пор в стране существует только один субъект федерации, созданный фактически на этнических началах – Регион Курдистан, а верхняя палата парламента не действует. Процесс создания федеративного государства в Ираке остался незавершенным.

Определенная «размытость» точных рамок полномочий Иракского Курдистана и федеральных органов власти отразила в конечном счете стремление Эрбиля к максимально возможной самостоятельности в принятии решений, а также существование ряда противоречий между Иракским Курдистаном и Багдадом. Компромиссное конституционное урегулирование 2005 г. оставило правовое и политическое пространство для отличного толкования основного закона страны, конфликтного развития взаимоотношений между Регионом Курдистан (а также потенциально возможными другими субъектами иракской федерации) и центральной властью. Очевидно, оно не устраняло и не могло устранить ряд важных противоречий между курдами и арабами, нашедшими проявление, в том числе, в усилиях политических сил, направленных либо на укрепление позиции курдской автономии, либо на централизацию и усиление федеральных властей.

Первым проблемным вопросом во взаимоотношениях Иракского Курдистана с федеральными властями Ирака является вопрос внутренних границ курдской автономии. Конституция 2005 г. его полноценно не урегулировала. Нынешние признанные Багдадом границы курдской автономии внутри Ирака – это только та территория, с которой С. Хусейна вынудили вывести войска в 1992 г. Значительное количество курдского населения проживает за официальными границами Региона Курдистан, в частности, курды составляют огромное большинство в провинции Эрбиль, только часть которой вошла в состав курдской автономии [152, с. 1348].

Самым большим из территориальных споров между Багдадом и Эрбилем является вопрос о статусе города Киркук. Оно было актуальной темой курдско-арабских отношений в Ираке еще во время правления «Баас». Лидеры курдского движения декларировали преобладание курдов в городе – центре крупнейшего нефтедобывающего региона страны и настаивали на его вхождении в состав контролируемых курдами территорий. В декларации 1970 г. говорилось, что вопрос о статусе Киркука должен решиться на основе переписи населения. После принятия в 1974 г. закона о курдской автономии М. Барзани провозгласил Киркук ее столицей, заявив, что «Киркук – курдский город, и он останется курдским, даже если в нем не будет ни одного курда» [72, с. 30]. Это заявление отразило реакцию курдов на политику brutальной декурдизации/арабизации района Киркука, к которой прибегали баасисты уже после переворота 1963 г. Власти годами пытались принудительно выселять оттуда курдов, вместо этого перемещать туда переселенцев-арабов. Курдов систематически увольняли из госучреждений и нефтяных компаний. Политика искусственной арабизации спорных территорий сильно усилилась после поражения курдского восстания в 1975 г. Всего за период 1963 – 1988 гг. в Иракском Курдистане было ликвидировано почти 800 курдских сел, выселено около 200 тысяч человек [72, с. 30]. Сам Киркук при С. Хусейне стал одним из форпостов «Баас», не только нефтяным, но и военно-промышленным центром.

Создание в 1991 г. «Свободного Курдистана» обусловило актуализацию спора за контроль над Киркуком. Впрочем, в начале 1990-х гг. курдские лидеры, поглощенные междоусобной борьбой, претендовать на Киркук были не в состоянии. Однако в конце десятилетия вопрос вновь оказался в повестке дня, и «Свободный Курдистан» начал заявлять о своих планах на город и район Киркука.

Следующий этап в споре о Киркуке начался после американской интервенции в Ирак и свержения диктатуры С. Хусейна. В апреле 2003 г. силы «пешмерга» на время овладели Киркуком. Уже в мае 2003 г. парламент в Эрбили принял решение, согласно которому все не курды, которые поселились в Курдистане во время правления «Баас», должны были его покинуть [72, с. 33]. Вопрос о Киркуке приобрел новую остроту, и нашел отражение во Временной конституции Ирака 2004 г. Ее 58 статья предусматривала ряд мер по исправлению последствий демографической политики прежнего режима. При этом решение вопроса о статусе Киркука она откладывала до принятия постоянной конституции и до момента проведения честной и прозрачной переписи населения. Между тем начался процесс неконтролируемого возвращения курдов в Киркук, Мосул и другие места, откуда их выселяли при Саддаме Хусейне. Это способствовало успеху курдов на выборах в местный совет Киркука в январе 2005 г., где они получили 26 мест из 41 [72, с. 33].

Вопрос о статусе Киркука остался открытым и после одобрения постоянной конституции Ирака в октябре 2005 г. Ее 140 статья предусматривала реализацию положений 58 статьи временного основного закона Ирака: возвращение к административным границам, существовавшим до 1976 г.; добровольное возвращение арабов на предыдущие места жительства с предоставлением компенсации таким переселенцам; возвращение курдов; проведение переписи населения; и проведение референдума о присоединении Киркука к курдской автономии [72, с. 34]. По конституции, вопрос Киркука и других спорных территорий должен быть решен до 31 декабря 2007 г. В конце 2007 г. курдские представители согласились перенести это на 6 месяцев, по истечении которых Багдад, решительно не желавший решать территориальную проблему, заявил, что соответствующий срок пропущен, и положение конституции потеряло силу.

Следовательно, вопрос о будущем статусе Киркука остается открытым. По существующим данным, которые не являются надежными (перепись не проводилась с 1957 г.), в Киркуке курды составляют 52% населения, арабы – 35%, туркоманы – около 12%; также в городе есть небольшое христианское меньшинство. Сегодня три основных сообщества, проживающих в городе и провинции (и их соплеменники за ее пределами), имеют очень отличные взгляды на историю региона и его нынешний статус. Арабы воспринимают идею интеграции Киркука в Регион Курдистана совсем отрицательно. По определению С. Волфа (эксперта-консультанта на переговорах по Киркуку в 2008 – 2009 гг.), «для арабов идея присоединения Киркука к Иракскому Курдистану – полнейшая анафема и синоним будущей дискриминации и маргинализации» [163, с. 1370]. Арабская сторона критически относится к тому уровню самоуправления, которым Киркук пользуется по конституции 2005 г., и выступает за осуществление власти в Киркуке, исходя из распределения мест в местной представительной ассамблее и главных должностей в исполнительной власти на равной основе между тремя основными этническими группами. .

Общая позиция курдов, определенная десятилетия назад, остается неизменной – Киркук, этот «курдский Иерусалим», должен стать частью Иракского Курдистана. Курды требуют реализации положений 140 статьи конституции Ирака. Однако в рамках самого курдского сообщества существуют определенные отличия взглядов и интересов по отношению к Киркуку. В полном контроле Эрбиля над городом заинтересованы не все курдские жители последнего. Кроме того, присоединение Киркука, где сильны позиции ПСК, к Региону Курдистан, изменило бы баланс политических сил между ДПК и ПСК в пользу последнего [163, с. 1371]. Обстоятельством, потенциально усложняющим для курдов осуществление своей давней цели, является стратегическое

партнерство Иракского Курдистана с Турцией, сложившееся в последние годы. Турция – крупный инвестор, страна – транзитер курдских углеводородов, из ряда стратегических соображений выступает против присоединения Киркука к Иракскому Курдистану. (Подробнее об отношениях Иракского Курдистана с Турцией пойдет речь в следующей главе работы).

Что касается туркоманов (туркменов), то эта наименьшая из основных этнических групп заинтересована в сильной позиции местных властей, в отсутствии доминирования арабов или курдов и гарантиях своего реального участия в осуществлении власти. В целом туркоманы выступают против присоединения Киркука к Региону Курдистан.

Согласно действующей конституции Ирака (опираемся здесь на анализ, осуществленный С. Волфом), существует три опции правового определения статуса Киркука. Первая из них – территория остается губернаторством под контролем Багдада, имея при этом определенные самоуправляющиеся права. Вторая заключается в преобразовании Киркука, в соответствии с возможностями, предусмотренными статьей конституции и законом об образовании регионов, в отдельный регион (так же как является регионом Курдистан). В таком статусе Киркук стал бы субъектом федеративного Ирака и имел бы значительно более широкий объем прав и полномочий местной власти – свою конституцию, законодательный орган, главу и т.д. Наконец, третья возможность (на которой и настаивают курды) – присоединение Киркука к Региону Курдистана, после чего его статус будет определяться конституцией последнего.

В апреле 2009 г. в докладе Миссии ООН по содействию Ирака (U.N. Assistance Mission for Iraq, UNAMI) предлагалось четыре возможных пути решения проблемы Киркука. Первый – проведение референдума в соответствии

со статьей 140 конституции. Это требовало бы предварительного выяснения ряда политико-правовых вопросов, таких, в частности, как определение, кто имеет право голосовать, точные границы территории, которую должен охватить плебисцит, и т.д. Второй – зафиксировать статус Киркука как губернаторства. Но это требовало бы изменений в конституцию (а именно отмена права этой административной единицы становится регионом). Третий вариант предусматривал бы общую (разделенную) юрисдикцию Багдада и Эрбиля. Наконец, четвертым путем могло быть предоставление Киркуку особого статуса [163, с. 1376].

Между тем, в новом проекте региональной конституции Курдистана (июнь 2009 г.) город снова включили в состав курдской автономии. Пока вопрос о будущем Киркуку остается открытым, предпринимались попытки достичь в рамках существующего правового статуса компромисса между его основными общинами. Так, в декабре 2008 г. в Декларации Мертвого моря стороны выразили приверженность принципу сотрудничества, сбалансированному разделению высших должностных должностей местного самоуправления. В апреле 2009 г. договоренности аналогичного содержания достигли в Берлине. Однако фактически они полноценно не были имплементированы [163, с. 1362].

В целом, вопрос о Киркуке и других спорных территориях является одним из ключевых разногласий в отношениях Региона Курдистан с федеральными властями. Очевидно, что его решение возможно только в общем контексте взаимоотношений курдского и арабского сообществ в Ираке, в русле поиска стабильной модели их *modus vivendi* в политическом и правовом измерениях. В то же время, если Иракский Курдистан станет на путь превращения в независимое государство, вопрос о границах Иракского Курдистана может стать предметом острого конфликта.

Кроме территориального спора, еще одной сложной проблемой во взаимоотношениях федерального центра и региона Курдистан является статус и действия курдских вооруженных формирований, известных как пешмерга. Возникшие в десятилетия борьбы за автономные права Курдистана, еще при тех режимах, которые существовали в Багдаде до 2003 г., пешмерга также сыграли свою роль в разгроме сил С. Хусейна в 2003 г., действуя как союзник армии США. После этого правительство РК сохранило собственные вооруженные формирования.

С конституционной точки зрения, их статус не до конца определен. Вопросы вооруженных сил и других сил безопасности поднимаются в нескольких статьях основного закона Ирака. В статье 9 говорится, что создание вооруженных формирований за рамками вооруженных сил запрещено. В ней также указывается, что вооруженные силы Ирака и службы безопасности должны иметь состав, пропорционально соответствующий численности тех групп (этнических и религиозных), из которых состоит народ Ирака. В статье 110 устанавливается, что формирование и осуществление национальной политики безопасности является прерогативой федерального правительства. Исходя из названных статей, существование «пешмерга», если рассматривать их как вооруженные силы, оказывается вне рамок конституции. В то же время 121 статья конституции дает право региональным правительствам создавать внутренние силы безопасности, такие как полиция, силы безопасности и «охрана региона» или региональная гвардия [112, с. 65]. Если рассматривать пешмерга как региональную гвардию, их существование становится вполне легальным. Кроме того, к курдским вооруженным силам можно применить статью 117 конституции, в которой говорится, что, вступая в силу, основной закон страны признает Курдистан

федеральным регионом вместе с существующими в нем властями. А к таким властям, в принципе, можно отнести и пешмерга.

С нашей точки зрения, в целом ситуация с курдскими вооруженными силами является частным случаем общей правовой «недостаточности», неопределенности, которая существует в отношениях Багдада и Эрбиля. На практике в сфере, связанной с армией, между федеральной столицей и курдским региональным правительством неоднократно возникали противоречивые, даже конфликтные ситуации. До начала войны с ИГИЛ, Багдад практически не финансировал и не снабжал «пешмерга» снаряжением. Как следствие, курдские власти предпринимали попытки самостоятельно найти оружие и амуницию для своей армии, что вызвало острую реакцию федеральных властей. Серьезный конфликт возник в 2008 г., когда Багдад настаивал на сокращении пешмерга до 30 тысяч человек [112, с. 76]. Здесь следует отметить, что официальная точная цифра численности курдских вооруженных сил не обнародовалась; Эрбиль, в связи с соответствующей дискуссией, ссылаясь, в частности, на то, что пешмерга приходилось действовать в тяжелых условиях горной местности. Багдад также просил власти РК закрыть две военные академии, функционирующие в Иракском Курдистане.

В условиях правовых и политических разногласий, не раз имели место эпизоды достаточно напряженного непосредственного противостояния между пешмерга и иракскими федеральными силами. В частности, в августе 2008 г. едва не дошло до вооруженных столкновений между пешмерга и иракской армией в г. Ханакин (провинция Дияла), что является объектом территориального спора между РК и федеральным Ираком. Избежать боевых действий помогло посредническое вмешательство американских военных [124, с. 40].

Стремясь усилить реальное влияние центрального правительства на спорных территориях (заметим, что арабская сторона предпочитала не признавать самого существования территориального спора с Эрбилем), в ноябре 2008 г. иракский премьер объявил о создании на них особых местных советов – т. н. «суцхад» (букв. «поддержка»), которые должны были объединить недовольных правления РК и стать опорой федеральной власти. Предполагалось, что они будут иметь милицию. Призыв аль-Малики организовывать «суцхад» в Киркуке вызвал бурные арабские демонстрации в городе и привел к дальнейшему росту напряженности в отношениях с арабами [158, с. 4].

Вывод основных сил американских войск из Ирака в конце 2011 г. значительно усилил степень собственной ответственности Багдада и Эрбиля за мир в стране. Летом 2012 г. правительства Ирака и Региона Курдистан направили дополнительные силы на спорные территории в районах близ Дохука и Замар, недалеко от сирийской границы. В ноябре 2012 г. стороны вновь оказались на грани войны, из-за создания правительством аль-Малики сил спецназначения «Диджла», которые должны были действовать на спорных территориях [274].

Отметим, что если армия Ирака не может находиться на территории Иракского Курдистана без согласия его президента и парламента, то силы пешмерга не раз были задействованы в операциях за пределами курдской автономии. Например, в декабре 2010 г. тысячи курдских бойцов отправлялись в Багдад для защиты президента Ирака, курда Дж. Талабани (официально – под командованием иракского министерства обороны) [112, с. 81]. Здесь можно было бы привести и другие примеры.

А. Данилович, исследователь проблем иракского федерализма, отмечает, что в сфере безопасности позиции Иракского Курдистана в отношениях с

центральной властью несколько уменьшает фактически «партийный» характер «пешмерга», часть которых на практике контролируется ДПК, а часть – ПСК. В 2010 г., во время бурных протестов сторонников крупнейшей на тот момент курдской «третьей силы», партии «Горан» («Изменения»), одним из требований протестующих было превращение «пешмерга» в действительно национальные формирования, свободные от партийных влияний [112, с. 77].

В целом, можно утверждать, что фактический статус и возможности пешмерга всегда выходили и выходят за примерно очерченные рамки предусмотренных конституцией региональных сил безопасности, и эта ситуация отражает реальное соотношение политических сил между Эрбилем и Багдадом.

Очень важной проблемой во взаимоотношениях Региона Курдистан с федеральными властями является вопрос эксплуатации его нефтяных ресурсов. Считаю уместным осветить его отдельно в следующем параграфе работы. Здесь же, опираясь на приведенный выше анализ основ взаимоотношений Иракского Курдистана с федеральными властями Ирака и основных противоречий между ними, следует, на наш взгляд, кратко осветить развитие этих взаимоотношений после 2005 г., на фоне важных изменений в самом Иракском Курдистане.

Успех на парламентских выборах 2005 г. и значение курдского представительства при формировании высших органов власти Ирака дали курдам сильные рычаги влияния в общеиракском политическом процессе. Неформальным правилом политического урегулирования в Ираке стала договоренность, что президентом страны обязательно должен быть курд. (При этом правительство должно возглавлять шиит, а спикером парламента быть представитель суннитского сообщества). Первым, после свержения режима

С.Хусейна, президентом Ирака был избран Джалал Талабани, лидер ПСК, и этот пост он занимал до 2014 г. Курды смогли получить 9 министерских должностей из 32. Из них 4 получили представители ПСК; ДПК также получила 4 министерства и должность вице-премьера. Курд стал министром иностранных дел, а другой представитель Иракского Курдистана возглавил генеральный штаб вооруженных сил [85, с. 74]. Отметим также, что из 6 вошедших в кабинет женщин 4 были курдянками.

Избрание Д. Талабани президентом Ирака, а М. Барзани – президентом РК, стало основанием для установления определенного баланса влияний обеих крупнейших курдских партий и обеспечило несколько лет сравнительно нормальных рабочих отношений между ними [152, с. 1349]. Относительная политическая консолидация курдов оказала положительное влияние на их позиции во внутрииракской политической борьбе.

Важным рубежом на пути политического становления Иракского Курдистана стало формирование в мае 2006 г. первого после 2003 г. объединенного правительства региона. Его возглавил Нечерван Барзани. Правительство предложило обществу амбициозную программу развития Иракского Курдистана, которая предусматривала глубокую модернизацию экономики, развитие инфраструктуры региона, масштабное привлечение иностранных инвестиций, развитие образования, системы социальной защиты. В нем также подчеркивалась необходимость надежного обеспечения языковых и культурных прав национальных меньшинств Иракского Курдистана [20, с. 36 – 38]. Здесь следует отметить, что еще на первых выборах в парламент курдской автономии, состоявшихся в 1992 г., представители двух национальных меньшинств (ассирийцы и т. н. халдеи) получили квоту в 5 мест (из 105). Согласно новому избирательному закону, принятому в марте 2009 г., за

национальными меньшинствами (ассирийцами, халдеями, туркоманами и армянами) в Иракском Курдистане зарезервировали 11 мест из 111, что в целом заметно превышает их долю в населении региона [62]

И хотя реальность всегда вносит коррективы в амбициозные планы, следует признать, что многие из обещанных удалось выполнить. Заметные экономические успехи Иракского Курдистана стали важной составляющей его роли в общеиракской политике. Росту экономики региона способствовали отмены санкций против Ирака, выгодное географическое расположение, сравнительно мягкий климат, благоприятный для сельского хозяйства, а особенно высокий, чем в других частях страны, уровень стабильности и безопасности. Иракский Курдистан пережил продолжительный строительный бум. В регионы построили многочисленные объекты инфраструктуры, больницы, школы, жилые дома. Жилищное строительство в значительной степени финансировалось из целевого государственного фонда. Немало усилий приложило правительство Иракского Курдистана для развития системы образования; в частности, из специального фонда финансируется обучение студентов за границей. Благодаря мерам правительства в регионе за 10 лет уровень грамотности вырос на 22% [32, с. 8].

Привлечению иностранных инвестиций способствовал закон о десятилетних «налоговых каникулах» для инвесторов. Быстро развивалось сельское хозяйство. И хотя, кроме нестабильной ситуации в Ираке в целом, остается немало сугубо экономических проблем, в частности, с обеспечением населения электроэнергией, наличием слишком отсталых районов, уровень жизни в Иракском Курдистане стал заметно выше среднего в стране.

2009 г. началась существенная трансформация политического "ландшафта" Иракского Курдистана. От ПСК отделилась новая партия – «Горан»

(«Изменения»), которую возглавил Наширван Мустафа. «Горан» подвергла критике и ДПК, и ПСК, вменяя им в вину отсутствие прогресса в спорах с Багдадом в территориальном вопросе, в деле эксплуатации нефтегазовых ресурсов, обвинила их лидеров в коррупции и злоупотреблениях властью. Представители «Горан» призвали прекратить вмешательство обеих «старых» партий в правосудие, критиковали практику фактически партийного раздела «пешмерга», выступили против цензуры и притеснений оппозиционных СМИ [152, с. 1352 – 1353]. На выборах в Национальную ассамблею Иракского Курдистана в июле 2009 г. «Горан» получила 25 мест из 111 [152, с. 1351]. По результатам следующей парламентской кампании (2013 г.) она заняла второе место, сдвинув ПСК на третье [149, с. 7]. В 2014 г. «Горан» заключила политический союз с ДПК, однако осенью 2015 г. он распался, причиной чего были действия ДПК, направленные на продление президентских полномочий М.Барзани за пределы определенного законом срока. Как следствие, министры от «Горан» потеряли должности в правительстве, а представлявшего эту партию спикера курдского парламента не допустили в Эрбиль. Из-за этого конфликта парламент Иракского Курдистана не собирался до августа 2016 г. [149, с. 7].

Активность «Горан», влияние международных правозащитных организаций способствовали улучшению положения дел с правами человека в Иракском Курдистане. На прогресс в этой сфере указывала в своем отчете за 2009 г. "Международная амнистия". Речь шла, в частности, о появлении в РК неправительственных правозащитных организаций, освобождении политических заключенных, мерах, направленных на борьбу с насилием в отношении женщин, что является серьезной проблемой в еще достаточно патриархальном курдском обществе. Курдские представители поддержали иракский закон о прессе (сентябрь 2008 г.), расширивший свободу слова в стране, поправки к закону о

персональном статусе (октябрь 2008 г.), которые должны были защитить права женщин [152, с. 1354]. В то же время, высказывалась и критика в адрес властей региона, в частности, речь шла об арестах и избиениях журналистов, бесконтрольных действиях спецслужбы «Asayish», штрафах и огромных исках к СМИ за клевету и т.д.

Оппозиция в Иракском Курдистане не раз заявляла о том, что высшая власть региона поразила коррупция. В свою очередь президент РК М.Барзани декларировал, что борьба с коррупцией является священной национальной обязанностью. В мае 2016 г. власти Иракского Курдистана выдали ордер на арест, по обвинению в коррупции, Шракхан Рафик, бывшей жены неизменного министра углеводородных ресурсов автономии Ашти Хаврами. Сообщалось, что курдское правительство конфисковало у нее ценностей и имущества на 250 млн долларов. (Сама Ш. Рафик находится за пределами Ирака и все обвинения отвергает) [149, с. 4].

На фоне положительных изменений в политическом и экономическом положении внутри Иракского Курдистана, его отношения с Багдадом развивались в целом скорее конфликтным сценарием. В апреле 2006 г., после отставки премьер-министра Ибрагима аль-Джаафари, правительство Ирака возглавил Нури аль-Малики, один из лидеров иракских шиитов, политик, настроенный на дальнейшее ослабление влияния в Ираке суннитов, а также на усиление центральной власти в Багдади. Курс аль-Малики неизбежно вел к усилению напряженности во взаимоотношениях Эрбиля и федеральных властей.

Тлом для развития этих отношений стали конфликты федерального правительства с рядом арабских провинций (мухафаз) Ирака. Недовольство тем, как Багдад учитывает их интересы и распределяет бюджетные средства, повлекло

за собой несколько безуспешных попыток губернаторств реализовать предусмотренную конституцией возможность получить статус региона. В частности, такие попытки (кое-где скорее демонстративные) предпринимали Басра (в 2008 и 2011 гг.), Васит (в 2011 г.), Салах-эд-Дин (2011 г.) и другие. В декабре 2011 г. право на автономию, принятое правительством провинции Дияла, имеющее смешанное курдско-суннитско-шиитское население, вызвало репрессивные меры со стороны правительства и парамилитарных шиитских формирований, которые заставили суннитских лидеров бежать из провинции [135]. 26].

Стремясь укрепить реальные возможности РК, в 2007 г. курды предложили законопроект, согласно которому расходы федерального правительства должны были быть ограничены исключительно теми сферами деятельности, в отношении которых конституция предоставляла ему формальные полномочия. Речь шла о такой децентрализации бюджетной системы, при которой правительство в Багдаде во многих сферах выполняло чисто технические функции, не имея возможности влиять на использование большей части бюджетных средств [102, с. 1321]. Однако законодательная инициатива парламент не прошла.

Видение курдами места Иракского Курдистана в составе Ирака отразила конституция Региона Курдистан, принятая его парламентом в 2009 г. В ней Киркук признается городом в составе курдской автономии и ее столицей, а также декларируется право Иракского Курдистана на отделение от Ирака, если последние или права человека [132, с. 7]. В то же время федеральные власти Ирака не признали правомочия курдской конституции.

В декабре 2009 г. в Ираке был принят новый избирательный закон, который потенциально мог негативным образом повлиять на курдское представительство в

иракском парламенте. Протестуя против него, курды угрожали бойкотировать парламентские выборы 2010 г., однако ситуацию удалось уладить благодаря влиянию США. Президент Б. Обама и вице-президент Дж. Байден убедили руководство Иракского Курдистана не предпринимать слишком радикальных шагов, в то же время высказались в поддержку необходимости реализации 140 статьи конституции. Курдская сторона интерпретировала позицию Вашингтона как обещание американцев способствовать проведению референдума в Киркуке[185].

По итогам прошедших в марте 2010 г. очередных выборов в иракский парламент курдское представительство в законодательном органе страны заметно уменьшилось. Все курдские партии, шедшие на выборы в едином «Курдском национальном альянсе», получили вместе 43 парламентских кресла из 325[186]. Это уменьшило по сравнению с предыдущей каденцией иракского парламента возможности Иракского Курдистана влиять на действия федеральных властей через общеиракские политические институты. С другой стороны, фрагментированность иракской политической сцены, в том числе противоречия между суннитами и шиитами, разногласия внутри самих конфессиональных сообществ, партийное соперничество сохраняли за курдами возможности для политических маневров и использования в своих интересах межарабских противоречий. После выборов 2010 г. политические торги в Багдаде тянулись до конца года, когда, в конце концов, на основе договоренности между Нури аль-Малики и возглавляемым им блоком «Государство закона» и «Иракским национальным альянсом» Ибрагима аль-Джаафари появилось коалиционное правительство. возглавил Нури аль-Малики. Перед этим парламент избрал спикера и президента, должность которого вторично занял Дж. Талабани. Курдская фракция поддержала новый кабинет[190]. Чтобы добиться этого, Нури

аль-Малики обещал, что пешмерга будет получать финансирование из государственного бюджета, а правительство пойдет на уступки в вопросе закона об углеводородных.

Однако свои обещания Нури аль-Малики не выполнил. Занимая второе место премьера, он, вопреки настояниям США, продолжил политику, направленную на лишение суннитов влияния на власть, и пытался ослабить позиции правительства Иракского Курдистана. В конце 2011 г., когда завершался вывод из Ирака американских войск, Нури аль-Малики добивался отстранения от должности вице-премьера Салеха аль-Мутлаха, критиковавшего действия аль-Малики, и в свое время назвал его диктатором, хуже Хусейна. В декабре этого же года инициированная аль-Малики попытка ареста вице-президента Ирака Тарека аль-Хашими привела к обострению отношений между Багдадом и Эрбилем, поскольку вице-президент нашел убежище в Иракском Курдистане.

В условиях напряженных отношений с Багдадом курдские лидеры неоднократно напоминали о возможности отделения Иракского Курдистана от Ирака. В частности, в августе 2008 г. Барзани, предупреждая иракское правительство, заявлял: «Мы не позволим, чтобы иракский парламент разрушил достижения курдского народа. Если иракская конституция будет нарушена, Ирак распадется» [124, с. 41]. В июле 2010 г. Масуд Барзани говорил, что курды имеют несомненное право на независимость, и это, вероятно, когда-нибудь произойдет, но будет сделано не путем войны, не силой оружия, а через понимание и мир [152, с. 1347]. Весной 2012 г. президент Иракского Курдистана снова заговорил о независимости, на этот раз заявляя, что она будет объявлена 21 марта [172]. Впрочем, до реальных шагов в этом направлении дело не дошло.

В непростых отношениях федерального правительства и власти Региона Курдистан президент Ирака Дж. Талабани годами исполнял роль посредника, «буфера», что помогало в поиске компромиссных решений. (Отметим, что конституционные полномочия президента Ирака достаточно ограничены, а центральное место во властной системе занимает глава правительства). Однако его уход, в конце 2012 г., из-за состояния здоровья от дел привел к повышению «градуса» напряжения между Багдадом и Эрбилем, новых обвинений и резких заявлений [105, с. 25]. И Нури аль-Малики, и курдские лидеры в ходе противостояния обращались за поддержкой в Вашингтон. Так, в апреле 2012 г. в ходе визита в США М. Барзани обратился к президенту Б. Обаме с просьбой не отправлять в Ирак истребители F-16, по поставкам которых американцы ранее договорились с иракским правительством, поскольку они могут быть использованы против курдов [274, с. 3]. Со своей стороны Нури аль-Малики просил американского президента прекратить деятельность в Ираке нефтяного великана «Эксон Мобил», заключившего контракт с Эрбилем вопреки позиции иракского правительства. Поощряя антикурдские настроения, аль-Малики провел заседание правительства в Киркуке и Мосуле, обещал восстановить на должностях бывших офицеров иракской армии времен С. Хусейна, уволенных в период американской оккупации Ирака [274, с. 3].

Острый политический кризис, глубоко затронувший и Иракский Курдистан, поразил Ирак после выборов в марте 2014 г. Новоизбранный парламент долго не мог собраться и создать правительство. Возглавить его снова пытался Нури аль-Малики, чей блок «Государство закона» получил на выборах относительно наибольшее количество мест в парламенте – 92 из 328. Пытаясь максимально сконцентрировать власть в своих руках, аль-Малики отказался от предложения о создании правительства национального спасения, которому, в условиях войны с

ИГИЛ, приобретавшей обороты, были бы полноценно представлены и шииты, и сунниты, и курды[208]. В разгар политического кризиса курдское руководство в очередной раз заявило о намерении провести референдум о независимости, но впоследствии снова отложило его проведение[114]. В конце концов, упрямое нежелание аль-Малики находить компромисс с суннитами и другими политическими оппонентами, полностью дискредитировало его в глазах США. Отказался от поддержки аль-Малики также Иран, который имел возможность внутри Ирака поддержать других шиитских лидеров, в частности, Муктаду ас-Садра[213]. 15 июля 2014 г. иракским законодателям удалось избрать спикера (им стал Салим аль-Джубури), а 25 июля парламент смог проголосовать и за президента – курда Мухаммеда Фуада Маасума, представителя и одного из основателей ПСК, который сменил в должности главы государства больного Дж. Толобани. В августе наконец-то был назначен и премьер-министр. Им стал лидер блока шиитских партий "Национальный альянс" Хейдар аль-Абади. Аль-Малики заявлял о неконституционности назначения нового главы правительства, а его вооруженные сторонники захватили ряд объектов в иракской столице. Однако усилия бывшего премьера оказались тщетными, и он должен был уступить должность.

Смена управления в Багдаде способствовала определенному ослаблению напряженности во взаимоотношениях власти РК и федерального правительства. Однако она не устранила обозначенные выше глубокие разногласия между Багдадом и РК, курдами, арабским большинством Ирака и отдельными национальными и религиозными меньшинствами.

Мрачным фоном, а в то же время новым фактором узла противоречий стало появление в Ираке отрядов радикальных исламистов из т. н. ИГИЛ («Исламское государство»), боевики которых вербовались прежде всего из суннитов. Первым

объектом нападения ИГИЛ в Ираке оказалась провинция Аль-Анбар. Захватив города Рамади и Фалуджа, в первой половине 2014 г. исламисты создали там свой оплот. В июне 2014 г. отряды ИГИЛ захватили второй по величине город Ирака – Мосул, который быстро покинули правительственные войска. В августе силы исламистов начали продвижение на территории, населенные или контролируемые курдами, в частности, захватившие города Зумар и Синджар [122, с. 82 – 83].

В июле 2014 г. из-за угрозы со стороны отрядов исламских радикалов войска центрального правительства покинули Киркук. От Исламского государства его спасли пешмерга, которые заняли этот город. Ценой довольно значительных потерь курдские силы смогли остановить продвижение ИГИЛа на территорию Иракского Курдистана. Однако в целом в 2014 г. ситуация для Иракского Курдистана сложилась критическая, едва ли не самая плохая после наступления войск Саддама Хусейна в 1991 г. Отряды ИГ подошли к Эрбилю на расстояние в несколько десятков километров. На захваченных территориях исламисты устроили жестокую расправу с курдами-езидами. Около 5 тысяч человек были казнены, 7 тысяч женщин оказались в рабстве; спасаясь от террора боевиков, 200 тысяч человек покинули свои дома [122, с. 84]. По оценке Всемирного банка, около 1,5 млн человек стали беженцами, спасаясь на территории курдской автономии; это примерно на 28% увеличило ее фактическое население, создавая для региона новые масштабные финансовые и гуманитарные проблемы [132, с. 10].

Боевые действия выявили слабые стороны и уязвимость пешмерга, не имевшие необходимых для эффективного противодействия ИГИЛ вооружений. На начальном этапе войны с исламистами курдов от худшего спасли мощные авиаудары США и союзников. Уже в 2015 г., получив значительную военную помощь от многих стран и при поддержке авиации коалиции, курдские силы

начали возвращать утраченные территории. Они смогли продвинуться в провинции Найнава, а в ноябре вместе с отрядами самообороны курдов-езидов заняли утраченный ранее Синджар. На другом участке линии фронта, пешмерга отбили несколько неожиданных атак исламистов на Киркук.

Несмотря на свои успехи в войне с ИГИЛ, Иракский Курдистан не мог получить от союзников по коалиции желаемое количество тяжелого оружия. Большая ее часть попадала в распоряжение Багдада. Вопрос о вооружении РК, в частности, обсуждался Советом Европы, который оставил право принимать соответствующее решение по отдельным странам – членам ЕС, но подчеркнул при этом, что предоставление оружия Иракскому Курдистану возможно только с согласия иракского правительства [115, с. 3]. Что касается Соединенных Штатов, то американское законодательство запрещает правительству предоставлять оружие кому-либо, кроме суверенных государств (которым не является Иракский Курдистан). В 2016 г. в американском конгрессе и сенате обсуждался проект специального определения, позволявшего обойти этот запрет для вооружения Иракского Курдистана, но законодатели его не поддержали [115, с. 3]. Следовательно, Эрбиль мог получать оружие только с согласия Багдада или от самого иракского правительства.

Курдские вооруженные силы стали одним из ключевых участников коалиции, ведущей (и продолжающей сейчас, хотя в гораздо меньших масштабах) борьбу с ИГИЛ. В ходе войны с Исламским государством курды примерно на 40% увеличили контролируемую ими территорию, а также наладили сотрудничество с союзными курдскими организациями в Сирии и Иране [132, с. 8]. Несмотря на указанные выше ограничения, автономия все же впервые за долгое время получила значительное количество оружия из-за границы, что способствовало укреплению его вооруженных формирований. Поэтому участие в борьбе с

исламскими экстремистами на время значительно усилило позиции курдов в соревновании за постоянный контроль над Киркуком и другими спорными территориями.

В частности, важное значение имел вклад курдов в операцию по освобождению захваченного «халифатом» Мосула. Постепенное приближение ее завершения побудило Н. Барзани в конце концов отважиться на проведение плебисцита по поводу независимости. По словам П. Гелбрейта, президент Региона Курдистан принимал во внимание все большее увеличение экономических и военных возможностей Багдада, в ситуации, когда становилось понятным, что критическая фаза войны с ИГИЛ заканчивается, и это в определенной степени развязывает руки правительства шиитского большинства.

В самом Иракском Курдистане полного согласия по поводу возможного референдума не было, а значительная часть ПСК и «Горран» видела в нем скорее начинание лидера ДПК, чем национальное дело, и призвала взвесить все возможные риски такого решения. Против плебисцита выступило движение «Не сейчас», сторонники которого, не отвергая самой идеи независимости, считали, что проведение референдума в существующей напряженной экономической ситуации, проблем с безопасностью преждевременно. Против референдума было настроено и большинство арабского и туркоманского населения на контролируемых курдами территориях. Однако М. Барзани смог добиться, наконец, согласия основных партий. 2 апреля 2017 г. ДПК и ПСК обнародовали совместное заявление о предстоящем голосовании, а в июне 2017 г. парламент Иракского Курдистана определил его дату – 25 сентября 2017 г. Референдум должен был охватить как официальную территорию Региона Курдистан, так и те районы правительством, о принадлежности которых к автономии продолжался спор с федеральными властями, в т. ч. Киркук.

Реакция Багдада была предсказуемой и резко отрицательной. Премьер аль-Абади назвал намерение курдов провести голосование незаконным и неконституционным. Соответствующее решение принял иракский парламент. 14 сентября законодатели проголосовали за увольнение губернатора Киркука, курда Наджмаддина Карима, активно поддерживавшего проведение голосования в этой провинции [225].

Несмотря на все оговорки и давление, 25 сентября 2017 г., в атмосфере огромного энтузиазма и возвышения, захвативших большинство курдов, референдум состоялся, в том числе и на спорных территориях. По официальным данным, в голосовании приняли участие более 72 процентов зарегистрированных лиц, из них проголосовали около 93 процентов проголосовавших «за» независимость, а 7, 27 процента – против [196]. Следовательно, волеизъявление курдов оказалось вполне категоричным; они поддержали отделение Региона Курдистан, включая территории, фактически контролируемые на тот момент курдским правительством, в т. ч. Киркуком, от Ирака, и создание там независимого курдского государства.

Но несмотря на это, в условиях фактического консенсуса всех влиятельных на Ближнем Востоке государств в негативном отношении к курдскому референдуму, значительному военному усилению центрального иракского правительства, и, особенно, зависимых от Ирана шиитских вооруженных формирований, непосредственное развитие ситуации после референдума оказался для курдского авто .

Критические для положения Эрбиля события произошли 16 октября 2017 г., когда правительственные силы в результате неожиданного удара захватили Киркук, находившееся под контролем курдов с лета 2014 г. [169; 195]. Через

несколько дней армия и шиитское ополчение также заставили курдов покинуть все остальные районы провинции Киркук, ранее фактически контролируемые ими. Последним, после ожесточенных боев, был занят район Алтын Кепрю, расположенный примерно в 50 километрах от Эрбиля[173]. Вскоре договоренность между Эрбилем и Багдадом о прекращении огня зафиксировала полную потерю курдской автономией своих позиций в провинции Киркук[192].

После ухода «пешмерга» из Киркука тысячи курдов, опасаясь за свою безопасность и жизнь, покинули город (представители РК называли цифру в сто тысяч беженцев)[212]. По данным ООН, всего свои постоянные места жительства покинули около 180 тысяч курдов. В частности, по сообщению курдских чиновников, 47 тысяч курдов скрылись из захваченного боевиками «Хашд аш-Шааби» города Туз Хурмата. 10 курдов были убиты, многие подверглись пыткам, многие имущества и недвижимости, принадлежавшие курдам, были разграблены или уничтожены [215].

Потеря контроля над Киркуком и другими спорными с Багдадом территориями стала тяжелым ударом по политическим и военным позициям курдской автономии. Сразу после референдума правительство аль-Абади в очередной раз заявило о нелегитимности голосования и невозможности каких-либо последствий из-за его итогов. Багдад прибег к мерам жесткого давления на Эрбиль. Вскоре после плебисцита иракское правительство ввело запрет на международные авиарейсы в курский регион [239]. В начале ноября 2017 г. Центральный банк Ирака распорядился всем банкам страны приостановить деятельность в РК, в противном случае угрожая прекратить для них валютные переводы [237]. Центральное правительство также обратилось с представлением в Верховный федеральный суд Ирака, который 5 ноября принял, что конституция

Ирака не предусматривает возможности отделения от страны ни одного из ее регионов.

События 16 – 20 октября вызвали политический кризис в курдской автономии. Общие выборы, назначенные на 1 ноября 2017 г., были отложены на неопределенный срок, а Барзани подал в отставку с поста президента РК.

Осознавая слабость своих позиций, правительство автономии 14 ноября заявило, что уважает конституционное решение Верховного суда Ирака относительно сентябрьского референдума, и что оно должно стать основой для открытого диалога между Багдадом и Эрбилем, т. ч. сделав шаг к определенной деэскалации противостояния [17]. В то же время правительство Ирака заняло скорее наступательную позицию, называя условием начала диалога с Регионом Курдистан свое реальное вхождение в нефтегазовый сектор автономии, а также установление правительственного контроля над внешними границами курдского региона [171]. Стороны продолжили декларировать свою точку зрения, однако, в конечном счете, под немалым давлением зарубежных партнеров напряжение во взаимоотношениях между Багдадом и Эрбилем несколько уменьшилось. В конце января 2018 г. были отменены банковские санкции в отношении курдской автономии [211]. После продления, в феврале 2018 г., запрета на международные авиарейсы в Регион Курдистан, власти Ирака, заявляя о «подарок» курдскому народу, отменили его в марте 2018 г. [191].

После неудачи референдума курдские лидеры в Ираке продолжили выступать с острой критикой отношения центральных властей к курдскому региону, публично вспоминать о возможной независимости Иракского Курдистана. Например, в январе 2018 г. Фалах Мустафа утверждал, что существующее конституционное устройство Ирака «потерпел неудачу», и заявил,

что способом разрешения политических противоречий между РК и Багдадом должна стать «хорошо структурированная система конфедерации» для Ирака и Курдистана [235]. В августе 2018 г. Масуд Барзани, выступая на съезде «Демократического союза молодежи Курдистана», декларировал, что Иракский Курдистан не отказывается и никогда не откажется от права на самоопределение и государственность [202].

Однако в целом после референдума отношения Региона Курдистан и Багдада вошли в новую полосу неопределенности. Эрбиль должен признать неудачу попытки быстро отделиться от Ирака и искать способы реализовать свои интересы в условиях нового, неустойчивого и в целом значительно хуже для себя баланса реальных политических возможностей с федеральными властями страны.

Итак, современный политико-правовой статус Иракского Курдистана определился в ходе государственно-политической реорганизации Ирака после свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г. Опыт нескольких десятилетий пребывания под арабскими властями сформировал у курдского сообщества Южного Курдистана общее убеждение, угрозой языковым, культурным и политическим правам курдов. Самая принадлежность региона к Ираку воспринималась как результат исторически случайного сочетания ряда геополитических факторов, а не свободного выбора его населения. Следовательно, для Иракского Курдистана условием сохранения государственной связи с Ираком стала глубокая децентрализация власти в стране.

Это условие было воплощено в конституции страны, разработанной и принятой в 2005 г. при активном участии курдов. Она превратила Ирак в федеративное государство, признала курдскую автономию субъектом федерации (Регионом Курдистан) и предусмотрела возможность создания в Ираке новых

регионов. Однако кроме РК до сих пор такие регионы в Ираке не появились, из-за чего Иракский Курдистан реализует свой статус субъекта федерации в фактической роли автономии. Принятая в итоге тяжелого компромисса между курдской, шиитской и, в меньшей степени, суннитской общинами Ирака, конституция оставила возможности для отличного толкования объема прав регионов и центральной власти. С самого начала реорганизации Ирака курдская автономия на практике осуществляла ряд функций суверенного государства, выходявших за рамки его конституционного статуса. В то же время курды приняли участие в работе центральных органов власти Ирака и смогли стать влиятельным фактором принятия общегосударственных решений.

Препятствием на пути формирования стабильных и конструктивных взаимоотношений Курдистана с федеральными властями стал ряд основополагающих противоречий между курдами и арабским большинством Ирака. Первым из них является вопрос о границах курдской автономии, которая добивается включения в свой состав ряда территорий со смешанным населением, прежде всего г. Киркук. Другим предметом противостояния является вопрос эксплуатации нефтегазовых ресурсов Иракского Курдистана, относительно которого позиции всех иракских правительств и автономии принципиально расходятся. Наконец важные разногласия касаются статуса вооруженных сил Иракского Курдистана. Найти их решение в рамках конституционно правового поля Ирака не удалось, а современный статус-кво определен соотношением реальных политических возможностей Багдада и Эрбиля. Усилия федеральных правительств Ирака, направленные на усиление влияния на курдскую автономию, долгое время были безуспешными. Находясь в составе Ирака, Иракский Курдистан приобрел фактически полугосударственный статус. Неудача попытки отделения от Ирака из-за проведения референдума и утраты некоторых

территорий ослабила позиции автономии в отношениях с федеральным центром, но не сняли с политической повестки дня ни одного из противоречий между ними. В перспективе существующие разногласия так или иначе должны найти принципиальное, стабильное решение – либо в рамках Ирака, либо на пути превращения Иракского Курдистана в суверенное государство.

2.2. Роль энергетического фактора в политике курдской автономии

Нефть и газ являются основными природными ресурсами Иракского Курдистана. Текущие оценки углеводородных запасов региона отличаются, но в любом случае речь идет об огромных цифрах. По данным курдских чиновников, объем залежей нефти в Иракском Курдистане составляет около 45 миллиардов баррелей, то есть примерно равны запасам таких нефтедобывающих стран, как Ливия и Нигерия. Запасы газа в регионе оцениваются примерно в 5,6 триллионов кубометров, то есть больше, чем, например, в Алжире [116, с. 97]. Кроме того, в спорном районе Киркук находится еще около 8,7 млрд баррелей, то есть около трети всех разведанных нефтяных ресурсов Ирака (не считая курдской автономии).

Правовые основы добычи углеводородов в Иракском Курдистане должны были заложить иракская конституция 2005 г. Ее 108 статья отмечает, что природные богатства страны принадлежат всему иракскому народу. 109 статья указывает, что правительство управляет добычей полезных ископаемых вместе с правительствами регионов, при условии справедливого распределения этого богатства, и с учетом густоты населения на территории страны, с выделением временных дополнительных квот для регионов, пострадавших от предыдущего

режима, с целью обеспечения равноправного развития [280]. В то же время, ключевая по развитию нефтедобычи 112 статья сформулирована таким образом, что оставляет возможности для ее отличного толкования. Такая формулировка не была случайной; оно отразило противоречия между разными политическими силами, участвовавшими в разработке конституции Ирака. Первый параграф 112 статьи возлагает ответственность за добычу углеводородов из существующих месторождений на федеральное правительство совместно с правительствами регионов и провинций. В нем также говорится о необходимости пропорционального распределения доходов от полезных ископаемых. Второй параграф названной статьи гласит, что энергетическая политика формируется совместно федеральным, региональным и провинциальными правительствами.

Исследователи указывают на недостаточную конкретность, нечеткость положений конституции, касающиеся доходов от добычи полезных ископаемых, в частности, полную неурегулированность порядка получения доходов от нефтегазовой отрасли [166, с. 285 – 286]. Предметом различного толкования Эрбиля и Багдада, относительно которого позиции сторон остаются отличными, стало, в частности, положение о существующих месторождениях. Федеральные власти всегда настаивали на том, что формулировка конституции касается всех месторождений нефти и газа, и поэтому контроль над их эксплуатацией должен осуществлять центр. В то же время правительство РК считает, что в конституции речь идет только о месторождениях углеводородов, которые эксплуатировались по состоянию на 15 августа 2005 г. – день завершения работы конституционной комиссии [116, с. 106]. Следовательно, по мнению Эрбиля, все остальные месторождения на территории Иракского Курдистана должны быть в компетенции его правительства, согласно статье 115 конституции, которая

передает в регионы все полномочия, которые специально не предупреждены как прерогатива федерального правительства.

Следствием отсутствия взаимопонимания между Иракским Курдистаном и федеральным центром является то, что в Ираке до сих пор нет национального энергетического закона. Первый проект федерального закона об углеводороде разрабатывался при прямом участии американцев. В феврале 2007 г., из-за сопротивления противников децентрализации власти в Ираке, парламент его не поддержал. Позднее, в июле этого же года, новый вариант закона, в который были внесены поправки, увеличивавшие полномочия центральной власти, курдские представители отказались даже обсуждать [102]. В период между 2007 и 2011 гг. в целом подавались три соответствующих законопроекта, но все они были отклонены [116, с. 107].

Формирование курдской автономией собственной энергетической политики началось в 2004 году. Важным моментом в ее становлении стало введение в 2006 г., в первом после гражданской войны, объединенном правительстве курдской автономии должности министра природных ресурсов. С мая 2006 г. ее занимает Ашти Хаврами, представитель ДПК, являющийся ключевой фигурой в энергетическом секторе Иракского Курдистана. Правовой основой функционирования нефтегазовой промышленности РК стал местный закон о нефти и газе, принятый в 2007 году. Его авторы исходили из права Иракского Курдистана самостоятельно распоряжаться нефтяными ресурсами региона. Закон предусматривал, в частности, создание нескольких государственных компаний, которые должны заниматься геологической разведкой, добычей и продажей нефти: «Исследовательской и производственной компании Курдистана», «Курдской национальной нефтяной компании», «Курдской организации по сбыту нефти» и «Организации Курдистана по операциям переработки» [87, с. 60 – 62].

Однако на 2016 г. из этого перечня действовала только «Курдская организация нефтяного маркетинга» (СОМО) [116, с. 101]. Федеральные власти Ирака не признали правомочия курдского закона.

Сумев обеспечить на своей территории значительно более высокий, по сравнению с другими регионами Ирака, уровень безопасности и стабильности, Эрбиль начал самостоятельно, без согласования с Багдадом, привлекать иностранные компании для разработки нефтяных месторождений. Первой в 2004 году стала норвежская компания DNO. Подписанное с ним соглашение позволяло компании проводить бурение недалеко от городов Захо и Койсанджак, в 70 километрах от Эрбиля. Предусматривалось проведение разведывательных работ сроком 4 года. [84, с. 286].

В период 2004-2006 гг. правительство Иракского Курдистана заключило соглашения в области разведки и добычи нефти еще с тремя относительно небольшими компаниями: швейцарской Addax, англо-турецкой Genel Energy и канадской Western Zagros. Они касались работы на 7 месторождениях (блоках) [116, с. 102]. Стандартным типом контрактов, предлагаемым инвесторам, стал т.н. Production-Sharing Contract (контракт с распределением продукции), согласно которому правительство и компания получали определенный процент добываемой нефти. Для многих иностранных компаний он оказывался более выгодным, чем тип контрактов, предлагаемый федеральными властями Ирака – Long-Term Service Contract, предусматривавшими определенную фиксированную плату [116, с. 102].

Впоследствии масштабы самостоятельного привлечения инвестиций в нефтяную отрасль стали расти. В период 2007 – 2008 гг. власти РК вели переговоры о заключении еще 20 контрактов. В настоящее время работу на

территории автономии начали ряд средних компаний, в частности, венгерская MOL, австрийская OMV, южноафриканская KNOC. Лучшее, чем в «федеральном» Ираке, состояние дел с безопасностью, и более выгодные условия сделок стали главными аргументами автономии в переговорах с инвесторами. После 2011 г. в Иракский Курдистан начали входить нефтегазовые компании самого высокого ранга. Первой стала «Эксон Мобил», заключившая в ноябре 2011 г. контракт с Эрбилем на работу на 7 блоках [116, с. 105]. Впоследствии были подписаны контракты и с другими «великанами»; общее количество нефтегазовых сделок, заключенных властями КАР, возросло до 60. Следствием стал огромный рост добычи нефти в автономии – от сравнительно незначительных 15,7 тыс. баррелей в сутки в 2009 г. до 210 тыс. в 2015 г. [116, с. 104].

Среди пришедших в Иракский Курдистан нефтегазовых компаний были также российские. В августе 2012 г. соглашение с РК о работе на двух блоках заключила компания "Газпром Нефть" ("дочка" "Газпрома"). В феврале 2013 г. она подписала соглашение о разработке еще одного блока (Халабджа). Заключенные контракты предполагают, что инвесторы будут получать 80% добычи [32, с. 13]. По данным С. Иванова, российские инвестиции в геологоразведку в Иракском Курдистане к 2015 г. составили до 1 млрд долларов. В течение восьми лет планировался выход на добычу на двух месторождениях 130 тысяч баррелей нефти в сутки [32, с. 13].

Позже сотрудничество с РК начал другой российский нефтяной гигант, компания «Роснефть», заключившая в начале 2017 г. с правительством Иракского Курдистана соглашение о сотрудничестве в области разведки, добычи, инфраструктуры, логистики и трейдинга углеводородов. Она, в частности, предполагает покупку россиянами определенных объемов курдской нефти[220].

"Роснефть" сотрудничает также с федеральным правительством Ирака. В феврале 2017 г. эта компания приступила к работе (бурение поисковой скважины на блоке «Салман-1») в арабской части Ирака.

По состоянию на 2016 г. около 98% всей добычи нефти в ЖК осуществляли четыре крупнейшие компании – DNO, Genel Energy, британская Gulf Keystone и KAR Group. DNO работает на месторождении Тавке, вблизи границы с Турцией, а Gulf Keystone разрабатывает месторождение Да. KAR Group, наиболее диверсифицированная из всех названных здесь компаний (ее деятельность охватывает также нефтепереработку, производство электроэнергии и строительство нефтепроводов) является оператором месторождения Хурмала, которое разрабатывалось еще до провозглашения автономии Иракского Курдистана, и поэтому не попадает под действие законодательства РК о новых месторождениях. Багдад отрицает право Эрбиля экспортировать продукцию Хурмалы, но не имеет возможности помешать этому. Власти автономии в своих официальных отчетах представляют нефть, добытую в Хурмале, как продукцию федеральной Северной нефтяной компании [149, с. 19].

В ситуации принципиальных разногласий с федеральным правительством по поводу права РК вести самостоятельную деятельность в нефтегазовой отрасли, стратегической проблемой для автономии, не имеющей выхода к морю, был доступ к транспортной инфраструктуре. Долгое время основным путем экспорта нефти с ее территории был контролируемый правительством нефтепровод Киркук-Джейхан (порт в Турции), построенный еще в 1970 году. Определенное количество нефти автономия также могла вывозить автотранспортом через территорию Турции или Ирана. Чтобы уменьшить зависимость от Багдада, по территории Иракского Курдистана в 2012 – 2013 гг. проложен нефтепровод от месторождения Да Так близ Эрбиля до турецкой границы, где он был соединен (у

Фиш Кабур) с «трубой» Киркук – Джейхан. Новый нефтепровод позволил РК покончить с инфраструктурной изоляцией региона, поскольку Эрбиль получил физическую возможность перекачивать большое количество нефтепродуктов без разрешения Багдада. В 2014 г. через новый нефтепровод перекачивалось 36,8 тыс. баррелей в день, а в 2015 г. – 138,6 тыс. баррелей в день. Еще около 4,5 тыс. баррелей перевозилось грузовиками.

Самостоятельная деятельность РК в нефтегазовой отрасли стала одним из главных спорных моментов в отношениях автономии и федеральных правительств. Центральные власти постоянно пытались поставить добычу углеводородов на территории Иракского Курдистана под свой контроль. Последовательным проводником такой политики несколько лет был д-р Хусейн Шахристани, министр нефти в мае 2006 г. – декабре 2010 г. и заместитель главы иракского правительства с декабря 2010 г. по сентябрь 2014 г. [141, с. 34] .

Следует отметить, что уже первое самостоятельное нефтяное соглашение РК (упомянутое выше соглашение с норвежцами) вызвало достаточно острую критику в Ираке. В частности, А. Макки, лидер Иракской исламской партии, заявлял на этот счет: «Это – беспрецедентно. Они поступают как независимое государство. Это иракская нефть и она будет распределена между всеми иракскими партнерами». Он также настаивал, что действия курдов являются нарушением конституции [84, с. 286]. В конце концов, представителям DNO удалось добиться согласия центральных властей на разработку новых месторождений в РК (собственно, добыча нефти в тот момент была вопросом определенной перспективы, ведь шла речь о геологической разведке). При этом правительство настаивало на том, что все доходы нефти должны распределяться на общенациональном уровне [84, с. 287].

Федеральное правительство впоследствии начало прибегать к санкциям против компаний, заключавших соглашения напрямую с автономией. Так, в январе 2008 г. Багдад по этой причине приостановил экспорт нефти компаний S K Energy (Южная Корея) и OMV. В 2011 г. острую реакцию федеральных властей вызвал контракт, заключенный Регионом Курдистаном из «Эксон Мобил»; в конце концов это привело к уменьшению доли этой компании в проекте Западная Курна – 1 в Южном Ираке. [84, с. 287] Вскоре протесты министерства нефти повлекли за собой контракты курдского регионального правительства с российской компанией «Газпром Нефть», французской «Тоталь». В частности, в 2012 г. Багдад угрожал лишить «Газпром Нефть» доступа к месторождению «Бадра» в южной части страны [205; 4]. Впрочем, в целом интересы названных компаний в «федеральном» Ираке незначительны, что уменьшило возможности влияния на них со стороны центрального правительства.

В июле 2012 г. в правительственный «черный список» попала компания «Шеврон», которая приобрела право на разработку двух нефтяных блоков в Иракском Курдистане. Однако Шеврон не ведет деятельности в других частях Ирака. В общем, результатом давления центральной власти явилось то, что, за несколькими исключениями («Эксон Мобил», «Газпром Нефть», «Тоталь») компании, работающие в Иракском Курдистане, работ в других регионах Ирака не ведут [141, с. 34].

В спорах РК с Багдадом по вопросам углеводородов подчас удавалось достичь взаимопонимания, однако оно обычно оказывалось непрочным. Так, в феврале 2011 г. федеральное правительство и автономия договорились о разделе доходов от экспорта нефти с территории Иракского Курдистана в пропорции 50 на 50. В этот момент премьер-министр Ирака Нури аль-Малики заявлял даже, что курдские нефтяные соглашения будут уважаться. . [141, с. 34]. Однако

разногласия вскоре начали проявляться снова. Фактором ухудшения условий диалога стал вывод до конца 2011 г. американских войск, поскольку это обстоятельство уменьшило возможности давления на стороны со стороны американцев, которые всегда настаивали на необходимости понимания. В сентябре 2012 г. Багдад и Эрбиль достигли нового компромисса. Однако уже в ноябре того же года противостояние усилилось. Причиной стала правительственная военная операция, воспринятая в РК как попытка центра установить контроль над спорными территориями. Как следствие, в иракском бюджете, принятом в марте 2013 г., выплаты Эрбиля были урезаны.

Отстаивая свою позицию по добыче углеводородов, Иракский Курдистан прибегал к приостановке экспорта нефти. В частности, курды делали это в сентябре 2011 [193]. Аналогичным образом действовали курдские чиновники в апреле 2012 г., когда прекратили перекачку нефти из-за контролируемого Багдадом нефтепровода. Тогда власти РК ссылались на долги правительства перед регионом за уже поставленную нефть [194]. При этом курды называли сумму в 1,5 млрд. долларов [53, с. 75]. Транспортировку нефти возобновили в июле, после обещания правительства выплатить автономии к сентябрю 848 млн долларов, однако на самом деле Эрбиль получил от Багдада только 550 млн долларов [33, с. 66].

В ситуации конфликта с федеральным центром, власти Иракского Курдистана быстрыми темпами развивали партнерские отношения с Турцией. В ноябре 2013 г. автономия заключила с Анкарой широкое энергетическое соглашение, которое касалось также экспорта нефти и газа. Турецкая государственная компания получила право на эксплуатацию месторождений в Иракском Курдистане, в т.ч. на спорных территориях. Кроме этого, турецкая сторона предложила проводить доходы от экспорта нефти через турецкий

государственный банк, с их последующим распределением между Эрбилем и Багдадом согласно определенной доли доходов автономии в иракском государственном бюджете – соответственно 17 и 83 процента [143]. На практике это увеличило реальные доходы РК, поскольку освобождало его от участия в расходах на федеральные нужды. Багдад выступил решительно против такого варианта, настаивая на его незаконности.

Сокращая бюджетные выплаты Эрбилю, федеральное правительство одновременно пыталось принять меры, направленные против самостоятельного экспорта курдской нефти. Примером является история с танкером «United Kalavryta», который вынужден был находиться в море у берегов штата Техас с июня 2014 г. по январь 2015 г., пока юристы, представлявшие федеральное правительство Ирака, доказывали (имея в виду нефть), что на судне – украденная собственность иракского правительства [141, с. 36]. Со своей стороны, курды пытались транспортировать нефть через порты Израиля, в море перегружали ее с корабля на корабль, а также использовали, для того чтобы отвлечь внимание, специальные корабли-приманки[219].

Очередное обострение отношений федерального правительства и РК в нефтегазовой сфере происходило весной 2014 г., накануне парламентских выборов 30 апреля. После срыва переговоров, Багдад задержал бюджетные выплаты автономии за январь и февраль[187]. В столице заявляли о завышенных требованиях курдов, еще раз отрицая их право на самостоятельный экспорт углеводородов. Шаткое положение правительства Нури аль-Малики заставляло его занимать жесткую позицию по отношению к требованиям курдов. В свою очередь, курдские лидеры прибегали к достаточно острой риторике. В частности, президент РК Масуд Барзани сравнил угрозу центрального правительства урезать бюджетные выплаты региона с пресловутой химической атакой в Халабдже [204].

Глава автономии говорил также об угрозе распада страны, и намекал, что Иракский Курдистан, благодаря своим природным ресурсам, способен существовать и самостоятельно.

В сентябре 2014 г. к власти в Багдаде пришло правительство Хайдера Аль-Абади, сменившее на этом посту Нури Аль-Малики. И премьер, и новый министр нефти Адель Абдель Мехди в целом заняли по самостоятельной деятельности РК в нефтегазовой сфере более компромиссную, чем их предшественники, позицию. Новой попыткой взаимопонимания стало соглашение между Регионом Курдистан и федеральным правительством, заключенное в декабре 2014 г. Согласно ему, Эрбиль должен был получать 17% всех нефтяных доходов Ирака, включая поступления от продажи нефти, добытой на территории Иракского Курдистана. Предусматривалось также финансирование «пешмерга» из федерального бюджета, а правительство РК обязалось продавать 250 тыс. баррелей нефти в день через иракскую государственную нефтяную маркетинговую организацию «SOMO». Курдские чиновники в связи с соглашением выражали надежду на длительное взаимовыгодное урегулирование нефтяного спора с Багдадом [201]. Однако договоренности, наконец, не выполнили. За первое полугодие 2015 г. правительство Ирака, получившее от продажи углеводородов около 26,7 млрд. долларов, перечислило в бюджет курдской автономии лишь около 2 млрд. долларов, то есть менее половины того, что предполагалось соглашением. Как следствие, в июне 2015 г. курдское региональное правительство вновь прибегло к самостоятельной продаже углеводородов, что позволило ему резко увеличить свои доходы (примерно 3,950 млрд долларов во втором полугодии 2015 г.) [149, с. 8].

В августе 2015 г. провинциальный совет Киркука, контролируемый курдами, пытался переименовать государственную Северную нефтяную

компанию в Киркукскую нефтяную компанию, т.е. будто указывая на потенциальную возможность изменения контроля за ее работой. В марте 2016 г. эта компания, по указанию федерального правительства, приостановила (до августа этого же года) экспорт нефти через нефтепровод Киркук – Джейхан, поэтому уменьшив контроль курдского регионального правительства над доходами от экспорта этим стратегически важным маршрутом [149, с. 23].

С технической точки зрения, нефть из Региона Курдистана возможно экспортировать через федеральный Ирак. Но это, очевидно, поставило Эрбиль в большую зависимость от Багдада. Политико-стратегические соображения становятся препятствием развитию экспорта нефти через территорию Ирана. В этом отношении велись переговоры, но они не принесли конкретных результатов [149, с. 25]. Экспорт через Иран ужесточил бы возможность влияния Тегерана на Иракский Курдистан. Иран имеет враждебные отношения с США, стратегически важным партнером курдов, а его руководство всегда выступало против возможного провозглашения независимости курдской автономии. К тому же развитие отношений с Ираном затрудняют их внутрикурдские аспекты. Если ДПК и Барзани имеют особые отношения с Вашингтоном и Анкарой, то в определенной степени из-за географического фактора у лидеров ПСК сложились тесные рабочие отношения с Тегераном.

Начиная с 2014 г. новым фактором энергетической политики курдской автономии стало продвижение в Ираке отрядов ИГИЛ. В условиях войны «пешмерги» оказались важным фактором сдерживания исламских радикалов. В то же время резкое падение цен на нефть в сочетании с ростом военных расходов поставили автономию перед очень серьезными бюджетными проблемами. Кризисная ситуация, а также давление США и Ирана, способствовали заключению в ноябре – декабре 2014 г. новых соглашений между властями РК и

федеральным правительством, касающихся нефтяных доходов и бюджетных выплат. Предполагалось, что РК будет получать из федерального бюджета 17 % всех доходов (но минус расходы на общегосударственные нужды). Тогда это должно составить 1,1 миллиарда долларов ежемесячно. Кроме того, дополнительно должны выделяться деньги на пешмерга. При этом автономия должна экспортировать 550 тыс. баррелей нефти в день, в т.ч. 250 тыс. баррелей курдской нефти и 300 тыс. баррелей из принадлежащих государству месторождений района Киркука, но контролируемых силами регионального правительства. На тот момент нефтепровод Киркук – Джейхан не функционировал из-за действий ИГИЛ, поэтому единственно возможным путем транспортировки нефти из района Киркука был упомянутый выше новый курдский нефтепровод [149, с. 36]. На практике соглашение полностью не выполнялось, и основных противоречий в нефтегазовой сфере между автономией и федеральным центром не разрешало.

После начала войны с ИГИЛ ряд международных нефтяных компаний, работавший на территории Иракского Курдистана, стал отказываться от проведения разведывательных работ. Так, до конца 2015 г. сократила свою активность в этой сфере «Шеврон». До декабря 2016 г. другой нефтяной гигант, «Эксон Мобил», остановил работы на 3 из 6 разведывательных блоках, на которых работал раньше. Всего МНК отказались в Иракском Курдистане от 19 разведывательных блоков. Эксперты и должностные лица региона называли различные причины сокращения их активности, однако очевидным фактором является потеря РК уровня относительной безопасности и стабильности, что ранее способствовало привлечению иностранных инвестиций в нефтяную отрасль курдской автономии.

В то же время, российский нефтяной гигант, «Роснефть», планирует расширить свое, сейчас сравнительно незначительное участие в нефтяной отрасли

Иракского Курдистана. Ряд соответствующих соглашений был подписан в июне 2017 г. главой правительства РК Нечерваном Барзани, во время Международного экономического форума в Санкт-Петербурге. Предполагается, что российская компания получит доступ к региональной системе транспортировки нефти и что сырье из Иракского Курдистана будет доставляться на ее нефтеперерабатывающие мощности в Германии [264]. Указанные договоренности стали продолжением и расширением соглашения, заключенного между курдским правительством и «Роснефтью» в феврале 2017 г. В то же время, в сентябре 2017 г. другая российская нефтяная компания, «Газпром Нефть», заявила об отказе от разработки блока Халабджа, ссылаясь на труднодоступность этого месторождения, а также вероятность нахождения в данном районе мин[179].

Отсутствие взаимопонимания между Багдадом и Эрбилем в нефтегазовой отрасли обусловило и позицию властей Иракского Курдистана по соглашению, заключенному странами – членами ОПЕК 30 ноября 2016 г. Она предусматривала сокращение с целью поднять цену на нефть ее общей добычи участниками организации на 1,2 млн. баррелей в день. В рамках соглашения Ирак обязался снизить добычу нефти на 4,5%. В этой связи иракский министр нефтегазовых ресурсов Джабар аль-Луаибби заявлял в конце 2016 г., что Иракский Курдистан, как часть Ирака, тоже сократит добычу. В ответ на это курдские чиновники подчеркнули, что РК решение ОПЕК будет выполняться только при достижении соглашения по нефти с Багдадом (что на тот момент выглядело маловероятным) [258].

Иракский Курдистан владеет запасами газа мирового класса и имеет амбициозные планы развития добычи природного газа, основным потребителем которого должна стать Турция. Турецкий рынок газа быстро растет, при этом правительство этой страны пытается диверсифицировать источники и не

допустить монополизации стратегически важного сектора энергетики. Сейчас перспективы развития курдского газового сектора связаны с компанией Genel Energy. В ноябре 2015 г. ее глава заявлял, что надеется, что к началу 2020-х годов из Иракского Курдистана в Турцию будет поставляться до 20 млрд. куб. метров газа ежегодно [149, с. 20].

Отметим еще один аспект развития нефтегазовой отрасли Иракского Курдистана, который можно определить как внутрикурдский. Речь идет о том, что фактический контроль над нефтегазовой сферой принадлежит с начала 2000-х годов ДПКИ лидеру Масуду Барзани, президенту Иракского Курдистана. Представители других курдских партий, прежде всего ПСК и «Горан», не раз подвергали критике деятельность курдского правительства, обвиняя его в непрозрачном заключении контрактов и коррупции. В частности, в апреле 2016 г. представитель «Горан» заявлял, что за первые три месяца этого года доходы бюджета региона оказались на 1 млрд. долларов больше расходов, а потому возникает вопрос об использовании этой огромной разницы. Правда, убедительных доказательств существования «двойной бухгалтерии» такого масштаба не было приведено [149, с. 9].

Чрезмерная зависимость доходов бюджета Иракского Курдистана от нефти, в сочетании с аналогичным положением целого Ирака, а также война с ИГИЛ, после резкого падения цен на нефть в 2014 г. повлекла за собой глубокий и длительный финансовый кризис в курдской автономии. Эрбиль предстал перед проблемой слишком большого дефицита бюджета. В январе 2016 г. министр курдского регионального правительства по делам местного самоуправления и туризма Нивроз Мавлуд Амин заявлял, что в 2015 г. расходы Региона Курдистан составили 12,4 млрд долларов, а доходы – лишь 9,5 млрд [149, с. 3]. Даже если бы Иракскому Курдистану удалось увеличить добычу и экспорт нефти с примерно

600 тыс. баррелей в день до 1 млн. баррелей в день (что, учитывая сокращение инвестиций, очень проблематичным), автономии все равно не удалось бы обеспечить доход в 1 – 1,2 млрд. дол. в месяц, необходимый для сохранения государственных расходов на уровне, который был при цене на нефть в около 100 долл., учитывая при этом необходимость обслуживания значительно возросшего правительственного долга.

Пытаясь найти выход, правительство курдской автономии начало обращаться за кредитами в МВФ, Всемирный банк, США и Европейский Союз, быстро увеличивая ее государственный долг. Уже в декабре 2014 г. финансовые обязательства Эрбиля только перед Анкарой составили около 2 млрд долларов, и перед частными кредиторами около 1 млрд долларов [149, с. 10]. С этого времени суммарные долги правительства Иракского Курдистана значительно выросли. В условиях падения доходов от нефти и бюджетного кризиса правительство РК, по некоторым данным, обдумывало достаточно спорные, с правовой и политической точки зрения, варианты поиска выхода из ситуации. В декабре 2016 г. известный ресурс «Викиликс» обнародовал информацию (письмо Ашти Хаврами министру энергетики и природных ресурсов Турции) о том, что власти Иракского Курдистана предлагали Турции приобрести права на часть контролируемых курдами нефтяных полей. Общая сумма сделки должна была составить около 5 млрд долларов [242]. Правда, подлинность этих данных трудно подтвердить.

Следовательно, кризис заставляет курдское правительство к поиску путей реформирования экономики и бюджетной системы. Об этом заявлял в апреле 2016 г., во время визита в Вашингтон, Кубад Талабани, вице-премьер правительства РК. Речь шла о мерах по сокращению государственных расходов, уменьшению государственного сектора в социально-экономической сфере,

выходе правительства из топливного и энергетического секторов экономики [149, с. 27].

Следовательно, углеводороды, в первую очередь нефть, являются главным стратегическим ресурсом Иракского Курдистана. Стремясь получить дополнительный источник доходов и уменьшить уровень финансовой зависимости от Багдада, власти региона приложили усилия для организации их эксплуатации без согласия центрального правительства. Привлечению соответствующих инвестиций в РК способствовали относительно выше, чем в других регионах охваченного насилием Ирака, уровень безопасности, а также более выгодные, чем предлагало федеральное правительство, условия контрактов.

Самостоятельные действия Эрбиля в нефтегазовой отрасли с самого начала вызвали отрицание федеральных властей и стали одним из центральных элементов всей противоречивой системы взаимоотношений автономии с федеральным центром. Отсутствие стабильного разрешения спора между Багдадом и Иракским Курдистаном по поводу эксплуатации нефтегазовых ресурсов является следствием незавершенности процесса формирования федеративного государства в Ираке, отсутствия полноценного, исчерпывающего конституционного урегулирования взаимоотношений курдской автономии с Иракским государством. С другой стороны, отношения Эрбиля и Багдада в нефтегазовой отрасли являются одним из проявлений исключительного положения автономии, которая во многих сферах является фактически самостоятельным государственно-политическим образованием.

Несмотря на перманентный конфликт с Багдадом, развитие на основе масштабных иностранных инвестиций собственной добычи нефти в Иракском Курдистане оказалось достаточно успешным. Он дал автономии постоянный

источник доходов, независимый от федеральных властей, на фоне высоких цен на нефть способствовал многолетнему росту экономики региона, положительным сдвигам в уровне жизни его населения. В то же время, Иракский Курдистан, не имея выхода к морю, по делу экспорта нефтепродуктов попал в жесткую зависимость от Турции, что имеет не только экономические, но и политические измерения. В частности, эта зависимость является фактором, уменьшающим возможности иракских курдов проявлять солидарность с курдами в Турции. Кроме того, несмотря на сравнительно успешное развитие различных секторов промышленности и сельского хозяйства, «быстрые» доходы от нефти обусловили формирование в РК уязвимой сырьевой экономики, после падения цен на углеводороды в 2014 г. немедленно оказалась в кризисном состоянии. Сегодня Иракский Курдистан встает перед стратегическим вызовом поиска такой модели экономического развития, которая позволила бы снизить его как экономическую, так и политическую зависимость от состояния дел в нефтегазовом секторе. Однако это, очевидно, возможно только в длительной перспективе и в условиях политической стабильности и безопасности в регионе.

Выводы к разделу 2

Ключевым этапом в современной истории Иракского Курдистана определило свержения в 2003 г.. Режима С. Хусейна войсками американо-английской коалиции, в котором приняли участие и силы «Свободного Курдистана». С этого момента курды стали одним из главных факторов формирования новой иракской государства. В процессе ее становлении условием сохранения Иракского Курдистана в составе Ирака курды поставили реорганизацию страны на основе федеративного устройства. В то же время, на фоне раскрутки в Ираке спирали насилия и фрагментации политической борьбы, острых противоречий между суннитской и шиитской арабскими сообществами, Иракский Курдистан сумел стать, во-первых, зоной сопоставимой безопасности и стабильности, и, во-вторых, важным игроком в загальноиракському политическом процессе .

Конституция 2005 зафиксировала федеративное устройство Ирака. Потенциально она дала возможность трансформации страны в территориальную (неэтнические) федерацию, фактически же в Ираке появился только один субъект федерации - Регион Курдистан. Основной закон страны, принятый в результате напряженного компромисса между политическими представителями основных сообществ страны - арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов, полностью распределение полномочий между центром и субъектами федерации не урегулировал, оставив процесс создания федеративного государства в Ираке незавершенным. Немалую роль в жизни страны играют силы, ориентированные на усиление роли центрального правительства и снижение уровня автономии Иракского Курдистана. С самого начала становления «постсадамовского» Ирака

в отношениях Багдада и Эрбиль определилась ряд противоречий, до сих пор не нашли окончательного решения.

Первым из них является вопрос точного определения границ Региона Курдистан. Курды претендуют на присоединение к нему ряда территорий за пределами тех административных границ, которые признает Багдад. Крупнейшим объектом спора является богатый нефтью район полиэтнического города Киркук, который курды считают своей исторической столицей. Конституция Ирака потенциально содержит несколько путей ее решения, но курды добиваются реализации положений ее 140 статье, предусматривающей определение статуса Киркука путем референдума.

Другой сферой, в которой позиции Багдада и Эрбиль принципиально расходятся, вопрос запасов нефти и газа на территории Иракского Курдистана. Стороны по-разному толкуют его правовые основы. Если Багдад настаивает на контроле над углеводородными ресурсами по всей территории страны, то Регион Курдистан стал на путь самостоятельной эксплуатации нефтегазовых месторождений, привлекая иностранных инвесторов и найдя собственные пути для транзита. Важным следствием самостоятельности Эрбиль в нефтегазовой сфере стало формирование такого партнерства Иракского Курдистана с Турцией, в котором говорится о существенной зависимости курдской стороны от Анкары.

РАЗДЕЛ 3

ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

3.1. Развитие отношений курдской автономии с основными региональными и европейскими партнерами

Иракский Курдистан не является суверенным государством, поэтому не может устанавливать собственные дипломатические отношения с другими странами, самостоятельно вступать в официальные международные организации, присоединяться к коллективным межгосударственным соглашениям и т.д. Конституция Ирака не дает права субъектам федерации – регионам на самостоятельную международную деятельность, хотя указывает, что они должны иметь своих представителей в посольствах и дипломатических миссиях Ирака за границей. Однако на практике особый характер взаимоотношений курдской автономии с федеральным правительством в Багдаде проявляется также в формировании Иракским Курдистаном собственной сложной сети международных отношений, независимых от Ирака в отношениях с рядом стран мира. Сегодня представительства курдского правительства действуют в 13 государствах; работает также миссия при ЕС. На территории курдской автономии работают дипломатические представительства разного уровня (кроме посольств) около трех десятков стран, в том числе всех государств – постоянных членов СБ ООН, таких влиятельных стран, как Германия, Япония, Индия и Бразилия [277].

В региональном измерении главными стратегическими партнерами Иракского Курдистана определены два мощных государства – непосредственные соседи курдской автономии – Турецкую Республику и Исламскую Республику Иран. Их развитие и специфику обусловило сочетание ряда политических, экономических, культурных и этнических факторов, отчасти общих для Анкары и Тегерана. В то же время, отношения Региона Курдистан с Турцией и Ираном имеют свои особенности, отчасти отражающие и моменты разногласий и определенного соперничества этих двух крупнейших «игроков» в противоречивом пространстве международной политики на Ближнем Востоке.

Прежде всего, рассмотрим отношения Иракского Курдистана с Турцией, что является наиболее экономически развитой и сильной в военном плане страной региона.

Главным фактором, который определял политику Анкары по отношению к Иракскому Курдистану непосредственно после краха режима С. Хусейна, была проблема курдского меньшинства в самой Турции. Именно в этой стране проживает самое большое количество курдов – по разным, очень отличным данным, от 14 до 25 миллионов. С самого момента образования, на руинах Османской империи, Турецкой Республики, в течение десятилетий политика турецких властей по отношению к «турецким» курдам имела откровенно ассимиляторский и репрессивный характер. Турция официально не признавала существования на своей территории отдельного курдского этноса, зато предпочитая называть курдов турецкой субэтнической группой, «горными турками». Только за употребление слова «Курдистан» в Турции могло угрожать тюремное заключение. Несколько курдских восстаний были жестоко подавлены.

С 1978 г. Влиятельной силой курдского движения в Турции стала возглавленная Абдуллой Оджаланом Рабочая партия Курдистана (РПК), которая, кроме курдских национальных требований, включила в свою программу также социалистические (марксистские) положения. С 1984 г. РПК развернула масштабную вооруженную борьбу с турецким правительством. Под влиянием Турции, начиная с 90-х годов, ЕС и США признали РПК террористической организацией. Долгое время отказываясь от поиска взаимопонимания с курдами, держась своего традиционного репрессивного курса относительно курдского меньшинства, турецкие власти пытались уничтожить РПК, однако не смогли добиться своей цели.

В ходе борьбы с турецким правительством РПК создала базы в малодоступных районах курдской автономии. С самого начала образования Курдского автономного региона Турция добивалась его руководства активных действий против повстанцев из рядов РПК. Здесь следует упомянуть, что по настоянию Турции в межкурдское соглашение 1998 г. включили требование устранить базы РПК с территории Иракского Курдистана и не допускать рейдов оттуда на территорию Турции [28, с. 211]. При этом с начала 1990-х гг. турецкие власти, игнорируя границу и международное право, начали проводить на территории Иракского Курдистана военные операции против отрядов РПК. Первое крупное вторжение турецких войск на территорию Ирака произошло в августе 1992 г. Турки действовали тогда совместно с отрядами «пешмерга», контролируемые ПСК [165, с. 131]. Масштабную военную операцию в Иракском Курдистане Турция провела в 1995 г., в разгар конфликта между ДПК и ПСК. В мае этого года президент Турции Сулейман Демирель даже озвучивал идею смены границы между Турцией и Ираком [165, с. 131]. В 1997 г. значительные силы турецкой армии действовали против отрядов РПК в КАР при

поддержке пешмерга ДПК. Масштабное вторжение турецкой армии на территорию Иракского Курдистана имело место в 2000 году. [165, с.131].

Учитывая характер взаимоотношений с турецкими курдами, руководство Турции всегда опасалось, чтобы политические достижения курдов в Ираке не стали стимулом для активизации курдского меньшинства в Турции. Качественное смещение в политическом положении и перспективах развития для курдов в Ираке после военного разгрома режима Саддама Хусейна весной 2003 г., новые возможности для роста уровня политической автономии Иракского Курдистана, а тем более перспектива (хотя бы скорее гипотетическая) образования независимого курдского государства в Южном Курдистане, вызывали сильную обеспокоенность в Анкаре. Еще в феврале 2003 г. турецкий министр иностранных дел в правительстве Абдуллы Гюля Яшар Якиш заявлял, что Турция не хочет, чтобы существующая курдская автономия в Ираке усиливалась или чтобы Ирак превращался в федерацию, или Иракский Курдистан стал независимым [165, с. 129]. В конце концов американская администрация во время вторжения США в Ирак исходила из необходимости сохранения территориальной целостности этой страны, в чем уверяла и своих турецких партнеров. В то же время помешать тогда федерализации Ирака Анкара не могла. Однако, не желая политического и экономического усиления курдской автономии, Турция заняла категорически негативную позицию по поводу возможного включения в ее состав города Куркук. Во время американской операции в Ираке Анкара угрожала применить военную силу, если Киркук займут курды [60, с. 35]. И хотя отряды пешмерга ненадолго вошли в Киркук, вскоре город перешел под контроль американских войск.

С тех пор главным аргументом Анкары в ее позиции по проблеме Киркука стало туркоманское меньшинство в этом городе, финансово и политически

поддерживаемое Турцией. Турки отмечали многоэтнический характер населения Киркука, который должен иметь особый статус и не может быть частью Региона Курдистан. Не без пафоса турецкие дипломаты сравнивали Киркук с Иерусалимом, заявляли, что этот город должен принадлежать всему народу, и что он – «красная линия» турецкой политики, в случае нарушения которой Анкара не останется в стороне [165, с. 133]. По данным иракской переписи 1957 г., туркоманы составляли 21,4 % населения Киркука. В последующие десятилетия одним из последствий принудительной арабизации города явилось сокращение (по данным переписи 1977 г.) туркоманского меньшинства до 16,75 % [165, с. 130]. На выборах в январе 2005 г., на которых курды в Киркуке смогли получить большинство, «Туркоманский фронт» получил около 18% голосов. Тогда турецкие чиновники заявляли о нарушении в ходе голосования, в частности, о приезде в город сотен тысяч курдов из других регионов Иракского Курдистана, что исказило результаты голосования. Курды же указывали, что речь идет об определенном количестве людей, ранее насильно выселенных Саддамом Хусейном из родных домов [165, с. 130].

Уже после 2003 г. Турция продолжила военные операции на территории Иракского Курдистана. Турецкие интервенции сопровождались бесчисленными нарушениями интернационального гуманитарного права и прав человека; в частности, в ходе них было уничтожено до 70 курдских селений. Обстановка на турецко-иракской границе (границе РК) очень обострилась в 2007 г., после ряда турецких ударов по курдской территории. В сентябре 2007 г. парламент Турции дал согласие на вторжение турецкой армии в Ирак (Иракский Курдистан), чего не раз требовали турецкие военные. В октябре Анкара сосредоточила на границе с Ираком военную группировку численностью около 250 тыс. человек. Тогда категорически против возможной интервенции выступили и курдские лидеры в

Ираке и иракское правительство, а также США и Евросоюз. Масштабное вторжение не произошло, и Анкара ограничилась очередной локальной операцией против отрядов РПК. Армейские операции на территории Иракского Курдистана турки продолжили и в последующие годы. В частности, значительные силы турецкой армии пересекали турецко-иракскую границу в феврале 2008 [283]. В октябре 2011 г. позиции РПК в Иракском Курдистане атаковала турецкая авиация.

Однако, несмотря на все свои опасения и возражения, Анкара после 2003 г. в целом должна была согласиться с новым статусом курдской автономии в федеральном Ираке. В изменившейся ситуации в течение нескольких лет турецкая политика в отношении курдов в Ираке претерпела глубокую трансформацию. Речь шла о переходе от стратегии сдерживания и давления на курдскую автономию к стратегии сближения, развития широкомасштабных отношений как в экономической, так и политической сфере.

Важной предпосылкой изменений стали внутривнутриполитические изменения в Турции, где к власти пришли партия «Справедливость и развитие» (ПСР) и ее лидер Р. Т. Эрдоган. Новое руководство Турции озвучило новые масштабные геополитические амбиции страны. Анкара с началом нового тысячелетия задалась целью добиться более высокого уровня международного влияния, сделать Турцию эффективным медиатором конфликтов на Ближнем Востоке, обеспечить ситуацию «ноль проблем» в отношениях с соседями. Идеологические основы новой внешнеполитической стратегии сформулировал в своей книге «Стратегическая глубина» (она увидела свет в 2000 г.) Ахмет Давутоглу, известный ученый, деятель ПСР, в 2009 – 2014 гг. министр иностранных дел Турции, а у 2 турецкого правительства. Отмечая значение для Турции исламской традиции и историко-культурного наследия Османской империи, А. Давутоглу, применяя категории геополитики, определял Турецкую республику как

«центральную» страну в сердце Евразии, с множественной идентичностью, которая должна побуждать ее осуществлять многовекторный политик. По его мнению, Турция слишком долго была сосредоточена на развитии отношений с Западом, в ущерб азиатскому направлению внешних отношений. В то же время она могла бы и стать активным фактором формирования системы стабильности и безопасности на Ближнем Востоке, на территориях, когда-то подвластных Османской империи. В то же время, Турция, с точки зрения А. Давутоглу, имеет потенциал быть не только региональным, но и глобальным международно-политическим актером [66, с. 177 – 178].

Достаточно претенциозные внешнеполитические цели, поставленные перед собой Турцией при Р. Эрдогане, кое-где определяют как «новый османизм». Критики говорят о скрытом за миротворческой риторикой желании добиться гегемонии Турции в ближневосточном регионе, «реинкарнировать» Османскую империю в виде определенной сферы своего исключительного доминирования [76, с. 43 – 44]. Сам А. Давутоглу (хотя он однажды и говорил публично о современных турках как об «османах») и другие турецкие чиновники решительно отвергают такие подозрения. Следует признать, что аспирации у Анкары имели определенные предпосылки и основания. Долгие годы невмешательства в драматические конфликты на Ближнем Востоке, а также отсутствие территориальных претензий соседним странам давали Турции возможность претендовать на роль эффективного посредника [64, с. 185]. Не считая того, к активизации восточного направления наружной политики побудило и отсутствие существенного прогресса в евроинтеграционных усилиях страны. Вместе с этим, в 2000-х годах длительный экономический рост, довольно успешная модернизация превратили Турцию в одну из двух наиболее мощных исламских стран (рядом с Ираном, ВВП которого во многом определяется продажей углеводородов), что

дало Анкаре экономический потенциал для увеличения своего международного. воздействию.

Успех ПСР и Эрдогана на выборах 2002 г. и 2007 г. состоялся в условиях противостояния с военным руководством Турции, которое со времен Ататюрка оказывало определяющее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Турецкой Республики. Именно кемалистская элита Турции десятилетиями соблюдала ассимиляторскую и репрессивную стратегию в отношении курдов. По определению Д. Романо, она «рассматривала все, что хотя бы отдаленно идентифицировалось с исламизмом или курдским национализмом как смертельную угрозу турецкому государству» [151, с. 1]. В своей основе такой подход распространялся и на курдскую автономию в Ираке, направлял усилия Турции на противодействие соревнованиям иракских курдов. В то же время умеренно-исламистская идеология ПСР, пытавшаяся дистанцироваться от кемалистского прошлого, противопоставить идеологии турецкого национализма концепцию всемусульманского братства [19, с. 58], открывала, как казалось, перспективу взаимопонимания с курдами.

Впервые обретя власть в 2002 г., партия Р. Эрдогана начали широкое наступление на своих оппонентов из кемалистского лагеря, часто прибегая к мерам, выходящим за рамки нормального демократического режима. При этом ПСР, по определению Х. Явуза и Н. Оджкана, «использовала курдский вопрос как оружие против системы секулярного национального государства в Турции и определяла секуляризм как причину разногласий между турками и курдами» [164, с. 4].

Экономический рост и огромный успех на парламентских выборах 2007 г. обусловили дальнейшее укрепление позиций Эрдогана, и среди прочего –

предоставили ему возможность изменить стратегию Анкары в курдском вопросе как в самой Турции, так и за ее пределами. В конце концов, многолетняя политика силового давления на курдов в Турции не принесла властям желаемого результата, и лидеры ПСР осознавали необходимость назревших изменений. Среди факторов, подвигнувших Р. Эрдогана начать усилия по улучшению взаимоотношений с курдским сообществом в стране, имело значение и участие курдов в работе турецкого парламента, как в рядах депутатов от ПСР, так и группы парламентариев от курдской партии «Демократии и общества» [107, с. 9].

В 2009 г. Анкара озвучила свою «курдскую инициативу», провозгласила новые шаги по расширению прав курдов. В частности, в университетах открывались отделения курдского языка, начал работу курдский телеканал. В условиях экономического роста немалые государственные расходы способствовали заметному улучшению инфраструктуры и условий жизни в курдских районах [164, с. 4].

Однако, значительная часть курдов в это время восприняла власти как недостаточные [99, с. 6]. Заявляя об открытости в отношении курдов, правительство Эрдогана, которое подвергалось острой критике со стороны турецких националистических сил, в частности, Партии националистического действия, вновь прибегло к репрессивным мерам, которые приобрели массовый характер. Число арестованных достигло нескольких тысяч. В тюрьмы попадали прежде всего обвиняемые в принадлежности к Союзу сообществ Курдистана, созданного в 2005 г. в горах на территории Ирака, считавшегося гражданской структурой РПК. Репрессии усилили действия боевиков РПК, в столкновении с которыми в июле 2011 г. погибли 13 турецких солдат [19, с. 55].

Несмотря на это, турецкие власти пытались продолжить при посредничестве представителей легальной курдской Партии мира и демократии контакты с Оджаланом, который с 1999 г. находится в заключении, чтобы авторитетный лидер повлиял на РПК и побудил ее полностью прекратить вооруженную борьбу. А. Оджалан заявлял о необходимости перемирия в марте 2013 г., в очередной раз в марте 2015 г., ограничиваясь при этом курдским сепаратизмом и называя Турцию государством, созданным как турками, так и курдами [19, с. 57]. Разумеется, что при оценке его позиции следует учесть многолетнее пребывание в заключении; однако важно, что возникли каналы контакта между Анкарой и РПК, несмотря на то, что официально Турция продолжает эту партию террористической организацией. Правда, достичь хотя бы более или менее устойчивого прекращения насилия во взаимоотношениях с курдами в Турции, в конечном счете, не удалось. Позиция РПК в целом осталась радикальной, и приступы продолжились. В частности, по некоторым данным, в ходе обострения противостояния летом – осенью 2015 г. от рук курдских партизан погибли 145 турецких полицейских и чиновников, а Р. Эрдоган заявил о сворачивании «курдской инициативы» [164, с. 11]. Но несмотря на это, положение курдов в Турции при правительстве ПСР претерпело изменения, а «легальные» курдские политики превратились в существенный фактор политической жизни в стране.

Хотя и, будучи достаточно противоречивыми, изменения в положении курдов в Турции и в курдской политике Анкары стали одной из предпосылок сближения между Иракским Курдистаном и Турецкой Республикой. Следует заметить, что на фоне естественных национальных симпатий курдов в Ираке к курдскому населению Турции отношение руководства Иракского Курдистана к РПК всегда было по крайней мере очень сдержанным, а порой и враждебным.

Причинами являются, в частности, левацкая идеология этой партии, культ личности лидера – Абдулы Оджалана, в определенной степени и момент скрытого соперничества между ним и М. Барзани за неформальный статус первого лица всего курдского национального движения [151, с. 5]. Партизанская война, которую РПК вела с турецкими властями, и ее социалистическая идеология не очень согласуется с целями и нынешними методами курдского движения в Ираке.

В 1990-х гг., как уже отмечалось выше, немалые силы «пешмерга» курдской автономии участвовали в военных операциях Турции против курдских повстанцев из рядов РПК, создавших базы в Кандильских горах на севере Ирака. В то же время, в Эрбиле после 2003 г. никогда не желали предпринимать слишком решительные действия против РПК, что в глазах курдского общества бесспорно имело бы характер братоубийственной войны, и негативно реагировали на соответствующие требования Анкары. В частности, в начале 2007 г., во время значительного обострения ситуации на приграничных территориях, Барзани заявлял, что «пешмерга» не будут участвовать в действиях против РПК, и критиковал Турцию за ее действия в Иракском Курдистане; в июне 2007 г. турецкая прокуратура начала расследование против президента РК по подозрению в поддержке РПК [165, с. 134]. Пребывание боевиков РПК на территории Иракского Курдистана и контакты с ними представителей власти региона дают курдам в Ираке рычаги влияния на курдов в Турции, а значит, и на своих турецких партнеров (хотя их потенциал не стоит преувеличивать). Кроме изменений в курдской политике Анкары, важной составляющей сближения Турции и Региона Курдистан стал его потенциал как фактор влияния на ситуацию в Ираке в целом. В общем контексте своей амбициозной ближневосточной стратегии, а в конечном счете и учитывая более прагматические соображения, Турция была заинтересована в всеобщей стабилизации положения в этой стране.

Беспорядок в Ираке мог создать неконтролируемую обстановку на турецкой границе, дестабилизировать ситуацию в курдских районах Турции. Проблемы на ее границе, безусловно, негативно повлияли бы на турецкие стремления стать членом ЕС [107, с. 4]. В Анкаре опасались, что отсутствие способных властей в Багдаде могло бы побудить курдов захватить Киркук и окружающие месторождения нефти, а это, в свою очередь, могло бы подтолкнуть и к провозглашению независимости Иракского Курдистана – категорически неприемлемого для Турции сценария событий. Следовательно, хорошие отношения с иракскими курдами давали Анкаре возможность сделать их фактором влияния на Ирак, нормализации ситуации в этой стране.

На фоне растущей коммуникации с Иракским Курдистаном из турецкого официального лексикона постепенно исчезли разнообразные «красные линии»; в то же время Анкара ослабила свою риторику прав иракских туркоманов. Повлияло на это и то обстоятельство, что по меньшей мере половина последних являются шиитами (в отличие от суннитов – турок), что является заметным фактором солидарности с единоверцами в Ираке. Менее напряженными стали отношения Эрбиля с протурецким Иракским туркоманским фронтом, ранее выступавшим с резкими заявлениями по поводу действий курдской региональной администрации, а в столице РК открылся его офис [62]. В конце концов, несмотря на прежние угрозы, в Анкаре не могли не считать, что Киркук, где проживает большая часть туркоманского меньшинства, находится на немалом расстоянии от турецкой границы [107, с. 6].

Одним из проявлений переориентации турецкой политики по отношению к Иракскому Курдистану от стратегии противодействия к стратегии союза можно считать доклад Турецкой ассоциации промышленников и предпринимателей (апрель 2009 г.), в котором, вместе с привычным тезисом о необходимости

обеспечения особого статуса Киркука и недопущения его включения в состав курдской автономии, содержалась и рекомендация развивать отношения с РК, в частности, открыть в Эрбили турецкое консульство [70, с. 221].

Отражением изменений стал визит в Эрбиль турецкого министра иностранных дел А. Давутоглу осенью 2009 г. в ходе его поездки в Ирак. По итогам переговоров Анкара и РК заявили о намерении разработать общую стратегию в сфере энергетики, транспорта и торговли [79, с. 43]. Уже после 2003 г. турецкий экспорт в Ирак начал постоянно расти, одновременно до 2012 г. импорт оттуда оставался незначительным. В 2012 г. Турция экспортировала в Ирак товаров на 10,8 млрд. дол., а импортировала всего на 149 млн. дол. При этом около 70% турецкого экспорта в Ирак уходило фактически именно в Иракский Курдистан. В регион стал приходить турецкий бизнес. 2013 г. турецкие компании составили около половины всех иностранных компаний, ведущих деятельность в Иракском Курдистане. В регионе Курдистан реализовывалось около 80% всех турецких строительных подрядов в Ираке. Десятки тысяч граждан Турции работали на стройках в РК, а турецкие инвестиции составили около 700 млн. дол. [79, с. 47].

В развитии отношений Анкары с Эрбилем немалый собственный вес имел энергетический фактор. Быстрый рост экономики Турции обусловил и быстрое увеличение потребности в энергоресурсах, прежде всего в природном газе, недостаток которого мог существенно затормозить очень важный для политических перспектив Эрдогана экономический рост страны [151, с. 2]. В такой ситуации мощные нефтегазовые ресурсы соседнего Иракского Курдистана не могли не привлечь внимания вождей Турции. Хотя турецкое руководство не имело принципиальных возражений по энергетическим соглашениям с центральным иракским правительством, спор Багдада с РК, который скоро зашел

в тупик, не давал возможности надеяться на сколько-нибудь скорую договоренность между сторонами, а это не устраивало Анкару. Поэтому Турция избрала путь нефтегазовых договоренностей с Эрбилем, в чем, со своей стороны, были чрезвычайно заинтересованы и сами курды. Анкара при этом проигнорировала возражения Багдада, а турецкие чиновники заявляли, что иракская конституция не содержит правовых препятствий для соглашений непосредственно с курдской автономией без участия иракской столицы. Как отметил в этой связи Д. Романо, «такой уровень углеводородных ресурсов (имея в виду Иракский Курдистан. – А.К.А.), расположенных рядом с жаждущей энергии страной, так или иначе справится с любыми политическими барьерами.» [151, с. 3].

После соглашения между Эрбилем и Анкарой, заключенном в мае 2012 г., начался экспорт нефти из РК в Турцию с использованием автоцистерн. Также с помощью Турции была построена ветвь нефтепровода с РК на территорию Турции, что радикально увеличило возможности экспорта нефти из курдского региона без контроля со стороны федеральных властей Ирака.

Эти действия Анкары вызвали немалое недовольство в Багдаде. Иракское правительство даже обвиняло Турцию в контрабанде нефти. В ноябре 2012 г. Багдад отстранил «Турецкую нефтяную компанию» от участия в одном из заключенных ранее контрактов (хотя на других месторождениях работы продолжились) [79, с. 51].

Многолетнее развитие экономических отношений РК с Турцией сделало Анкару крупнейшим экономическим партнером региона, а нефтепровод на турецкую территорию стал главным маршрутом экспорта нефти из курдской автономии. Можно говорить о формировании критически важной для РК

экономической зависимости от Турции, которая стала мощным фактором влияния Анкары на Эрбиль. Проявлением нового качества взаимоотношений РК с Турцией стало открытие в 2010 г. в Эрбили турецкого консульства – шаг, который еще за несколько лет до того воспринимался бы в Турции как предательство национальных интересов [107, с. 7].

С другой стороны, для самой Турции отношения с курдской автономией стали важным инструментом воздействия на Багдад. После краха режима С. Хусейна неучастие Турции в интервенции давало ей немалую свободу в развитии отношений практически со всеми этноконфессиональными сообществами и политическими группировками в Ираке. В 2008 г. Багдад посетил Р. Эрдоган, а в 2009 г. впервые за 33 года в иракской столице побывал президент Турции А. Гюль. Тогда же Анкару посетили высшие должностные лица Ирака – премьер-министр Н. аль-Малики и президент Д. Талабани. Созданный в это время двумя странами Совет стратегического сотрудничества высокого уровня предусматривал, в частности, проведение совместных заседаний глав ряда министерств Турции и Ирака [77, с. 1]. Стремясь усилить влияние на иракские дела, Анкара заявляла о «стратегическом партнерстве» с Ираком.

Однако вскоре в турецко-иракских отношениях возникли серьезные разногласия. После начала гражданской войны в Сирии Анкара сделала ставку на устранение Б. Асада, а Багдад прежде всего стремился воспрепятствовать приходу к власти в Дамаске суннитского большинства. Конфликт между аль-Малики и суннитами в Ираке обернулся острыми спорами Багдада с Анкарой, взаимными обвинениями и угрозами, в частности, иракский премьер в июле 2012 г. угрожал сбивать турецкие самолеты, атаковавшие базы РПК в Северном И. 41]. В такой ситуации Анкара тем более становилась заинтересованной в крепких контактах с Иракским Курдистаном. Значение региона для турецких интересов увеличивало и

его потенциал как фактор сдерживания растущего влияния Ирана, который поддерживал шиитские группировки в Ираке.

Сотрудничая с курдами и игнорируя возражения Багдада, Турция (кроме упоминавшихся выше рейдов против бойцов РПК) на постоянной основе разместила некоторые военные силы недалеко от границы на иракской территории в провинции Дохук, оказывала помощь в подготовке «пешмерга». Вместе со многими другими странами Турция также сотрудничала с курдской автономией в ходе войны с «ИГИЛ».

В общем, значит, можно говорить о формировании, в годы правления в Турции ПСР, стратегического партнерства между Эрбилем и Анкарой, в котором стороны связывал комплекс экономических интересов и взаимную политическую заинтересованность. Одним из его «парадных» проявлений стал в ноябре 2013 г. визит М. Барзани и Р. Эрдогана в Диярбакыр, самый большой город турецкого Курдистана, где их приветствовала огромная толпа курдов [107, с. 2]. Тогда глава турецкого правительства чуть ли не впервые, обращаясь к М. Барзани, публично произнес слово «Курдистан», сказав «в вашем лице я поздравляю наших братьев из Региона Курдистан». Присутствовавший на встрече турецкий министр сельского хозяйства и продовольствия Мехмет Мехди Экер прочитал свою речь на двух языках, турецком и курдском, а президент Иракского Курдистана произнес турецкий лозунг «Да здравствует курдско-турецкая дружба! Да здравствует мир! Да здравствует свобода!»

Тем не менее, все изменения в политике Турецкой Республики относительно курдов в Ираке не отменили старого «табу» Анкары в курдском вопросе – создание в любой части этнического Курдистана независимого государства. Сама стратегия сближения, «обнимания» Иракского Курдистана

одной из своих основных задач имела недопущение движения этого региона к независимости. В то же время, нерешенность многих вопросов взаимоотношений курдской автономии с центральными властями Ирака несколько раз побудила Эрбиля заявлять о проведении в регионе референдума о независимости, потенциальные итоги которого практически никогда не вызывали сомнения. В частности, М. Барзани озвучивал идею проведения плебисцита в 2014 г., в момент, когда Ирак переживал острый кризис, вызванный продвижением ИГИЛ, а пешмерга заняли Киркук. Борьба с «халифатом», в которой иракские курды выступали союзниками турок, заставила их отложить его проведение, однако в июне 2017 г. лидеры основных курдских партий заявили о назначении голосования на 25 сентября этого же года.

Реакция Турции на это решение оказалась категорически отрицательной и очень острой. Турецкие чиновники заявляли о его незаконности и недопустимости, пытаясь заставить курдов отказаться от голосования. Частью мер по влиянию на Эрбиль стало в августе 2017 г. требование турецких властей к представителю ПСК в Анкаре Бахруза Галали закрыть офис партии и покинуть территорию Турции [270]. Во время проведения референдума президент Турции заявлял, что независимость Иракского Курдистана неприемлема для его страны, и что для нее это «вопрос выживания». Прибегая к нескрываемым агрессивным угрозам, Р. Эрдоган обратил внимание на турецкие военные учения на северной границе Ирака, и сказал, что «мы (турецкая армия. – А.К.А.) можем внезапно прийти ночью». Лидер Турции упомянул также о стратегически важном для курдов нефтепроводе из Иракского Курдистана на турецкую территорию, который Анкара легко может перекрыть [183]. После референдума президент Турции в очередной раз заявил о его незаконности, утверждал, что если Турция остановит экспорт курдской нефти, Иракскому Курдистану будет грозить голод.

Он подчеркивал многоэтнический характер населения Северного Ирака, из-за чего, односторонние, действия курдов приведут лишь к проблемам[184]. Турецкий лидер также называл решение о референдуме «изменой» (имея в виду М. Барзани), поскольку оно принято без консультаций с турецкой стороной, и заявлял, что действия курдов будут угрожать «этнической войной» [257]. Кроме этого, Р. Эрдоган обвинял в организации референдума Израиль[214].

Незаконным и не имеющим силы называл референдум и глава турецкого правительства Бинали Йылдырым[178]. Категорически негативно о референдуме высказывались и некоторые другие турецкие политики. Например, Девлет Банчели, представитель союзной Р. Эрдогана Партии националистического движения, заявлял, что референдум может привести к войне, а также, что Турция может рассматривать его проведение как «казус белли»[270]. Эта партия, ранее оппозиционная ПСР, известна своим шовинистическим отношением к курдам в Турции, в частности, требованиями закрыть государственный курдский телеканал TRT Kurdi, отделение курдского языка в вузах и т.д. [223].

В то же время при условии, что Иракский Курдистан не будет пытаться перейти «красную линию» независимости, Анкара демонстрирует готовность к продолжению широкомасштабного сотрудничества, предлагает себя в посредники в урегулировании разногласий Эрбиля с Багдадом. Об этом говорилось, в частности, в начале января 2018 на встрече премьер-министра РК Н. Барзани с новым генеральным консулом Турецкой Республики в Эрбили Хаканом Каракаем [229].

В целом сегодня сохраняют актуальность как те факторы, которые обусловили сближение Анкары и Эрбиля, так и противоречия между ними. Рассматривая свои отношения с курдами как фактор влияния на Ирак в целом,

Турция заинтересована в балансе отношений с Багдадом и курдской автономией, и выступает против возможной дезинтеграции Ирака. Для Эрбиля Турция стала главным транзитером углеводородов, важнейшим инвестором, а партнерство с ней – сильным аргументом в многочисленных спорах с Багдадом. Стремление иракских курдов к созданию собственного государства выступает сегодня главным вызовом дальнейшему развитию их сотрудничества с Анкарой.

Наряду с Турцией непосредственным соседом Региона Курдистан является Исламская Республика Иран (ИРИ). Это государство имеет один из крупнейших на Ближнем Востоке экономический потенциал, сильную армию, обладает большими запасами углеводородов, некоторое время осуществляло масштабную ядерную программу (которую сейчас может вновь восстановить). Исламистское руководство шиита Ирана является активным участником многих политических процессов и конфликтов в регионе. Кроме того, в Иране проживает, в приграничных с Ираком/Иракским Курдистаном районах большое курдское меньшинство. Поэтому отношения с Ираном формируют одно из основных стратегически важных направлений внешних отношений курдской автономии. В то же время, отношения с курдами в Ираке являются важной составляющей региональной политики Тегерана.

Общие рамки этой политики определяет стратегия Ирана по отношению к Ираку в целом. Если при режиме С. Хусейна Багдад был грозным врагом ИРИ, то после 2003 г. военный разгром Ирака, хотя бы и силами главного геополитического противника – США – дал Ирану неожиданную возможность оказать серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику еще недавно очень опасного соседа, которую Тегер , безусловно, не мог проигнорировать.

Можно назвать несколько основных факторов, формирующих политику Ирана по Ираку. Ее важной детерминантой является общественная память об относительно недавних, по историческим меркам, трагических событиях, когда после исламской революции 1979 г. конфликт с режимом С. Хусейна привел ИРИ к восьмилетней кровопролитной войне с Ираком, в которой страна понесла огромные человеческие и материальные потери. Война оставила глубокий след в иранском обществе, в сознании политической элиты Ирана, страх, чтобы восстановленный и перевооруженный Ирак вновь не стал потенциальной угрозой для Тегерана [108, с. 50; 110, с. 133].

На этом фоне стратегической задачей действий Тегерана в Ираке является наибольшее ограничение влияния в данной стране (как и в регионе в целом) США. Иранская верхушка считает Соединенные Штаты своим стратегическим противником, а их присутствие на Ближнем Востоке, тем более военное и тем более непосредственно рядом с иранскими границами, фактором, создающим большую потенциальную опасность для Тегерана.

В то же время возможный распад Ирака является неприемлемым для Ирана сценарием развития событий. В интересах Тегерана – дружественное (зависимое) правительство в Багдаде, достаточно сильное, чтобы обеспечить территориальную целостность и достаточный уровень безопасности в стране, однако не может осуществлять агрессивную националистическую политику [110, с. 138; 150, с. 9].

Исследователи иранской политики подчеркивают, что, хотя исламистская идеология остается важным составляющим элементом иранской внешнеполитической стратегии, сейчас последняя гораздо более прагматична, чем в первое десятилетие после исламской революции, а идеология оказывается

подчиненной интересам национальной безопасности – так, как их понимают в Тегеране. , с 133; 108, с. 55]. Заметную роль в иранских международных расчетах играет, безусловно, и вопрос мирового рынка углеводородов, имеющий первостепенное значение для экономики Ирана, и на котором Ирак является одним из крупнейших «игроков».

Для достижения названных целей Иран стремится влиять на Ирак посредством широкого спектра методов и политических инструментов. Прежде всего, усилия Тегерана в Ираке направлены на иракских шиитов, составляющих большинство, около 60% всего населения этой страны. Исторически между шиитами в Иране и в Ираке сложились разнообразные и глубокие культурные и религиозные связи. Сам Иран является единственной на Ближнем Востоке страной, где доминируют шииты. В рамках официальной исламистской идеологии ИРИ именно это направление в исламе, которое в целом исповедует примерно 10 – 15 процентов мусульман мира, считается «истинным». С самого начала образования Ирака власти в Багдаде были в руках суннитского меньшинства, которое пыталось максимально ограничить политическое влияние шиитов. Ситуация не изменила ни свержения монархии, ни установления диктатуры Баас. Несмотря на то, что идеология этой партии была в целом секулярной и представляла собой сочетание социалистических идей с арабским национализмом, фактически при баасистском режиме власть в Багдаде принадлежала выходцам из суннитской среды. Шииты при С. Хусейне подвергались жестоким репрессиям, которые, среди прочего, способствовали углублению их связей с Ираном, предоставлявшим единоверцам из Ирака убежище и помощь [150, с. 3].

Крах Баас и формирование в Ираке основных демократических институтов создали для шиитов возможности качественно большего, чем во все предыдущие

периоды истории независимого Ирака, влияния на власть, фактически – для создания в Багдаде правительств шиитского большинства, несмотря на то, что с точки зрения политической организации, идеологии и интересов иракские шииты не были и не являются единственными. В 2006 – 2007 гг. конфликты между разными шиитскими группами стали одним из факторов вспышки насилия в Ираке. В Тегеране были убеждены, что именно правительство шиита в Багдаде может стать для Ирана гарантией, что Ирак не будет угрожать его интересам. Р. Робертс в этой связи цитирует одного из иранских чиновников, который говорил, что «равно как они (западные политики. – К.А.А.) говорят, что демократии не воюют с демократиями, мы верим, что шииты не воюют с шиитами» [150, с. 8]. Среди прочего, в пользу такой точки зрения были и свойственны большинству шиитского сообщества в Ираке выразительные антиамериканские настроения, обусловленные, в частности, поддержкой, которую США оказывали режиму С. Хусейна в годы его противостояния с ИРИ, а также действия администрации Дж. Буша в 1991 г. , когда президент США, призвавший граждан Ирака к восстанию, позже позволил иракскому диктатору жестоко подавить все выступления [150, с. 9].

Продвигая свои интересы в Ираке, Тегеран установил связи практически со всеми шиитскими группировками, часть из которых стала по сути орудием иранского влияния. В первую очередь речь идет об исламистских организациях, подвергавшихся преследованиям при баасистском режиме, и уже тогда получали помощь от Ирана.

Первой следует назвать «Высший исламский совет Ирака» (ВИРИ) (название с 2007 г.), исламистскую организацию, основанную в Иране в 1982 г. иракскими эмигрантами. Наблюдатели считают ее наиболее проиранской группой в Ираке, получающей от Тегерана (по данным американского посольства в

Багдаде, ставших известными из-за ресурса «Викиликс») около 70 млн. долларов в год [110, с. 141].

Подконтрольна Ирану также т.н. «Организация Бадр» (ранее «Корпус Бадр»), возникшая как военное крыло ВЕРИ, бойцы которой во время ирано-иракской войны воевали на стороне Ирана. После 2003 г. «Бадр» больше сосредоточилась на задачах гражданского характера. В то же время многие ее члены заняли должности в армии, спецслужбах, что стало важным фактором иранского влияния на силовые структуры и государственный аппарат Ирака [110, с. 141]. В частности, в 2011-2014 гг. руководитель «Бадр» Хади-аль-Амири был министром транспорта в правительстве Нури аль-Малики [129, с. 15].

Тегеран оказывает большое влияние на исламистскую шиитскую партию «Дава», лидером которой является Н. Аль-Малики, и которая также подвергалась преследованиям со стороны баасистов. Тегеран пытался поддерживать связи с исламистским шиитским движением Мукдаты ас-Садра («Садристами»). «Садристы» были скорее националистическим иракским политическим течением, и публично подвергали Иран критике за вмешательство в дела Ирака, однако получали некоторые финансовые «вливания» от Тегерана. Хотя цели этого движения серьезно расходились с задачами Ирана, последний был заинтересован в нем как в инструменте силового давления на США и союзников, против которых выступали (прибегая по сути к террористическим действиям) сторонники ас-Садра. [129, с. 15].

При участии Ирана, после 2003 г. в Ираке возникли и другие исламистские группы, например, милитаризованная Асайиб ал-аль-Хак (Лига правоверных). К светским, секуляристским шиитским организациям руководство Ирана относится,

учитывая основополагающие идеологические разногласия, критично, однако имеет контакты и с ними [108, с. 51].

Исследователи подчеркивают, что на практике иранскую политику в Ираке реализует сейчас не столько МИД, сколько разведка и агенты «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР), и, прежде всего, его специального элитного подразделения, известного как «Силы Кудс», подчиненного непосредственно «верховному лидеру» страны. Именно командующий «Кудсом» генерал Касем Сулеймани уже много лет является главной фигурой Ирана в Ираке, высшим координатором шиитской милиции, закулисным «брокером» шиитского участия в политических комбинациях в стране [110, с. 136].

На парламентских выборах в Ираке в мае 2018 г. на волне критики власти за коррупцию наибольшее количество голосов набрал возглавляемый ас-Садром оппозиционный блок «Ас-Саирун» («Альянс революционеров за реформы»), и это сегодня делает его лидером одной из ведущих политических фигур Ирака. В октябре 2018 г. новое коалиционное правительство Ирака возглавил Адель Абдул Махди, недавно активный диасс «ВИРИ», что показало силу связанного с Ираном шиитского блока.

Очевидно, курдское меньшинство в Ираке, курдские партии и правительство Региона Курдистан не могли не войти в число контрагентов Тегерана в Ираке. В рамках вышеописанных главных задач иранской политики в Ираке специфику действий Тегерана в отношении Иракского Курдистана определил прежде всего такой фактор, как существование значительного курдского меньшинства в самом Иране. На территории ИРИ в нескольких пограничных с Иракским Курдистаном северо-западных провинциях (Курдистан,

Керманшах, Илан, Хамадан и Западный Азербайджан) а также в Тегеране проживает, по разным оценкам, от 5 до 7,5 млн. курдов.

Названные провинции образуют восточную часть основного массива этнических курдских земель – Восточный Курдистан. Курды долгое время испытывали в Иране политические, культурные и языковые притеснения, а сам их регион был и во многом до сих пор остается одним из самых отсталых регионов Ирана. Исламская революция 1979 г. не изменила к лучшему их положение. В рамках исламистской доктрины аятоллы Хомейни национальные стремления курдов отвергались; выступления курдов, вызванные свержением в Иране монархии были подавлены. В 1980-х – 1990-х гг. иранские агенты убили за границей нескольких лидеров курдской оппозиции, в том числе А. Хасемлу и С. Шарафканди [129, с. 10].

Сегодня в Иранском Курдистане действует несколько подпольных политических групп, борющихся за предоставление ему широкой автономии – Демократическая партия Иранского Курдистана (ГПИК), Объединенная партия Иранского Курдистана, Партия свободной жизни Курдистана (Пейжак или Пежак). Базой ГПИК сейчас является территория Региона Курдистан. Связанные с ней партизанские группы совершают нападения на правительственные силы в Иране [10, с. 69]. Вооруженную борьбу с иранскими властями ведет также «Пейжак», считающийся филиалом турецкой Рабочей партии Курдистана.

Хотя в целом для Ирана курдский вопрос несколько менее чувствительный, чем для Турции, курдское движение, тем не менее, является серьезной проблемой для властей ИРИ. Режим в Тегеране стремится не признавать существование в стране национальных меньшинств, признавая лишь религиозные сообщества (за доминирование шиитов), пытается игнорировать национальные стремления

курдов, исключает возможность предоставления Восточному Курдистану автономии. Правда, реформаторские круги в высшем руководстве ИРИ пытались, несмотря на сопротивление националистически настроенных консерваторов, делать шаги по признанию и расширению прав меньшинств. В ходе своей избирательной кампании широко апеллировал к меньшинствам, в т. ч. курдов, действующий президент Ирана Хасан Роухани, в частности, обещая привлекать их в органы власти, обеспечить преподавание на родном языке в школах и т.д. [69, с. 65]. Однако, несмотря на некоторые положительные сдвиги, радикальных изменений в политике Тегерана по поводу курдского меньшинства в последние годы не произошло. Иранские власти, прежде всего КСИР, широко используют репрессии против курдов, подвергают арестованным пыткам, применяют смертную казнь по политическим, по сути, приговорам. Отношение иранского руководства к политическим стремлениям Иракского Курдистана приводит прежде всего опасения, чтобы его достижения не стали стимулом для национальных aspirations курдов в Иране. С точки зрения Тегерана, худшим вариантом было бы превращение Иракского Курдистана в независимое государство, однако Иран также всегда выступал против расширения уровня автономии Региона Курдистан. По мнению иранского исследователя К.Барзегара, в Тегеране считают опасной и вероятную перспективу союза гипотетического независимого Иракского Курдистана с США и Израилем [108, с. 52].

В рамках общей стратегии максимального распространения иранского влияния в Ираке во всех сферах общественной, политической и экономической жизни Тегеран стремится строить взаимоотношения с курдами таким образом, чтобы Иракский Курдистан, во-первых, стал одним из элементов иранского влияния на правительство в Багдаде и в регионе в целом, и во-вторых, не предпринимал попыток отделения от Ирака.

Иран установил контакты со многими курдскими партиями, в том числе с двумя влиятельными, но отношения с ПСК имеют давнюю историю и особенно тесны. Еще в 1980-х гг. ее милитаризованные структуры получали от Ирана оружие для борьбы с С. Хусейном, а во время курдской междоусобной войны в 1990-х Тегеран поддерживал Сулейманию. После 2003 г. некоторые лидеры ПСК откровенно высказывались за развитие взаимоотношений Иракского Курдистана, прежде всего, с Ираном, а не Турцией [142, с. 117]. Иран сотрудничал с «пешмергом» ПСК в ходе войны с ИГИЛ, в частности, предоставляя им оружие, которым не очень хотел «делиться» Эрбиль. В то же время силы ПСК помогали иранцам в репрессивных действиях против Демократической партии Иранского Курдистана [142, с. 117].

В 2008 г. сообщалось, что Дж. Талабани просил Касема Солеймани остановить столкновения между «садристами» и правительственными силами. В 2013 г., когда Дж. Талабани по состоянию здоровья отошел от дел, Тегеран оказал серьезное влияние на решение о выборе его преемника в должности лидера ПСК. Во время визита в Иракский Курдистан, в декабре 2014 г., спикера иранского парламента А. Лариджани, последний первым посетил Сулейманию, а не столицу региона – Эрбиль [142, с. 117].

В то же время, Тегеран наладил контакты с ДПК и семьей Барзани; в частности, в январе 2014 г. иранские представители в качестве посредников прилагали усилия для вывода из тупика процесса формирования нового правительства Региона Курдистан [142, с. 116].

Стремясь влиять на Багдад, Иран направил немалые усилия на развитие широкомасштабных экономических отношений с Ираком. В 2008 – 2009 гг. в ходе нескольких встреч на высшем уровне иранских и иракских чиновников (визитов в

Иран президента Ирака Дж. Талабани, премьер-министра Н. аль-Малики, поездки в Багдад президента Ирана М. Ахмадинежада 2 марта .) страны подписали несколько меморандумов, касающихся сотрудничества в энергетической и транспортной сферах, отрасли сельского хозяйства, создания свободных экономических зон и т.д. Тогда же Иран получил от Ирака льготный кредит на сумму около 1 млрд долларов. [30; 58]. В начале января 2011 г. Тегеран посетил тогдашний глава правительства Региона Курдистан Б. Салих, встретившийся с президентом Ирана Ахмадинежадом, спикером иранского парламента А. Лариджани, другими чиновниками. В числе других тем обсуждались пути укрепления торгово-экономических отношений Ирана с Иракским Курдистаном [83, с. 3; 174].

В рамках экономического продвижения Ирана в Ираке первое место заняли торгово-экономические отношения с Иракским Курдистаном. Их главным центром стала Сулеймания. Важную роль в развитии экономических взаимоотношений традиционно играют предприниматели Иранского Курдистана, являющиеся основным посредником в проникновении иранского бизнеса в Ирак, в частности, этому способствовали «Торговая организация провинции Курдистан», Торгово-промышленная палата Сененджа и т.д. [61, с. 2].

В 2004 г. в Иракском Курдистане впервые приступили к работе иранские банки (Коммерческий и Экспортный). В 2000-х гг. товарооборот между Ираном и Регионом Курдистан постоянно рос. К примеру, если в 2007 г. его оценивали примерно в 1 млрд. дол., то в 2011 г. он составлял, по данным иранского консульства в Эрбили, около 5 млрд. дол. а в 2015 г. оценивался примерно в 6 млрд дол. [142, с. 119]. Заметим, что в 2010 г. общий товарооборот между Ираном и Ираком составил около 8 млрд. долл., хотя, возможно, эти цифры занижены, поскольку, в частности, не учитывали достаточно значительного объема

контрабандной торговли между странами [83, с. 6]. Таким образом, на Иракский Курдистан приходилось гораздо больше половины целой торговли Иран с Ираком.

Эрбиль и Тегеран активно развивают отношения в энергетической, прежде всего, нефтегазовой отрасли. В апреле 2014 г. правительство РК заключило с иранцами соглашение о строительстве нефтепровода и газопровода с территории Иракского Курдистана в Иран, а в феврале 2015 г. иранские и курдские чиновники обсуждали возможность строительства трансграничной железной дороги между Сулейманией и Керманшахом [142, с. 119]. С РК в Иран осуществляется (с помощью автоцистерн) достаточно значительный экспорт сырой нефти. Заметим, что соглашения между Иракским Курдистаном и Ираном по углеводородам вызывают, как и в случае самостоятельных соглашений курдов с другими иностранными партнерами, решительные возражения со стороны Багдада (о спорах Эрбиля с центральным правительством по развитию нефтегазовой сферы более подробно говорилось в предыдущем разделе работы).

В торговле с Ираном РК выступает преимущественно импортером иранских товаров, ассортимент которых очень широк. В то же время экспорт оттуда в Иран сравнительно незначителен. В экономических связях Ирана и РК весомое место заняла пограничная торговля, которая фактически носит межкурдский характер. С другой стороны, они очень важны прежде всего для экономики курдского региона Ирана. Российский исследователь Н. Мосаки считает, что таким образом происходит процесс экономической интеграции, формирования на востоке этнического Курдистана (имея в виду Регион Курдистан в Ираке и Иранский Курдистан) единого экономического пространства. Его существенным аспектом являются транзитные возможности РК, соединяющие курдские районы Ирана и Турецкий Курдистан [61, с. 3, 7].

Кроме масштабных торговых связей, сегодня курдская автономия в Ираке оказывает немалое влияние на курдский регион Ирана из-за распространения там курдской прессы, книг, телевизионные программы на курдском языке и т.д. В общем, несмотря на репрессивные меры, контроль центральной власти Ирана в Восточном Курдистане сравнительно слабым, и население региона все больше ориентируется на соседний Регион Курдистан, чем на далекий Тегеран [10, с. 77].

Относительно политического влияния курдской автономии на Иран здесь следует констатировать, что территория Иракского Курдистана выполняет роль сравнительно безопасного «тыла» для некоторых курдских политических групп из Ирана. К примеру, в июле 2012 г. в Эрбили состоялся съезд представителей 39 курдских партий [10, с.72].

Несмотря на немалые бонусы от быстрого развития экономических взаимоотношений и широкие контакты курдских политиков с Ираном, такие факторы, как идеологические различия между в целом светской курдской автономией и фундаменталистским режимом Исламской Республики Иран, тесное сотрудничество Иракского Курдистана с американцами, дружеские отношения регион шиитов, среди курдов-мусульман меньшинством, определили немалый потенциал для разногласий и даже конфликтов между Эрбилем и Тегераном.

В Иракском Курдистане, в частности, вызвали протесты некоторые шовинистические заявления иранцев в отношении курдов. Например, в мае 2014 г. департамент иностранных дел правительства РК вызвал иранского генерального консула в Эрбили из-за размещенной на сайте консульства статьи, где Иран называли «настоящей большой родиной курдов», а курдский язык – диалектом персидского. В декабре 2015 г. многие курды протестовали против

пренебрежительных замечаний иранского новостного агентства в адрес президента РК М. Барзани [142, с. 119].

Конфликты вызвали и действия подконтрольных Ирану шиитских парамилитарных групп. Несмотря на враждебность «Исламского государства» к ИРИ, его продвижение в Ираке стало для Тегерана возможностью и стимулом консолидировать, прежде всего, «силовую» составляющую своего влияния в этой стране. Во время коллапса иракских «официальных» вооруженных сил летом 2014 г. для отпора «халифата» несколько десятков групп преимущественно шиитских ополченцев (хотя и отдельных суннитских, езидских и христианских) были объединены в «Силы народной мобилизации» (СНМ), или "Аль-Хашд аш-Шааби", фактически подконтрольные Касему Сулеймани и поддержанные Ираном. Иракское правительство легализовало их, временно включив в состав вооруженных сил. Шиитское ополчение сыграло решающую роль в спасении Багдада от «ИГИЛ», вместе с тем его боевики совершили многочисленные убийства пленных и подозреваемых в сотрудничестве с «халифатом» безоружных суннитов [118, с. 2].

Усиление поддерживаемого Ираном шиитского ополчения, некоторые отряды которого совершали фактически акты бандитизма, вызвало серьезную обеспокоенность курдов. Сообщалось, в частности, о том, что шиитские боевики установили блокпосты на пути между РК и Багдадом, и похитили для выкупа несколько курдских водителей грузовиков. В октябре 2014 г. боевики из Асайиб аль-ал-Хак захватили в заложники двоюродную сестру вице-премьера курдского правительства, и требовали выкуп в 1,7 млн. дол. [142, с. 120]. В 2015 г. происходили вооруженные столкновения между пешмерга и шиитскими боевиками в г. Туз Хурмату, вызванные действиями последних в отношении местных арабов-суннитов и туркоманов. Стоит напомнить, что этот город

является одним из тех, по поводу вхождения которого в состав курдской автономии шел многолетний спор между Эрбилем и Багдадом.

В феврале 2015 г. около пяти тысяч шиитских боевиков из СНМ создали базу в нескольких милях от Киркука. Вожаки шиитских военных формирований высказывались категорически против курдского контроля над городом, по сути, угрожая курдам. В марте 2015 г., в разгар борьбы с «халифатом», Масрур Барзани, шеф разведывательной службы курдской автономии, заявлял, что то, что правительство Ирака слишком полагается на шиитских ополченцев, и это может впоследствии привести к проблеме большей, чем ИГИЛ [142, с. 119]. Как показали будущие события, опасения курдов были не зря.

Когда стало понятно, что руководство курдской автономии действительно готово провести плебисцит по поводу ее независимости, Тегеран приложил усилия для того, чтобы не допустить этого. Чтобы заставить курдов отказаться от голосования, иранцы пытались использовать свои давние тесные контакты с руководством ПСК и разногласия между последним и ДПК по референдуму. Инициатива проведения голосования по независимости принадлежала М. Барзани, зато значительная часть ПСК считала ее по крайней мере не своевременной. Это публично признавал, в частности, представитель ПСК в Москве Асо Талабани [170]. Известно, что в апреле 2017 г. в Сулеймании Касем Сулеймани убеждал лидеров ПСК отказаться от поддержки инициативы Барзани [129, с. 14]. С резко критическими заявлениями по поводу намерения курдов в Ираке выступали представители проиранских шиитских организаций и групп. Например, Хади аль-Амири, лидер «Бадр», говорил, что референдум приведет к кровопролитию и гражданской войне, а Каис Казали, командир ополченцев из «Асайб аль-ал-Хак», заявлял, повторяя один из основных тезисов иранской

пропаганды, что референдум является частью «израильского сговора» [129, с. 14]. Иранские чиновники в своих заявлениях по поводу референдума отмечали, что он нелегитимен, дестабилизирует обстановку в Ираке, угрожает стране вспышкой насилия. В самом Иране, где курды-сунниты в целом одобрительно восприняли идею плебисцита в соседнем Иракском Курдистане, официальная пропаганда смогла настроить против него курдов-шиитов из провинции Керманшах, в которой Тегеран много лет прилагал усилия, направленные на «вытеснение» шиитской) [129, с. 14].

Тяжелым политическим ударом по курдской автономии стал захват, 16 октября 2017 г., Киркука правительственными силами, действовавшими совместно с проиранскими боевиками из «Сил народной мобилизации». И самими курдами, и многими наблюдателями в этой связи высказывалось мнение, что иранцам удалось использовать разногласия между ВСК и ДПК, и убедить лидеров ВСК оставить Киркук без сопротивления. Представители ДПК заявляли об измене лидеров ПСК (клана Талабани), которые, по их словам, договорились о сдаче Киркука, получив от иранцев деньги и доступ к маршрутам контрабанды нефти [255]. Они, в частности, указывали, что в Киркуке во время захвата города «пешмерга», подчиненных ДПК, было не более 20 % всех курдских сил, и они не могли остановить противника [170].

В противодействии попытке курдов сделать «рывок» к независимости Тегеран, несмотря на отличные подходы и интересы в других вопросах, действовал совместно с Анкарой. В частности, на встрече с президентом Турции Р. Эрдоганом в начале октября 2017 г. о необходимости совместных действий обеих стран против возможного отделения региона Курдистана от Ирака говорил духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи [197].

В конце концов, референдум состоялся, однако не привел ни к независимости, ни к положительным сдвигам в положении курдской автономии. Под мощным согласованным давлением Багдада и почти всех своих зарубежных партнеров Иракский Курдистан должен был отложить провозглашение независимости на неопределенный срок и фактически согласиться со статус-кво. Шаги курдского регионального правительства, направленные на деэскалацию ситуации, побудили и Тегеран ослабить давление на Эрбиль. Уже 25 октября, в день, когда власти Иракского Курдистана объявили о намерении «заморозить» результаты голосования и продолжить диалог с Багдадом, Иран открыл закрытый пограничный переход Башмак [251]. В начале января 2018 г. были открыты переходы Парвизкан и Тамарчин. Их закрытие ранее достаточно ощутимо ударило не только по экономике Региона Курдистан, но и нанесло ущерб иранскому хозяйству, прежде всего приграничным с Ираком курдским районам, которые, по данным торгово-промышленной палаты провинции Керманшах, потеряли из-за него около 3000 рабочих мест. При этом иранский импорт быстро начали замещать товары из Турции, покинувшей свою границу с Иракским Курдистаном открытым[251].

В январе 2018 г. на встрече главы правительства РК Н. Барзани с президентом Ирана Хасаном Роухани в Тегеране шла речь о необходимости более тесного экономического сотрудничества региона с Ираном, новых иранских инвестиций в экономику курдской автономии. Росту торгового обмена должно способствовать запланированное открытие трех новых пограничных переходов[251].

В целом, Иран стремится подчинить взаимоотношения с курдами в Ираке целям своей политики в отношении курдов на собственной территории, а также задачей стратегии по Ираку в целом, направленной на достижение максимально

возможного влияния на Багдад. Подвергая притеснениям курдское меньшинство, Тегеран считает независимость Иракского Курдистана опасным для своих интересов сценарием развития событий и использует противоречия между курдскими политиками, опираясь при этом прежде всего на свое экономическое и политическое присутствие в приграничной с Ираном части РК.

Для Иракского Курдистана отношения с Ираном достаточно важны с экономической точки зрения. В политическом измерении отношения с Тегераном вписываются в стратегию увеличения и диверсификации системы международных партнерств автономии. Несмотря на отличные политические и идеологические ориентиры, политический вес Тегерана делает диалог с ним необходимым для Эрбиля. В то же время, хотя сегодня независимость Иракского Курдистана находится «за горизонтом» реальных политических перспектив, она потенциально является самой большой проблемой в курдско-иранских отношениях. В общекурдской проекции интересы Иракского Курдистана и нынешнего режима в Тегеране выглядят малосовместимыми.

Кроме Ирана и Турции, Иракский Курдистан поддерживает отношения с рядом других стран Ближнего Востока. Особый характер носят его отношения с Израилем – единственной страной региона, последовательно поддерживающей Иракский Курдистан. Сотрудничество иракских курдов с еврейским государством имеет долгую историю и опирается на общность стратегических интересов сторон. Еще до создания современного Израиля проводники сионистского движения выдвинули концепцию так называемой «периферийной стратегии» – заключение Израилем альянсов с неарабскими странами Ближнего Востока (и не только) – Турцией, Ираном, Эфиопией. Такие союзы должны были помочь израильтянам в противоборстве с арабами, конфликт с которыми возник с самого начала переселения сторонников сионизма в Палестину. Именно логика этого

конфликта и побудила евреев к поиску союза с иракскими курдами, противостоявшими арабским режимам в Багдаде, одному из самых последовательных врагов Израиля.

Конфиденциальные контакты с курдами Южного Курдистана сионисты наладили еще с конца 1930-х гг. [59, с. 95]. После провозглашения в Ираке в 1958 г. республики и активизации курдского движения Израиль организовал тайные поставки оружия ГПК, помогал в подготовке бойцов пешмерга [59, с. 96]. Израильцы приняли участие в создании секретной службы ГПК и Барзани [47, с. 48]. Для своей деятельности в Иракском Курдистане Израиль, сотрудничавший тогда с шахским правительством в Тегеране, использовал иранскую территорию. Поддержка курдов в Ираке приносила Израилю свои плоды. Во время арабо-израильской войны 1973 г. занятость иракских войск в мятежных курдских районах на севере страны препятствовала их участию в боевых действиях против еврейского государства [59, с. 97].

Согласие между Ираном и Ираком в 1975 г. привело к сворачиванию активности израильских спецслужб в Иракском Курдистане, а исламская революция 1979 г., сделавшая Иран ожесточенным врагом Израиля, полностью лишила Тель-Авив возможности использовать иранскую кур. Несмотря на столь неблагоприятное для курдско-израильских отношений развитие событий, стратегический интерес Израиля к сотрудничеству с иракскими курдами сохранился. Влиятельной прокурдской силой в Израиле стала часть евреев – выходцев из Ирака, которые переселились в еврейское государство в 1948 – 1952 гг. [59, с. 90].

В 1991 г., во время вторжения войск С. Хусейна в Иракский Курдистан, еврейские организации по всему миру развернули кампанию помощи курдам,

организовывали гуманитарные поставки и требовали принять меры по спасению курдского населения от репрессий [59, с. 99; 47, с. 49].

Свержение режима С. Хусейна в 2003 г. способствовало активизации контактов между Израилем и Иракским Курдистаном. Важным направлением развития отношений стало экономическое сотрудничество. Израиль вопреки позиции Вашингтона начал закупать у курдов нефть, а израильские компании приняли участие в бизнес-проектах в регионе, в частности, в строительстве современного международного аэропорта в Эрбили. [46, с. 58]. В связи с враждебными отношениями и отсутствием дипломатических отношений из Израиля с Багдадом, официальные отношения между Иракским Курдистаном (например, открытие диппредставительства) и еврейским государством не могли быть установлены, однако неофициальные контакты между курдскими лидерами и израильскими чиновниками имели место. В частности, о встречах на высоком уровне сообщалось в 2004 году. [91].

Израиль – единственная страна, сегодня открыто выступающая в поддержку возможной независимости Иракского Курдистана. Когда в 2014 г. Барзани заявлял о намерении провести референдум о независимости региона, официальный Тель-Авив выразил одобрительное отношение к этой идее [47, с. 47]. В 2017 г., когда курды решились в конце концов на проведение голосования, именно Израиль оказался единственным государством, официально поддержавшим возможное провозглашение независимости Иракского Курдистана. Глава израильского правительства Б. Нетаньяху заявлял тогда, что «курды – это народ-боец, доказавший свою преданность выполнению политических обязательств, и он заслуживает политической независимости» [91]. Неудивительно, что на митингах в курдском регионе по случаю референдума можно видеть и флаги еврейского государства.

Существенной составляющей системы международных отношений Иракского Курдистана за пределами региона Ближнего Востока являются отношения с Российской Федерацией – глобальным политическим «игроком», ядерным государством, одним из крупнейших в мире экспортеров углеводородов. За период после возникновения в 1991 г. реальной курдской автономии в Ираке эти отношения прошли определенный путь развития.

После распада СССР новообразованная РФ стала его правопреемницей в международных отношениях, заняла место Советского Союза в международных организациях, в том числе постоянного члена Совета Безопасности ООН, унаследовала советские зарубежные активы и долги. Однако в 1990-х гг. Россия, проходившая в период болезненной трансформации советской системы, переживала острый социально-экономический кризис и несколько лет вела жестокую войну с выступлением за независимость в Чеченской Республике Ичкерия, была не сравнима меньше, чем раньше СССР, вовлеченная в дела Ближнего Востока. При первом сроке президентства Б. Ельцина, когда МИД страны возглавлял А. Козырев (1991 – 1996 гг.), РФ определенное, хотя и недолгое время, действовало на международной арене как партнер США.

В то же время РФ в постсоветские годы в значительной мере сохранила свои контакты с авторитарными режимами в регионе, которые в свое время поддерживался Советским Союзом – сирийским режимом Хафеза Асада, режимом Баас и Саддама Хусейна в Ираке. В Ираке Москва установила контакты с курдами еще при монархии, а после прихода к власти Баас предпринимала усилия по посредничеству между Барзани и иракским руководством. Однако в общем балансе советских интересов в Ираке отношениям с Багдадом отдавался приоритет.

Уже в начале 2000-х гг., при первом сроке президентства В. Путина, в условиях определенного экономического и военного усиления РФ, Москва начала увеличивать свою международную активность, которая сразу приобрела заметные антиамериканские и в целом антизападные акценты. В ситуации, когда после террористических атак в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. развертывалась жесткая конфронтация между США и иракским режимом, Россия пыталась противодействовать американскому курсу на силовое смещение С. Хусейна. Эти усилия Кремля определили и его негативное отношение к политическим устремлениям иракских курдов, которых в Москве предпочитали рассматривать как американскую «клиентуру».

Когда в 2002 г. после завершения операции по свержению в Афганистане режима «талибов» Вашингтон начал готовить атаку на Багдад, Кремль забросал курдам «пособничество» в американских планах и пытался убедить их не помогать американцам. В декабре 2002 г. российский посол в Ираке В.Титоренко встретился с руководителями обоих тогдашних правительств курдской автономии, а именно Нечерваном Барзани и Бархамом Салихом, и убеждал их не выступать против «легитимного правительства» Ирака [60, с. 209]. Впоследствии, в начале 2003 г., в ходе визита в Москву сопредседателя парламента Иракского Курдистана Рож Нури Шавеша в ходе переговоров в Государственной Думе российская сторона пыталась убеждать о наличии «агрессивных планов США» и необходимости поддержать режим С. Хусейна. Курды тогда находили в Москве понимание только у представителей русского правозащитного движения, в частности, бывших диссидентов А. Боннера, Л. Пономарева, С. Ковалева [60, с. 210 – 211]. А. Боннер, в частности, на протяжении жизни немало внимания уделяла судьбе курдов, в том числе в Ираке, например, в 2007 г. предлагала сосредоточить американские войска в Ираке именно в курдской автономии, что

должно помочь ей стать в этой стране крепким бастионом демократии. 228]. Неудивительно, что российская позиция и критические заявления по поводу курдов вызвали тогда возмущение в Иракском Курдистане. В частности, представитель ПСК заявлял, что позиция РФ «является циничной и оппортунистической, направленной на поддержание тоталитарного багдадского режима в обмен на крупные коммерческие контракты, подаренные иракским правительством» [60, с. 209].

В первые годы после свержения режима С. Хусейна влияние Москвы в Иракском Курдистане было фактически минимальным. Контакты российских дипломатов с курдскими лидерами (Дж. Талабани, М. Барзани, Х. Зибари и др.) в это время осуществлялись по существу только в контексте общеиракской политики РФ. Кремль ориентировался на развитие взаимоотношений с правительством в Багдаде, противодействие американскому влиянию, и постоянно подчеркивал необходимость сохранения территориальной целостности и единства Ирака.

Однако в новых политических реалиях Москва пошла на расширение взаимоотношений с курдами. В июле 2005 г. Регион Курдистан посетил российский посол в Багдаде В. Чамов, а в ноябре 2007 г. Россия открыла в Эрбили генеральное консульство во главе с Вагифлом Гараевым [60, с. 219]. Отметим, что МИД Ирака возглавлял курд Х. Зибари, член политбюро ГПК. В настоящее время статус генконсульства в Иракском Курдистане имел только представительство Ирана, тогда как другие страны – США, Великобритания, Франция, Италия, Австрия, Чехия, Нидерланды и Южная Корея – имели в Эрбили представительства низшего уровня. С другой стороны, территория, на которую распространялись полномочия генконсульства РФ, охватывала не только РК, но и

две провинции Северного Ирака, что подчеркивало прежде всего общеиракское измерение его деятельности.

Стремясь максимально увеличить и одновременно диверсифицировать иностранные инвестиции в регион, Эрбиль приглашал и российский бизнес, однако реальное присутствие последнего в Иракском Курдистане было в это время незначительным. Развитию отношений с РФ не способствовало и желание курдов принять участие в актуальном тогда проекте газопровода «Набукко», который должен был соединить Туркмению, Азербайджан и европейские страны, и противоречил интересам «Газпрома».

Эрбиль искал возможности провести визит президента РК М. Барзани в Москву, однако препятствием в его организации стало нежелание Кремля принимать главу Иракского Курдистана на самом высоком уровне, поскольку он не является лидером суверенного государства. Это отражало в целом «проарабскую» тогда позицию России. Для М. Барзани была важна именно встреча с главой РФ, что должно было подчеркнуть особый статус РК в Ираке [60, с. 227].

В условиях быстрого развертывания революционных событий «арабской весны» 2011 г. и после вывода из Ирака основной части американских войск (конец 2011 г.) Москва начала увеличивать свое присутствие в Иракском Курдистане. По нашему мнению, это стало частью глобальной международной активизации РФ, политические амбиции которых росли вместе с увеличением нефтегазовых доходов и военного бюджета страны. Можно предположить, что в Кремле решили в конце концов частично «реактивировать» отношения с курдами, осознавая общее значение курдского фактора на Ближнем Востоке и использовать его как инструмент влияния в регионе. Надо полагать, что в русских калькуляциях

имели значение и события в Сирии, где Москва поддержала Б. Асада, и где в ходе гражданской войны курдские формирования установили контроль над районами с курдским большинством.

В конце концов, в Москве решили сделать шаг, которого желало руководство Иракского Курдистана, и принять президента РК на самом высоком государственном уровне. Визит возглавляемой М. Барзани представительной делегации курдской автономии в российскую столицу состоялся в феврале 2013 г. 20 февраля курдов в Кремле принял президент В. Путин [4]. На следующий день состоялась встреча в российском МИД при участии министра иностранных дел Ирака Х. Зибари и иракского посла в РФ. Среди прочего обсуждалась проблема сирийских беженцев в Регионе Курдистан, которых в тот момент было более 75 тысяч. 21 февраля на встрече курдской делегации с руководством "Газпрома" обсуждались вопросы участия российского бизнеса в нефтегазовых проектах в Иракском Курдистане.

Визит М. Барзани в Москву состоялся вопреки позиции Багдада, который, очевидно, прилагал усилия, чтобы не допустить этого. В октябре 2012 г. столицу РФ посещал иракский премьер Н. аль-Малики, и тогда Россия и Ирак договорились о продаже Ирака российскому оружию на несколько миллиардов долларов [241]. Эта договоренность, по всей видимости, была для Багдада способом не допустить сближения Москвы с курдами. Однако россияне решили активизировать отношения с курдской автономией. В то же время, в Москве пытались по возможности не портить при этом отношения с иракским правительством. Сообщалось, в частности, что накануне визита М. Барзани В. Путин звонил по телефону аль-Малики [167]. В ходе визита курдского лидера российские чиновники говорили о необходимости укреплять дружеские связи между Россией, Ираком и Курдистаном [167]. Наблюдатели высказывали также

предположение, что интересы РФ и Багдада совпадали в желании несколько ослабить слишком тесные отношения М. Барзани с Анкарой[241].

В общем, поездка М. Барзани в Москву обозначила благоприятное для Иракского Курдистана смещение его отношений с РФ от уровня минимальных контактов до более прагматических и активных отношений. Курды видели в этом существенное расширение диапазона своих внешнеполитических возможностей, а Москва – дополнительный фактор влияния на Ближнем Востоке. Для обеих сторон речь шла также об экономических интересах, прежде всего, в нефтегазовой сфере. Начиная с 2012 г., российские компании приняли участие в нефтегазовых проектах в Иракском Курдистане (об этом подробнее говорилось в предыдущем разделе работы). Именно нефтегазовая отрасль стала главным направлением сотрудничества между Москвой и Эрбилем. Российские инвестиции в добычу углеводородов в Регионе Курдистан со временем начали расти, что в условиях некоторого сокращения присутствия в нем других инвесторов увеличило удельный вес РФ среди участников разработки природных богатств Иракского Курдистана. В частности, в июне 2017 г., в рамках визита главы курдского правительства в С.-Петербург для участия в международном экономическом форуме, он встречался с В. Путиным, российским министром иностранных дел С. Лавровым, министром энергетики РФ, руководством государственного нефтегазового гиганта, компании «Роснефть». Стороны заключили долгосрочное соглашение, предусматривающее новые инвестиции «Роснефти» в курдский регион, его участие в строительстве и руководстве нефтепровода в Турцию, разведывательных работах и т.д. [199].

Вопросы сотрудничества в энергетической сфере обсуждались также в ходе визита Н. Барзани в Москву в ходе встречи с Путиным в мае 2018 г. во время официального празднования очередной годовщины победы СССР над нацистской

Германией [278]. Вскоре (25 мая 2018 г.) во время экономического форума в С.-Петербурге правительство РК заключило два новых соглашения с компанией «Роснефть», предусматривавших ее участие в разработке газовых запасов курдской автономии, а также в проектировании газопровода [198].

Регион Курдистан поддерживает отношения с Москвой и в других направлениях, в частности военном. Известно, что вместе с другими странами Россия оказала курдам определенную поддержку для борьбы с «ИГИЛ», например, в июле 2016 г. курдские отряды, участвовавшие в освобождении Мосула, получили от Москвы около 1 миллиона патронов.

В то же время РФ в целом не заинтересована в создании независимого курдского государства в Ираке и ориентируется сегодня на сохранение территориальной целостности этой страны в существующих границах. Можно найти несколько возможных факторов, определяющих такую позицию Москвы. Во-первых, РФ является многоэтничным государством, которое в конце 1990-х – начале 2000-х гг. вела тяжелую и жестокую борьбу с сепаратизмом на Северном Кавказе, и ее руководство очень болезненно воспринимает любую возможность возникновения в стране новых сепаратистских движений. Это влияет и на его отношение к движениям за отделение в других странах. Правда, в этом позиция Кремля очень амбивалентна; Москва, когда это выгодно, территориальную целостность других стран игнорирует. К примеру, фактически именно россияне «отделили» от Грузии Абхазию и Южную Осетию. РФ, грубо нарушая нормы международного права, аннексировала в Украине Крымский полуостров и оккупировала часть Донецкой и Луганской областей. Контролируемые правительством российские СМИ с очевидной приверженностью относятся к движениям за независимость Шотландии и Каталонии; в то же время официальный Кремль не признает отделение от Сербии Косово.

Во-вторых, в Москве опасаются, что независимый Иракский Курдистан может стать союзником США. С другой стороны, поддержка курдской независимости может привести к резкому ухудшению отношений с Ираном и Турцией, с которыми в последнее время Москва в русле своего актуального антиамериканского внешнеполитического курса заметно сблизилась. Провозглашение независимости Курдистана способно критически дестабилизировать целую ситуацию на Ближнем Востоке, что, как представляется, сегодня не в интересах Кремля, в частности, учитывая немалое участие РФ в нефтегазовых проектах в регионе [188].

Следовательно, Россия в сентябре 2017 г. проведение референдума в курдской автономии не одобрила. Однако следует заметить, что в официальных заявлениях Москвы по этому поводу звучали заметно отличные, чем, к примеру, у Анкары и Тегерана, акценты, подчеркивалась, в частности, необходимость уважать национальные стремления курдов, компромисса и политического диалога между Багдадом и Эрбилем, и т.д. ., а также, что Кремль не принял никаких санкций в отношении курдов [168; 89, с. 8 – 9].

В общем, РФ строила отношения с Иракским Курдистаном как вторичные по поводу ее стратегии взаимоотношений с США и крупными странами Ближнего Востока, некоторое время фактически игнорируя достаточно насыщенную историю и опыт контактов с курдами в советский период. Позже Кремль в определенной степени «реактивировал» курдский фактор в широком регистре инструментов своего влияния в ближневосточном регионе. Немалый собственный вес во взаимоотношениях между Эрбилем и Москвой имеет сейчас нефтегазовый фактор. Нынешнее враждебное отношение Кремля к ценностям либеральной демократии западного образца делает его политику в отношении курдов, прежде всего, прагматичной и инструменталистской, в зависимости от текущего

сочетания политических расчетов и экономических интересов. Со своей стороны, для Эрбиля Россия является экономическим партнером, влиятельным зарубежным контрагентом, отношения с которым, однако, не имеют сейчас критически важного значения для политических перспектив Иракского Курдистана.

Определенное место в системе международных связей Иракского Курдистана занимает Европейский Союз. Специфику взаимоотношений с ЕС определяет прежде всего характер самой общей внешней политики объединения европейских государств, которая в значительной мере формируется путем согласования позиции наиболее влиятельных членов союза – Германии и Франции, должна также учитывать точку зрения других участников Союза, и это неизбежно сдвигает ее в сторону более компромиссных и осторожных подходов к острым международным вопросам.

В свое время, в 1991 г., ЕС сыграл определенную роль в установлении в Иракском Курдистане «бесполетной зоны», спасшей курдов от расправы со стороны войск С. Хусейна, в 1990-е гг. оказывал КРУ значительную гуманитарную помощь [81, с. 211]. Позже Иракский Курдистан открыл свое представительство при ЕС (что не имел дипломатического статуса), прилагал усилия по лоббированию курдских интересов в Брюсселе. В мае 2002 г. в резолюции Европарламента содержались призывы к руководству ЕС принять меры против нарушения Багдадом основных прав курдов (в контексте нарушения режимом прав человека), оказать поддержку курдской автономии в гуманитарной, экономической сферах, усилиях по демократизации и т.д. В то же время, ЕС отнесся к намерению США совершить вторжение в Ирак, который вызвал раскол между странами «новой демократии» с Восточной Европы и Францией и Германией [81, с. 212].

После свержения режима С. Хусейна ЕС поддерживал официальные отношения только с Багдадом и последовательно настаивал на необходимости сохранения территориальной целостности Ирака. В то же время, в Эрбили открылось европейское консульство, развивались контакты в гуманитарно-культурной сфере; после начала гражданской войны в Сирии Брюссель начал оказывать гуманитарную помощь оказавшимся на территории курдской автономии беженцам [81, с. 213].

Следуя своей традиционной линии в поддержку территориальной целостности Ирака и поощрения курдско-арабского взаимопонимания в этой стране, в 2017 г. Евросоюз занял негативную позицию по поводу намерения курдов организовать референдум по независимости Иракского Курдистана. Брюссель неоднократно призывал курдов воздержаться от проведения голосования, называл плебисцит «контрпродуктивным» мероприятием [243; 244]. После голосования официальный представитель внешнеполитического ведомства ЕС еще раз выразил поддержку единству Ирака, призвал Багдад и Эрбиль к сдержанности и диалогу в рамках конституции страны, и предложил свое содействие в этом .

Помимо вышеперечисленных государств и Европейского Союза (как единственного субъекта международной политики), Иракский Курдистан поддерживает политические и экономические отношения с рядом других стран мира. Среди его партнеров, в частности, Германия, самая влиятельная страна Евросоюза, занимающая четвертое место в мире по уровню ВВП. В Эрбили действует генеральное консульство ФРГ, а в Германии – представительство курдского регионального правительства. Берлин в отношениях с курдской автономией в целом реализует согласованную позицию ЕС, отстаивающую сохранение территориальной целостности Ирака и полноценное осуществление

автономных прав курдов, мирные и правовые пути разрешения споров между центром и Регионом Курдистан. В частности, эту позицию в декабре 2017 г. на встрече с Н. Барзани в немецкой столице выражала федеральный канцлер Ангела Меркель [207].

К числу стран, представляющих существенный интерес к проблеме Иракского Курдистана, относятся также арабские страны Персидского залива, прежде всего суннитская Саудовская Аравия. Последняя имеет самый большой военный потенциал среди государств этого региона, является одним из крупнейших в мире производителей нефти. Саудовская Аравия открыла свое генеральное консульство в Эрбиле в 2016 г. В 2015 г. это сделал Кувейт, а в 2012 г. первым среди государств региона организовали диппредставительство в столице курдской автономии Объединенные Арабские Эмираты. Отношение Эр-Рияда к курдскому вопросу в Ираке определяется в контексте политики Саудовской Аравии (которая сегодня также имеет дружеские отношения с ОАЭ) по Ираку в целом, а также ее взаимоотношениями с Ираном – главным соперником «саудитов» на Ближнем Востоке. Эр-Рияд в целом заинтересован в сохранении Ирака в нынешних границах и в стабильном и дружественном правительстве в Багдаде; в то же время там видят потенциальную опасность в чрезмерном усилении центральной иракской центральной власти и стремятся уменьшить влияние на нее враждебного режима шиита в Тегеране [248].

Определенная поддержка Иракского Курдистана является для Саудовской Аравии фактором влияния на Багдад, элементом широкомасштабного противостояния с Ираном, в частности, недопущение получения последней прямой связи по суше с его политической «клиентурой» в Сирии и Ливане. Вместе с тем, возможность неконтролируемой эскалации насилия в случае попытки отделения Региона Курдистан от Ирака без договоренности с Багдадом

совершенно не в интересах Эр-Рияда и ОАЭ. Поэтому во время референдума 25 сентября 2017 г. Саудовская Аравия официально выражала критическое отношение к нему и призвала курдов отказаться от своего решения; в то же время, в масс-медиа и соцсетях страны звучала поддержка желания курдов получить независимость [248].

В СМИ встречаются утверждения, что Эр-Рияд, вопреки своей официальной позиции, конфиденциально поощрял намерение курдов провести референдум[247], однако, очевидно, нет возможности это убедительно доказать. Сегодня Саудовская Аравия, ОАЭ, другие страны Персидского залива развивают экономические отношения с Ираком и Иракским Курдистаном; в частности, большая часть инвестиций ОАЭ в Ираке находится именно в курдском регионе страны[248].

К числу стран, с которыми власти Региона Курдистан установили отношения на официальном уровне, входит Польша. Предпосылкой этого стало участие польских военных в операции многонациональных сил в Ираке в 2003 г. Варшава направила в эту страну крупнейший, после США и Великобритании, военный контингент (около 9 тысяч человек), расположившийся в центральной части Ирака, населенной преимущественно суннитами. После свержения режима С. Хусейна в 2005 г. в Кракове открылось представительство курдского регионального правительства, а тогдашний польский премьер Марек Белка посетил Эрбиль. [115, с. 4].

Активность курдского представительства в Кракове, центре польского региона, известного как Малопольша, способствовала успешному развитию сотрудничества между Польшей и Иракским Курдистаном в экономической, культурной и образовательной сферах, в значительной степени связанной именно

с Малопольшей. В сентябре 2014 г. в условиях продвижения боевиков «ИГИЛ» Варшава, ссылаясь на соображения безопасности, закрыла свое посольство в Багдаде, а польское консульство в Эрбили осталось единственным официальным контактом между Польшей и Ираком. По состоянию на 2015 г. 80% польского экспорта в Ирак шло через столицу РК [115, с. 5]. Развивая связи с Иракским Курдистаном, Варшава, однако, всегда стремилась сбалансировать их с отношениями с Багдадом, подчеркивая свою поддержку территориальной целостности и единства Ирака, и избегала действий, которые могли бы обострить противоречия между курдами и федеральными властями [115, с. 4 – 6].

Среди зарубежных партнеров Иракского Курдистана сегодня и Украина. В целом, отношения Украины с Иракским Курдистаном развивались как составная часть отношений между ней и Ираком. Весомым направлением развития связей Украины и Иракского Курдистана стало экономическое сотрудничество. Здесь можно назвать несколько мер, способствовавших ее развитию. В частности, в конце февраля - начале марта 2009 Эрбиль посетила делегация Украинской строительной ассоциации. В ходе встреч с курдскими должностными лицами, представителями строительных компаний, обсуждалась возможность участия украинских фирм в строительных проектах на территории Иракского Курдистана[231].

В апреле 2009 г. состоялась встреча руководства Украинского союза промышленников и предпринимателей (УСПП) и делегации Союза бизнесменов Иракского Курдистана, в ходе которой стороны подписали меморандум о сотрудничестве. Руководитель курдской делегации, глава упомянутого союза Камил Рашид в диалоге с украинскими партнерами подчеркивал то обстоятельство, что Иракский Курдистан является наиболее стабильным регионом Ирака, указывал на льготы, которые региональное правительство предоставляет

иностранным инвесторам. Курдские бизнесмены выразили заинтересованность в продукции украинской металлургии, электротехнической промышленности, машиностроения и АПК в прямых, без участия посредников, контактах с предприятиями Украины. В ходе встречи говорилось также о возможности открытия представительств УСПП в Регионе Курдистан и СБИК в Украине [230].

17 декабря 2010 г. в Киеве состоялась встреча руководителей Европейской экономической палаты торговли, коммерции и индустрии в Украине с главой Союза импортеров и экспортеров Региона Курдистан шейхом Мустафой Абдуллой, при участии второго секретаря посольства Республики Ирак в Украине Джабера аль-Тамими, на которой сотрудничества украинского бизнеса с Иракским Курдистаном. В ходе разговора иракский дипломат упомянул, в частности, о возможности безвизового посещения РК украинскими гражданами[279]. Несколькими днями позже, 22 декабря, участники встречи подписали договор о сотрудничестве, в котором обязывались сотрудничать в организации бизнес-встреч, обмениваться деловым опытом, содействовать открытию информационных центров[279].

Экономические контакты между Регионом Курдистаном и Украиной стали одним из стимулов развития украинско-курдских контактов через дипломатические каналы. 22 ноября 2012 г., в ходе официального визита в Ирак Эрбиль посетил тогдашний глава украинского МИД Константин Грищенко. Это стало первой поездкой в Иракский Курдистан украинского дипломата такого уровня. В столице региона украинский министр встретился с его президентом Н. Барзани, премьер-министром правительства автономии Н. Барзани, другими членами правительства. По официальному сообщению, во время встреч говорилось о необходимости налаживания устойчивых экономических и культурно-гуманитарных контактов между курдским регионом Ирака и

областями Украины, в частности, стороны уделили большое внимание инфраструктурному сотрудничеству, особенно в строительной отрасли [277]. В переговорах приняли участие представители украинских бизнес-кругов, руководители курдской Торгово-промышленной палаты.

21 сентября 2013 г., в день выборов в парламент курдской автономии, Иракский Курдистан посетил вместе с главами других дипломатических представительств посол Украины в Республике Ирак Анатолий Маринец. Дипломаты засвидетельствовали соответствие процесса голосования основным стандартам организации демократического волеизъявления. Находясь в Иракском Курдистане, А. Маринец встретился, в частности, с председателем Торгово-промышленной палаты г. Эрбиль, с которым обсуждал пути активизации сотрудничества региона с Украиной.

Развивая контакты с Регионом Курдистан, Украина в конце августа 2017 г. открыла в Эрбили почетное консульство [232]. Заметным шагом на пути развития взаимоотношений с Иракским Курдистаном стало в сентябре 2018 г. начало работы в Эрбили украинского визового центра, принимавшего документы для получения виз от лиц, проживающих на территории курдской автономии [176].

Украина вообще не имеет каких-то особо чувствительных для нее моментов и интересов в курдском регионе Ближнего Востока, равно как и потенциал для значительного влияния на ситуацию в нем. Киев отстаивает исключительно правовые пути разрешения противоречий и урегулирования разногласий между государствами на Ближнем Востоке, использование для этого механизмов ООН, заинтересованных в развитии отношений со всеми странами региона. Особо отмечая недопустимость нарушения существующих границ, Украина занимает

последовательно негативную позицию относительно неконституционных попыток отделения от государств тех или иных территорий.

Итак, Курдская автономия в Ираке сформировала собственную систему международных отношений, которые сплошь и рядом реализуются вне формальных рамок взаимоотношений определенных государств с Ираком. Регион Курдистан последовательно стремился и стремится расширить свои международные опции, использовать в интересах разногласия между своими зарубежными партнерами, увеличить круг экономических контрагентов.

Не считая отношений с США, наибольшее значение для Иракского Курдистана имеют отношения с Турецкой Республикой и Исламской Республикой Иран. Среди факторов, определяющих политику и Анкары, и Тегерана в отношении курдов в Ираке, первое место занимает наличие на территории названных государств крупного курдского меньшинства, которое десятилетиями подвергалось притеснениям и боролось за свои национальные права. Турция после 2003 г. постепенно перешла от усилий по сдерживанию и давлению на курдскую автономию к стратегии сближения с Эрбилем, его вовлечению в орбиту турецкой политики на Ближнем Востоке в качестве зависимого партнера. Этому обязаны были содействовать значимые турецкие инвестиции в РК. Большое значение для интересов Анкары имеют также углеводородные ресурсы автономии.

Для Ирана отношения с курдами вписываются в контекст его стратегии по утверждению в Багдаде проиранского правительства и противодействию влиянию США. В целом, отношения Иракского Курдистана с ТР и ИРИ носят амбивалентный и прагматический характер. И Анкара, и Тегеран стремятся подчинить отношения с курдской автономией интересам своей политики в

отношении курдов на собственной территории, а также региональной стратегии в целом. Хотя момент конкуренции между ними создает для Эрбиля определенное пространство для политического и экономического маневра, сегодня оба мощных соседа Региона Курдистан едины в негативном отношении к идее независимости Иракского Курдистана.

За исключением Израиля, сейчас международная «повестка дня» никакого влиятельного государства мира не включает в себя курдский вопрос как проблему права курдов на национальное самоопределение. Зато оно рассматривается в рамках проблемы прав человека (что для многих стран имеет только риторическое значение) и обеспечения стабильности на Ближнем Востоке, которой при этом отдается приоритет. Сегодня сложился фактический международный консенсус по поводу необходимости сохранения курдской автономии в составе Ирака, в сочетании с компромиссным урегулированием ее разногласий с Багдадом. В то же время, отличные интересы государств – участников политических процессов в регионе определяют и различные упоры в их подходах к отношениям с Иракским Курдистаном. Несмотря на ослабление ее международных позиций после референдума 25 сентября 2017 г., не принесшего положительных изменений в положении Региона Курдистан, и потери ряда спорных территорий в Ираке, курдская автономия остается активным субъектом международных отношений, чей политический вес увеличивает проекция курдского вопроса. на курдскую проблему в целом.

3.2. Особенности взаимоотношений Иракского Курдистана с США

Главным партнером Иракского Курдистана среди стран, не принадлежащих к региону Ближнего Востока, является, безусловно, Соединенные Штаты Америки – экономически и политически мощное и влиятельное государство мира, активно задействованное в международных отношениях практически всех регионов планеты. В конце XX – начале XXI ст. прямое военное вмешательство США в Ираке определило поворотные моменты в исторической судьбе иракских курдов, позволило создать и удержать реальную курдскую автономию. Обращаясь к проблеме современных отношений Соединенных Штатов с Регионом Курдистан, их влияния и роли в его международных отношениях, считаем целесообразным представить краткий обзор их исторической основы.

Курдский вопрос впервые на короткое время возник в повестке дня внешней политики США в 1918 г., когда американский президент Вудро Вильсон провозгласил свои знаменитые «14 пунктов». Однако, как говорилось выше, эта декларация Вильсона не оказала реального влияния на политическую судьбу курдов, а курдская тематика на десятилетие оказалась на далеком маргине американской политики. После Второй мировой войны, в условиях глобального противостояния между СССР и США, стратегическое значение Турции как члена НАТО обусловило фактическую поддержку Вашингтоном шовинистической, репрессивной политики Анкары по отношению к курдскому меньшинству в этой стране – крупнейшему из всех курдских сообществ [126, с. 95]. В то же время, в начале 1970-х гг. американцы установили достаточно тесные контакты с лидером курдского движения в Ираке М. Барзани, оказали ему финансовую и другую

поддержку (об этом сюжете истории Иракского Курдистана подробнее говорилось в предыдущем разделе работы). Короткий роман с американцами завершился тогда, после ирано-иракского взаимопонимания 1975 г., катастрофой. Действия Вашингтона произвели очень неприятное впечатление на преемников М. Барзани, в частности, на его сына Масуда, побуждали к максимально прагматичному восприятию американской политики. Позже, в 1980-е годы, конфликт США с исламистским Ираном и война между Ираном и Ираком обусловили заинтересованность Вашингтона в поддержке военного потенциала режима Саддама Хусейна, а следовательно, и неприязненное отношение США к курдскому движению в Ираке.

Важным рубежом в отношениях Соединенных Штатов и Иракского Курдистана стал 1991 г. Оккупация Ираком Кувейта в августе 1990 г. и безрезультатность дипломатического давления на Багдад заставили США и возглавляемую ими международную коалицию прибегнуть к военной операции против Ирака и. Во время нее 15 февраля 1991 г. американский президент Дж. Буш-старший призвал иракцев к восстанию против С. Хусейна. (Впоследствии американские чиновники утверждали, что обращение лидера США адресовалось только вверху иракских вооруженных сил) [119, с. 25]. Однако курдское выступление в Ираке было жестоко подавлено все еще достаточно сильной иракской армией. Лидеры курдов просили американцев помочь, но помощи не получили. США в тот момент не планировали войну против иракских войск на территории самого Ирака. Это было бы для них непростой задачей с чисто военной точки зрения. В США также боялись возможной «ливанизации» Ирака в результате интервенции, то есть распада страны на ряд враждующих и нестабильных военно-политических образований, и принимали во внимание опыт войны в Корее, когда после освобождения южной части страны от войск

коммунистов попытка занять Северную Корею привела к затягиванию боевых действий и новых потерь, и оказалось в конечном счете безуспешным. Кроме того, в Вашингтоне опасались спровоцировать выступления курдов в соседних Сирии, Иране, Турции, которые, с американской точки зрения, могли бы очень сильно дестабилизировать весь Ближний Восток [126, с. 97].

В конце концов, тяжелые гуманитарные последствия вторжения в Иракский Курдистан карательных сил С. Хусейна (до двух миллионов курдов покинули свои дома, спасаясь от расправы) все же побуждали американцев и их союзников провести в Совете Безопасности ООН резолюцию № 688 (5 апреля 1991 г.). , создать в Северном Ираке «бесполетную зону» и вынудить иракские войска покинуть регион. Важным фактором, подтолкнувшим Вашингтон к действиям, стала позиция Турции, обеспокоенной возможными последствиями для ситуации в Турецком Курдистане массового притока беженцев из Южного Курдистана. [119, с. 26].

События 1991 – 1992 гг. стали поворотным пунктом как в истории Иракского Курдистана, где возникла курдская автономия (Курдское региональное правительство), так и для роли в этом регионе Соединенных Штатов. По определению авторитетного американского курдоведа М. Гюнтера, они положили начало новой стадии американской политики в курдском вопросе в целом [126, с. 97]. Ее главной особенностью стало перманентное вовлечение США в ситуацию, связанную с Иракским Курдистаном, наличие официальных контактов с курдскими чиновниками и необходимость учета курдского фактора в формировании отношений со странами региона, прежде всего Турцией. Заметим, что только в 1992 – 1995 гг. расходы Соединенных Штатов на обеспечение бесполетной зоны в Северном Ираке составили около 1,2 млрд дол. После 1992 г. Вашингтон пытался повлиять на Анкару, чтобы ограничить масштабы турецких

военных операций против РПК на территории Иракского Курдистана. В частности, масштабное турецкое вторжение в этот регион в 1995 г., сопровождавшееся многочисленными нарушениями прав гражданского населения, привело к сворачиванию американцами некоторых совместных с Турцией проектов в военной сфере [60, с. 27].

В ходе жестокой гражданской войны в Иракском Курдистане в 1994 – 1996 гг. в конце концов именно Соединенные Штаты сыграли решающую роль в прекращении вооруженной фазы в межкурдском противостоянии. Немалое давление американских дипломатов, отстранивших от переговоров Турцию, заставило лидеров ГПК и ПСК подписать в сентябре 1998 г. соглашение, которое было исполнено [126, с. 100]. Важным моментом участия США в достижении мира стало то, что впервые американские чиновники публично декларировали свою поддержку национальных прав курдов в Ираке и возможность действий против Багдада в случае агрессии против курдов. Сообщая о соглашении между курдами, госсекретарь Мадлен Олбрайт заявила, что «Соединенные Штаты решат, как ответить на действия Багдада, основанные на угрозе, которую они представляют для соседей Ирака, региональной безопасности, жизненных интересов США и для иракского народа, включая население на севере страны» [126, с. 100]. Впоследствии эти заверения в более четкой формулировке подтвердил в обращениях к конгрессу от 6 ноября 1998 г. и 19 мая 1999 г. президент Билл Клинтон. Акт об освобождении Ирака, принятый Конгрессом в октябре 1998 г., предусматривал американское признание и поддержку демократических оппозиционных групп в Ираке, в т. ч. курдских. В феврале 1999 г. ГПК и ПСК вошли в их официальный список [119, с. 31]. При американском содействии эти группы были объединены «под крышей» Иракского национального конгресса, который декларировал своей целью свержение режима

С. Хусейна, демократические преобразования в Ираке, и одновременно поддержку его территориальной целостности [119, с. 30].

На фоне сближения между США и Иракским Курдистаном после 1991 г. сохранились и серьезные разногласия между Вашингтоном и курдскими лидерами. М. Барзани воспринял непреложную попытку американцев сделать из Иракского Курдистана своего рода безопасную базу для общеиракской демократической оппозиции. Когда в разгар гражданской войны ПСК обратился к иранцам, лидер ГПК увидел в этом основание призвать американцев к прямому вмешательству в конфликт. Когда же этого не произошло, М. Барзани в 1996 г., игнорируя возражения американских дипломатов, сам пригласил в Эрбиль иракскую Республиканскую гвардию, после чего Саддам Хусейн уничтожил немалую часть деятелей не курдской оппозиции, нашедшей приют в этом городе (членов Иракского национального конгресса, организаций туркоманов) [60, с. 30 – 31]. В то же время, Соединенные Штаты провели эвакуацию из Ирака курдов и членов их семей, которые сотрудничали с американцами [119, с. 31].

Как отмечено выше, именно США сыграли решающую роль в прекращении жестокой междоусобной войны в Иракском Курдистане, заставив ГПК и ПСК подписать в Вашингтоне в сентябре 1998 г. мирное соглашение. Предпосылкой для начала нового этапа взаимоотношений между Иракским Курдистаном и США стала печально известная террористическая атака в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Это событие подтолкнуло Вашингтон к масштабному военному вмешательству в Афганистане, и побудило президента Дж Буша-младшего к подготовке интервенции в Ирак. Активность США в регионе оживила отношения между Вашингтоном и Иракским Курдистаном. В частности, в октябре 2001 г. американскую столицу посетила совместная делегация ГПК и ПСК (Хошияр Зибари и Бархам Салех), получившая заверение, что зона безопасности в

Северном Ираке будет сохранена. В ноябре 2001 г. Вашингтон посетил глава правительства КАР (его части, подконтрольной ГПК) Нечерван Барзани, а в декабре в Эрбиль нанесла визит делегация во главе с помощником госсекретаря США с Ближнего Востока и будущим послом Соединенных Штатов в Ираке. . 28]. Накануне вторжения в Ирак, когда в Вашингтоне еще рассчитывали на участие Анкары в операции, курды смогли добиться включения в американо-турецкий меморандум по поводу предстоящих действий турецких военных в Ираке (февраль 2003 г.) положений, которые должны были ограничивать турецкое присутствие в этой стране в интересах курдов [153, с. 2].

В конце 2002 г. в ходе переговоров США добивались от Анкары согласия на использование базы Инджирлик для планировавшейся операции в Ираке, но обещали способствовать принятию МФВ решения о предоставлении Турции помощи в 6 млрд. дол. Однако турецкий парламент отверг договоренность, хотя США и получили возможность использовать воздушное пространство Турции [70, с. 219 – 220].

Позиция Турции способствовала увеличению военно-стратегического значения Иракского Курдистана. После вторжения американцев и британцев в Ирак в марте 2003 г. пешмерга выступили против иракских правительственных сил, а территория Иракского Курдистана стала для коалиции гостеприимным и сравнительно безопасным местом. В своем регионе, охваченном волной проамериканских настроений, курды приветствовали приход войск США и свержение режима Саддама Хусейна.

В этот момент некоторые американские чиновники озвучивали мнение об Иракском Курдистане как о возможной, по крайней мере частично, альтернативе Турции в роли военно-стратегического плацдарма на Ближнем Востоке. К

примеру, в мае 2003 г. заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц говорил об вероятном уменьшении значения для американцев базы в турецком Инджирлике, а заместитель госсекретаря заявлял даже, что Инджирлик американцам вообще не нужен [60, с. 21]. Проявлением ухудшения американо-турецких отношений стало задержание американцами в июле 2003 г. в Сулеймании группы турецких спецназовцев, обвиненных в подготовке диверсий [126, с. 101].

После 2003 г. курды сами определенное время упорно предлагали себя американцам в качестве стратегических союзников и альтернативы Турции. В период пребывания в Ираке значительных сил американских войск (2003 – 2011 гг.) долго муссировалась идея создания в Иракском Курдистане постоянной американской военной базы. Ее, в частности, поддерживал опытный американский дипломат Питер Гелбрейт, известный своей последовательной прокурдской позицией [153, с. 1]. В июне 2007 г. на пресс-конференции в Эрбили Кубад Талабани, подчеркивая важность военного присутствия США в Регионе Курдистан, призвал американцев создать там военную базу, которая должна стать гарантией стабильности в регионе, оплотом противодействия террористической угрозе [60, с. 23]. Построить базу в Иракском Курдистане несколько раз предлагал и Барзани. В 2006-2007 гг. курдские СМИ не раз писали о том, что решение о базе вот-вот будет принято; в значительной степени это стало темой внутренней политики в РК [60, с. 24]. Постоянная база в Иракском Курдистане, очевидно, подняла бы вес региона в американских политических калькуляциях, предоставила бы ему роль определенной альтернативы Турции, а также снизила бы вероятность масштабного военного вторжения в регион турецких войск.

В общем, первые годы после разгрома режима С. Хусейна и смены власти в Багдаде были периодом особо интенсивных контактов между Вашингтоном и

курдской автономией, когда американцы видели в курдах важного союзника в своих усилиях заложить в Ираке основы базовых демократических институтов, и одновременно добиться хотя бы относительно стабильности и сохранности в данной стране. С другой стороны, речь шла о мощном подъеме проамериканских настроений в самом Иракском Курдистане, где многие испытывали в тот момент благодарность США за освобождение от постоянной угрозы со стороны режима в Багдаде. В мае 2005 г. Эрбиль посетила госсекретарь Кондолиза Райс, обсуждавшая на встрече с М. Барзани экономические проекты, американское содействие курдским силам безопасности. В сентябре 2005 г. президент США Дж. Буш-младший встречался с президентом Ирака Дж. Талабани (после выступления последнего на Генеральной Ассамблее ООН), а в октябре того же года принимал в Белом доме М. Барзани [88, с. 43]. В Вашингтоне впервые принимали курдского лидера на самом высоком государственном уровне.

На фоне развития отношений с курдами в Ираке, наблюдалось заметное «охлаждение» во взаимоотношениях Вашингтона с Анкарой. США в этот период существенно сдерживали усилия Турции влиять на ситуацию в Ираке, в первую очередь в курдских районах. В частности, под давлением М. Барзани из Временного правящего совета Ирака исключили представителя протурецкого Туркоманского фронта Санана Ахмета Агу, чью кандидатуру ранее согласовали с Анкарой [60, с. 73]. Американцы также возражали против возбуждения турками, в ходе операций против РПК, границ Ирака в Курдистане. В ноябре 2005 г. американцы отказали Турции в просьбе провести военную операцию против РПК на территории РК [88, с. 43]. В то же время турецкий премьер Р. Эрдоган после выборов в иракский парламент 30 января 2005 г. резко критиковал Соединенные Штаты за якобы отсутствие противодействия попыткам курдов добиться доминирования в Киркуке, их мерам по «курдизации» города [60, с. 74].

Для продвижения собственных интересов в США курдская автономия начала финансировать лоббистов в Вашингтоне. В частности, курды привлекли для этого лоббистскую фирму Роберта Д. Блэквилла. Многие отставные американские чиновники и военные получили в Иракском Курдистане должности правительственных советников, а представитель правительства РК в Вашингтоне Кубад Талабани призвал жертвовать на избирательные кампании конгрессменов – симпатиков курдов [153, с. 2].

В американской столице у иракских курдов было несколько активных «промоутеров». В частности, последовательным лоббистом курдских интересов в Вашингтоне стал упомянутый выше П. Гелбрейт, занявший пост советника курдского правительства и президента. Позиционируя курдов в Ираке как преимущественно секулярное, не исламистское, прозападное и проамериканское сообщество, он отстаивал (и отстаивает сейчас) точку зрения, что Соединенным Штатам не следует придерживаться принципа территориальной целостности Ирака, что распад этой страны в ее нынешнем виде и создания независимого курдского государства на территории Иракского Курдистана лучше всего отвечали бы американским стратегическим интересам [60, с. 51]. Другим известным защитником «прокурдского» подхода был авторитетный дипломат Ричард Холбрук, неоднократно предлагавший развернуть в Иракском Курдистане войска США и НАТО, особенно настаивая на вовлечении в дела Ирака не только Соединенных Штатов и Великобритании, но и целого Североатланта. Р. Холбрук отстаивал в отношении Иракского Курдистана «тайваньскую модель» определения взаимоотношений: ограниченное дипломатическое признание и развитие полноценных финансово-экономических отношений [60, с. 51].

В январе 2007 г. на слушаниях американском сенате влиятельный деятель Демократической партии Джозеф Байден (тогда сенатор от штата Делавер, а затем

вице-президент США) озвучил достаточно решительный план реорганизации Ирака, известный как план Байдена – Гэлба. Предлагалось разделить Ирак на три автономные части – курдскую, суннитскую и шиитскую, образовавшие федеративное государство (по примеру Боснии и Герцеговины). Этот план поддержали тогда несколько бывших глав американского внешнеполитического ведомства – Г. Киссинджер, Дж. Бейкер, М. Олбрайт. Летом этого же года аналогичную идею выдвинули два американских эксперта, Эдвард Джозеф (Центр современных стратегических исследований университета Джонса Хопкинса) и Майкл О'Хенлон (Институт Брукинга в Вашингтоне). Они доказывали, что «мягкое» разделение Ирака на три более или менее гомогенных этноконфессиональных региона, каждый из которых сам отвечал бы своей безопасности, помог бы в конечном счете остановить насилие, фактически разрушающее единую страну [203]. Очевидно, реализация этого плана подняла бы государственно-политический статус Иракского Курдистана, однако в повестку реальной американской политики он не попал.

Осознавая слабость центрального иракского правительства, значительную опасность неконтролируемого распада страны, возникновение хаоса и вакуума власти, в Вашингтоне стремились продолжить пребывание американских войск в Ираке после 2008 г., когда истек срок действия мандата ООН. В ситуации, когда большинство арабского населения страны и арабских политических группировок были недовольны военным присутствием США, курды заняли проамериканскую позицию. Вывод войск добивались древние противники США на Ближнем Востоке – Тегеран и правительство Башара Асада в Дамаске. В то же время М. Барзани, курды в высшем руководстве Ирака – вице-премьер Бархам Салех, министр иностранных дел Хошияр Зибари выступали за продление срока пребывания американских войск в Ираке до 2020 г., и в очередной раз заявляли о

необходимости создания постоянной американской военной базы в Ираке Курдистан. В мае 2008 г. в Вашингтоне на высшем уровне принимали Нечервана Барзани, а 28 – 29 октября этого же года – президента РК М. Барзани. Договор от 17 ноября 2008 г. предусматривал продолжение пребывания войск США в Ираке до конца 2011 г. Бесспорно именно курдские политики в Ираке сыграли важную роль в его подписании.

В то же время, на фоне активного сотрудничества курдов с США в первые пост-саддомовские годы, между американцами и руководством курдской автономии существовал ряд разногласий и противоречий.

В частности, заметные отличия возникли в позициях американцев и курдов по поводу определения нового конституционного строя Ирака и статуса в его составе Иракского Курдистана. Как отмечалось выше, после свержения режима Саддама Хусейна курды оказались фактически ближайшим партнером Вашингтона в работе над вопросом определения будущего государственного устройства Ирака. Хотя американцы в принципе соглашались с курдской «*conditio sine qua non*» условие нет по поводу пребывания Иракского Курдистана в составе Ирака – федерализацией последнего, – конкретные подходы к основам такой федерации оказались разными. В ноябре 2003 г. в «Соглашении по политическому процессу» между Временной коалиционной администрацией (Пол Бренер) и Временным правящим советом Ирака (Дж. Талабани) говорилось о превращении Ирака в федерацию на основе провинций, что вызвало возражения со стороны ДПК [60, с . 40 – 41]. Для курдов речь шла о федерализации Ирака таким образом, чтобы субъектом федерации стал целый Иракский Курдистан, охватывающий, полностью или частично, не одну провинцию Ирака. Курды были недовольны тем, что в подготовленной при решающем участии американцев резолюции СБ ООН о передаче властных полномочий в Ираке от временной администрации

новоизбранным органам власти (№ 1546 от 8 июня 2006 г.), не упоминалась временная конституция Ирака, в которой говорилось о федеральном страны как раз в желаемом для курдов варианте [60, с. 42].

Серьезные разногласия между администрацией в Вашингтоне и курдскими лидерами вызвали вопросы о Киркуке. В силу ряда обстоятельств – значительное количество некурдского населения в городе, настроения арабского сообщества в Ираке, категорическую позицию Турции, американцы были против подчинения Киркука курдской автономии. В апреле 2003 г., после коллапса власти в Багдаде, отряды пешмерга, контролируемые ПСК, захватили Киркук. Однако, по требованию американских военных, курдские силы должны были покинуть город [155, с. 78]. В этот момент, на волне эмоций после разгрома Хусейна курды стремились немедленно выселить из Киркука тех жителей-арабов, оказавшихся там в результате многолетней политики принудительной арабизации города и района. Из-за стихийного возвращения многих выселенных ранее курдов в городе начались стычки и акты насилия. В ходе визита Барзани (тогда руководителя правительства курдской автономии) в Вашингтон в октябре 2004 г., визита в Эрбиль заместителя госсекретаря США Ричарда Армитиджа в январе 2005 г., американская сторона, очень заинтересована в участии курдов в парламентских выборах в Ираке, должны были состояться 30 января 2005 г., высказалась в поддержку необходимости возвращения в Киркук выселенных курдов, реализации положений ст. 58 переходного основного закона, однако отвергла возможность немедленной передачи Киркука под курдский контроль [60, с. 43]. Американские чиновники высказались против попыток курдской администрации депортировать арабских переселенцев, в частности, об этом в августе 2005 г. заявлял посол США в Ираке Залмай Хализад [155, с. 78]. В конце концов, американские силы в Ираке несколько притормозили попытки курдов немедленно

исправить последствия политики этнических чисток С. Хусейна, отстаивая постепенное и правовое решение этого вопроса, не допуская насилия и беззакония в отношении арабского населения.

Курдский исследователь Н. Шукри отстаивает мнение, что именно Соединенные Штаты сыграли решающую роль в том, что предусмотренный ст. 140 Конституции Ирака референдум по статусу спорных территорий так и не был проведен [155, с. 75 – 78]. Аргументы американской стороны были изложены, в частности, в докладе специальной группы для анализа ситуации в Ираке, созданной администрацией Дж. Буша в 2006 г. Ее авторы констатировали: «учитывая очень опасную ситуацию в Киркуке, для предотвращения насилия между общинами необходимо международное посредничество. Смесь курдского, арабского и туркоманского населения в Киркуке может сделать его пороховой бочкой. Референдум о будущем Киркуке был бы взрывным, и его следует отложить» [155, с. 79].

Не отвергая официально идеи плебисцита в принципе, Вашингтон приложил усилия для его переноса, что привело, как отмечалось в предыдущей главе, к тому, что установленный основным законом соответствующий срок истек. США, в частности, добились привлечения в разрешение территориального спора между Багдадом и Эрбилем ООН, а именно МООНСИ (резолюция СБ ООН № 1770), а созданная ею комиссия подготовила предложения по вариантам компромиссного решения вопроса о Киркуке (об этом подробнее говорилось в предыдущем разделе работы), которые никакую сторону не устроили.

Выше отмечалось, что в 2014 г., во время наступления ИГИЛ курды смогли взять Киркук под свой контроль, но в октябре 2017 г. отряды пешмерга были вынуждены покинуть город. Это, однако, не могло изменить позиции курдов и

разрешить узел противоречий. По сообщениям СМИ, сегодня американские дипломаты работают над формированием новой структуры безопасности в Киркуке, что позволило бы ослабить напряжение и предотвратить насилие. Речь идет о плане разместить иракские войска и силы «пешмерга» вокруг города, а обеспечение порядка в самом городе поручить местной полиции [227].

Вместе с «прокурдскими» голосами в Вашингтоне звучала и довольно острая критика в адрес иракских курдов. В частности, политолог, исследователь Ближнего Востока и бывший чиновник временной коалиционной администрации в Ираке Майкл Рубин писал (в 2005 г.) о масштабной коррупции в руководстве обеих главных курдских партий, осуществляющих неформальный контроль над бизнесом в регионе, получая теневые доходы. В другой публикации он обращал внимание на глубоко укоренившуюся клановость внутренней политики в курдской автономии, когда ключевые государственные должности разделены между людьми из семей Барзани или конкурирующей семьи Талабани[153]. М. Рубин считал необоснованным расхожий в Вашингтоне взгляд, что курдская автономия может стать моделью для демократического обустройства целого Ирака, утверждая, что ее лидеры на самом деле не являются демократами, что в Иракском Курдистане существует жесткий государственно-партийный (разделенный между двумя партиями) контроль над СМИ. , органы безопасности нарушают права человека, независимых журналистов подвергают преследованиям и т. д.[153] М. Рубин также критиковал попытки курдов противопоставить себя Турции, стратегически важному для США партнеру, их контакты с РПК, признанной Вашингтоном террористической организацией.

По крайней мере, частично, такую критику следует признать обоснованной. В то же время, стоит отметить, что со временем в Иракском Курдистане произошли значительные изменения к лучшему в сфере прав человека, свободы

слова и прозрачности экономической деятельности, хотя, безусловно, и сегодня Региону Курдистан необходимо сделать в названных направлениях.

В общем, после 2003 г. Иракский Курдистан стал важным партнером США в Ираке, а курды – единственным довольно последовательно проамериканским сообществом в этой стране, сравнительно мало уязвимым для радикального исламизма, декларировавшего свою приверженность западным демократическим ценностям. Положительные изменения в турецкой политике в отношении курдской автономии (о них говорилось выше) облегчили для США задачу поиска баланса в отношениях с Регионом Курдистан и Турцией.

Весомым фактором сотрудничества США с Иракским Курдистаном стало, начиная с 2014 г., активное участие курдов в борьбе с «ИГИЛ», захватившей значительную часть территории Ирака и Сирии, в том числе в Сирии г. Ракка, а в Ираке – Мосул, одно из самых больших городов страны. «Пешмерга» сыграли важную роль в остановке продвижения «халифата» в Ираке, со временем – в международной операции по освобождению Мосула. США вместе со многими другими странами приняли участие в обеспечении курдского войска оружием и амуницией, взаимодействовали с ними в ходе авиаударов по позициям террористов. В то же время Вашингтон активно взаимодействовал в борьбе с «ИГИЛ» с федеральным правительством в Багдаде.

Поддерживая достаточно тесные отношения с Иракским Курдистаном, руководители внешней политики США вместе с этим, несмотря на вышеупомянутую критику со стороны симпатиков курдов в Вашингтоне, были последовательны в своих попытках сохранить территориальную целостность Ирака. Вашингтон говорил об обеспечении баланса интересов Эрбиля и Багдада, а также о необходимости учитывать позицию своего стратегического партнера по

НАТО – Турции. Следовательно, «независимые» стремления курдской автономии всегда встречали негативное отношение Белого дома.

Соединенные Штаты с 2014 г. в своей политике в Ираке долго склонны были надеяться на сотрудничество с относительно умеренным правительством аль-Абади. В Вашингтоне, по всей видимости, заметно недооценивали влияние на правительство в Багдаде Ирана. В войне с «халифатом» США даже оказывали военную помощь (авиационные удары) проиранским ополченцам. Борьба с ИГИЛ, наконец, способствовала еще большему усилению позиций в Ираке иранских «прокси».

Н. Барзани был близок к решению провести референдум о независимости Иракского Курдистана в драматические дни лета 2014 г., когда ИГИЛ захватила большую часть территории Ирака, а иракские «официальные» вооруженные силы почти утратили боеспособность. По словам П. Гелбрейта, президент РК сказал тогда ему, что «Ирак больше не существует. У нас (курдской автономии. – К. А. А.) тысяча километров границы с «халифатом», и тридцать – с Ираком»[118]. Однако курды, наконец, временно отказались от проведения референдума. На их решение определенно повлияла и позиция Вашингтона. В частности, в июле 2014 г. отложить проведение голосования к победе над «Исламским государством» М. Барзани просил тогдашний госсекретарь Дж. Керри, посетивший Эрбиль [118].

В то же время, у руководства РК могло показаться, что значение курдских сил в противостоянии «халифата», в условиях кризиса, который переживала «официальная» иракская армия, сделало отношение Вашингтона к идее отделения Иракского Курдистана от Ирака более благосклонным. По крайней мере, в апреле 2015 г. на встрече с представителями всех политических партий автономии Н. Барзани заявлял, что позиция США изменилась и они не исключают идеи

независимости курдского региона [155, с. 167]. В мае 2015 г. в заявлении Белого дома подчеркивалась поддержка Соединенными Штатами Региона Курдистана, без традиционного упоминания территориальной целостности Ирака [155, с. 167 – 168], и это также могло побуждать курдов к более оптимистичной оценке позиции Вашингтона.

В конце концов президент Региона Курдистан решил все же провести плебисцит (об этом подробнее говорилось во второй главе работы). Бесспорно, Барзани, готовя голосование о независимости, надеялся получить поддержку Соединенных Штатов. Приход после выборов 2016 г. на пост президента США Д. Трампа внес в отношения Эрбиля с Вашингтоном немалый элемент неопределенности. В начале, с фигурой нового главы Белого дома, лидеры Иракского Курдистана могли связывать определенные надежды на благоприятные для них изменения в позиции США относительно национальных стремлений курдов. Еще во время президентской кампании Д. Трамп называл себя «большим поклонником» курдов (правда, речь шла о курдском меньшинстве в Турции)[248]. Не связанный со старым вашингтонским истеблишментом, Д. Трамп заметно «подвинул» в госдепартаменте элиту кадровых карьерных дипломатов, что во многом обеспечивало преемственность американской внешней политики, несмотря на изменения на высшем политическом уровне. Именно она последовательно отстаивала сохранение территориальной целостности Ирака, отвергая идею независимости Курдистана[245]. Благоприятным для курдов казалось и назначение на должность госсекретаря Рекса Тиллерсона, представителя крупного нефтяного бизнеса, занимавшегося в 2011 г. также продвижением в Иракском Курдистане компании «Эксон Мобил», причем вопреки недовольству центральных властей Ирака [245].

В мае 2017 г. в докладе «Атлантического совета», известного американского аналитического центра, касавшегося Ирака, обозначались основные противоречия между Багдадом и Эрбилем, и отмечалось, что США являются единственной стороной, которой могут доверять РК и федеральная власть, и имеют потенциал стать , преследуя собственные стратегические интересы, эффективным посредником в достижении стабильного компромисса в курдско-арабских спорах по поводу углеводородов, территорий, безопасности и т.д. Авторы доклада констатировали, что бесспорное большинство иракских курдов желает независимости для курдской автономии, и выразили взгляд, что Соединенные Штаты не должны ни поддерживать возможной курдской независимости, ни выступать против нее[148].

Нет возможности оценить, мог ли этот доклад сколько-нибудь повлиять на позицию вашингтонской администрации относительно Иракского Курдистана. В феврале 2017 г. Барзани обратился к Д. Трампу с письмом, в котором объяснял свое намерение провести референдум. Официальная реакция Вашингтона на решение курдов была отрицательной, но, в отличие от заявлений Анкары и Тегерана, довольно вялой. Спикер госдепартамента заявил лишь, что время для его проведения не является подходящим, и что он не будет обязательным для выполнения результатов [118]. 14 мая того же года курдская делегация, возглавляемая Масруром Барзани (сыном президента РК и его доверенным лицом) встречалась в Вашингтоне с несколькими американскими чиновниками, в частности советниками президента Д. Трампа, обсуждая вопросы борьбы с терроризмом, а также предстоящий референдум в Иракском Курде. Впоследствии в иракских СМИ сообщалось, что якобы американская сторона свою позицию относительно референдума не прояснила, но и не отвергла этой идеи[199].

Как представляется, в Эрбили могло показаться, что США не намерены достаточно решительно противодействовать возможному отделению Иракского Курдистана от Ирака. Тем не менее, отношение Вашингтона к перспективе отделения курдской автономии от Ирака оказалось по-прежнему однозначно отрицательным. Американские чиновники в конце концов начали настойчиво призывать курдов отменить или по крайней мере перенести проведение референдума. С такой просьбой обращались в Эрбиль государственный секретарь Р. Тиллерсон, американские высокопоставленные военные, в частности начальник Центрального командования Вооруженных сил США генерал Джозеф Воутел, министр обороны Соединенных Штатов генерал Джеймс Мэттис [226]. В сентябре 2017 г., незадолго до референдума, американские дипломаты, совместно с представителями Великобритании и ООН, попытались предложить М. Барзани альтернативу проведению плебисцита. По сообщению курдского информационного агентства, с главой РК в Дохуке встречались посол США Дуглас Силлиман, спецпредставитель президента Соединенных Штатов в коалиции против ИГИЛ Бретт МакГурк, американский генконсул в Эрбили Кен Гросс, британский посол Фрэнк Бейкер, и спецпредставитель генсека ООН. Детали предложения не обнародовались, но, как следует из сообщения, речь шла о посредничестве с привлечением СБ ООН в определенном «переформатировании» отношений курдской автономии с центральным правительством при условии, что курды откажутся от проведения голосования. В частности, Б. МакГурк, говоря от имени целой коалиции против ИГИЛ, отмечал, что референдум – плохое решение, и что он не ко времени [273]. Американский дипломат встречался также с руководством Горран, ПСК и курдского парламента, убеждая их в необходимости отказа от референдума. В то же время Н. Барзани обещал изучить предложения дипломатов, однако требовал гарантий будущей независимости, и говорил, что народ Курдистана положит конец «свободному

союзу» с государством (Ираком), которое около ста лет подвергало его притеснениям.

После проведения референдума 25 сентября 2017 г. Р. Тиллерсон заявил, что голосованию и его результатам не хватает легитимности, а США продолжают поддерживать «объединенный, федеральный, демократический и преуспевающий Ирак» [269]. Очевидно, достаточно неблагоприятным для Вашингтона развитием событий оказался захват Киркука 16 октября 2017 г. отрядами т.н. "Сил народной мобилизации" (СНМ), контролируемые и поддерживаемые Ираном. Это стало тяжелым ударом по курдской автономии, и в то же время сильно усилило иранские позиции в Ираке. В ситуации, когда Багдад, действуя «в унисон» с Анкарой и Тегераном, прибег к жесткому давлению на курдскую автономию, требуя от нее полной отмены результатов плебисцита, глава американской дипломатии в ходе двух встреч с иракским премьером призвал к диалогу с Эрбилем, усилий по деэскалации конфликта. Декларируя еще раз поддержку территориальной целостности Ирака, Р. Тиллерсон говорил, что американцы «озабочены и расстроены. У нас есть друзья в Багдаде и друзья в Эрбиле, и мы поощряем все посторонние начать дискуссию» [268]. Госсекретарь также призвал аль-Абади распустить СНМ. Последнее, однако, встретило жесткую реакцию со стороны главы иракского правительства, заявившее, что шиитское ополчение является «частью иракских институций», а его судьба – внутренним делом Ирака[259].

Решающим фактором, предопределившим позицию Вашингтона, стала остро отрицательная реакция на идею проведения референдума Турции, в определенной степени Ирана, а также иракского правительства. Традиционно отрицательной была и позиция Дамаска (хотя ее, очевидно, учитывая враждебные отношения с режимом Б.Асада и слабость официального сирийского

правительства из-за длительной гражданской войны в стране США могли бы игнорировать). О негативном отношении к идее независимости Иракского Курдистана всех стран-соседей как причине неприятия ее американцами говорил, в частности, бывший посол США в Ираке (2014 – 2016 гг.) Стюарт Джонс [255]. Американский дипломат также указывал на, по его мнению, экономическую нежизнеспособность возможного независимого курдского государства. Речь идет, очевидно, о том, что Иракский Курдистан не имеет выхода к морю, и его внешние коммуникации полностью подконтрольны Багдаду, Анкаре и Тегерану.

Критикуя отношение США к курдскому референдуму, представитель Иракского Курдистана в Вашингтоне Баян Сами Абдул Рахман отметил, что курдам всегда говорят, что время для независимости неправильно; однако, была ли когда-нибудь в Ираке стабильность и желательный ответственный партнер в Багдаде для всеобщего ведения переговоров? Он отметил, что если бы на Западе так же отнеслись бы к стремлению к независимости, например, стран Балтии или Хорватии, то были бы они сейчас независимыми...? [255].

Официальная позиция Вашингтона подверглась определенной критике в самих США. К примеру, Райан Крокер, американский посол в Ираке в 2007-2009 гг., высказал мнение, что Соединенные Штаты ослабили свои позиции в конфликте Багдада и Эрбиля, когда однозначно заняли сторону иракского правительства. Вместо Вашингтона стоило сохранить нейтралитет, что увеличило бы его потенциал в возможной роли «честного брокера» [255]. Резко критиковал администрацию Трампа также Гелбрейт, который во время референдума был неоплачиваемым советником правительства Иракского Курдистана. Он указывал на тот факт, что Регион Курдистан много лет был «бастионом стабильности» в Ираке, и заявлял, что Иракский Курдистан «больше и жизнеспособнее половины государств в ООН» [255].

Критическое отношение к тезису о необходимости сохранения территориальной целостности Ирака в его нынешних границах выражал Джон Болтон, который в апреле 2018 занял должность советника администрации президента по вопросам национальной безопасности. Он, в частности, в интервью курдскому телеканалу говорил об Ираке как о «failed state», «державшем провале», имея в виду ситуацию с безопасностью и политическую нестабильность в этой стране, и высказался в поддержку права Иракского Курдистана провести референдум по независимости[260]. В октябре 2017 г., после захвата Киркука правительственными силами Ирака и шиитским ополчением, Дж. Болтон подчеркивал, что правительство в Багдаде является проиранским, а курды – «друзьями» американцев [261]. О поддержке права курдской автономии в Ираке стать после проведения плебисцита независимым государством говорил также сенатор от Айовы правый республиканец Стив Кинг, единомышленник Дж. Болтона. По мнению Кинга, Ирак является государством, границы которого наметили во время Первой мировой войны Франция и Великобритания, и сегодня в интересах мира и международной стабильности они могут быть изменены[261]. Следует отметить, что указанные политики относятся к так называемой «чайной партии» - неформальной популистской политической общине, отчасти близкой к республиканцам, критикующей некоторые традиционные подходы американской внешней политики.

Сообщают, что позиция Дж. Болтона, вероятно, согласна со взглядами М. Помпео, который 26 апреля 2018 г. сменил Р. Тиллерсона в должности государственного секретаря [261]. Правительство шиитского большинства Адила Абдул-Махди, сформированное в Багдаде в октябре 2018 г., хотя и декларирует свою независимость, бесспорно находится под значительным скрытым иранским влиянием. Отряды шиитов-ополченцев Хашд аш-Шааби, формально подчиненные

иракскому правительству, фактически контролируются иранцами, и заявляют о своей антиамериканской позиции. В частности, в ноябре 2018 г. проиранские боевики не позволили американским самолетам приземлиться на базе в иракской провинции Анбар [218]. На фоне обострения отношений с Ираном, вызванных отказом президента Д. Трампа от выполнения соглашения по ядерной программе ИРИ, можно предположить возможное увеличение интереса американской администрации к сотрудничеству с курдской автономией в Ираке.

Таким образом, несколько десятилетий после Второй мировой войны проблема курдов в Ираке находилась в целом скорее на маргине американской политики на Ближнем Востоке. Хотя лидеры курдского национального движения в Южном Курдистане и пытались добиться поддержки своих стремлений к автономии со стороны Вашингтона, в условиях биполярного мира и холодной войны в международно-политических калькуляциях Белого дома его отношение к курдам подчинялось интересам взаимоотношений с более мощными партнерами – Ираком и Турцией.

Однако именно действия США оказались решающим фактором, изменившим политическую судьбу Иракского Курдистана. Первым поворотным моментом стала американская военная операция против захватившего Кувейт Саддама Хусейна в 1991 г. Военное поражение Ирака позволило курдам создать на севере Ирака реальную автономию, в конце концов спасенную от Багдада благодаря установленной США и союзниками «бесполетной зоне». Тогда США впервые заявили о намерении защищать право курдов в Ираке на самоуправление, а впоследствии именно американская дипломатия сыграла решающую роль в прекращении гражданской войны в Иракском Курдистане.

Второй поворотный момент определила военная операция США против Ирака в 2003 г., приведшая к свержению режима Саддама Хусейна. В этот момент курды в Ираке выступили в роли союзников американцев. В тесном сотрудничестве с последними курдские лидеры приняли активное и действенное участие в определении новых принципов государственного устройства Ирака и добились реорганизации этой страны в федерацию. В условиях политической нестабильности и масштабного насилия в постсаддамовском Ираке курдская автономия заняла последовательно проамериканскую позицию, декларировала выбор демократических, прозападных ориентиров развития, отвергла в целом исламистскую идеологию, и фактически оказалась первым союзником США и коалиции в Ираке. Получая американскую помощь она стала важным фактором американского влияния на внутреннюю политику Ирака.

В то же время в отношениях США с Иракским Курдистаном определились и несколько проблемных моментов. Первым из них стали независимость стремления курдской автономии, чьи государственно-политические отношения с центральным правительством были урегулированы лишь частично, и лидеры которой не считали ее пребывание в составе Ирака своим окончательным выбором. Между тем американская администрация, поддерживая иракский федерализм, последовательно выступала против возможной дезинтеграции Ирака и шагов Эрбиля в сторону государственной самостоятельности. Вашингтон стремился найти баланс между интересами курдов, желанием иметь приемлемые для себя отношения с правительством в Багдаде, стратегически важным партнерством с Турцией, которая всегда относилась отрицательно к идее создания независимого курдского государства. изменений границ Ирака.

Второй проблемный момент обусловили попытки курдов расширить официально признанные границы автономии, особенно их упорные усилия

присоединить к ней Киркука. США настаивали на решении спорных вопросов в рамках процедуры, предусмотренной конституцией, практически заблокированной Багдадом.

Критику в американской политической среде вызвали проявления коррупции в Иракском Курдистане, факты злоупотребления властью и нарушение демократических норм и процедур. Однако, несмотря на названные разногласия, после 2003 г. курдская автономия в Ираке в целом выполняла функцию союзника США. Курды сыграли важную роль в сдерживании, а затем в разгроме "ИГИЛ".

Приход к власти в Вашингтоне администрации популиста Д. Трампа, не связанного с традиционным политическим истеблишментом, в т. ч. из дипломатической среды, дал Эрбилю возможность надеяться на изменение отношения США к идее независимости Иракского Курдистана. Однако позиция Белого дома осталась неизменной. США отвергли проводимый курдами плебисцит как нелегитимный и присоединились к почти единогласной апелляции к курдам всех влиятельных региональных и глобальных политических актеров.

Вскоре потеря контроля над Киркуком нанесла еще один удар по незалежничким aspirations Региона Курдистан. Сегодня будущее Иракского Курдистана как государственно-политической единицы кажется малопредсказуемым, зависит от развития ряда взаимосвязанных тенденций и конфликтов. Сейчас Соединенные Штаты являются единственным действительно влиятельным на Ближнем Востоке демократическим государством – партнером курдской автономии. Как представляется, сегодня сложно оценить возможность того, что Вашингтон изменит свое негативное отношение к идее независимости Иракского Курдистана. Однако, по нашему мнению, существуют веские аргументы для США существенно поднять уровень партнерства с курдами.

Регион Курдистан имеет потенциал сдерживания продвижения в Ираке проиранских исламистов, являющихся фактором влияния на все курдские регионы Ближнего Востока, союзником Вашингтона в напряженных отношениях с Турцией. Зато для Иракского Курдистана, в условиях обострения старых разногласий с Багдадом, усиления иракского централизма, растущего проникновения в Ирак Ирана, усиления авторитаризма и антиамериканских настроений в Турции, только прочный альянс с Соединенными Штатами может быть залогом сохранения его политических и экономических демократов. развития.

3.3. Сотрудничество Иракского Курдистана с международными организациями

Отношения Иракского Курдистана с международными организациями являются важным и неотъемлемым элементом его политики, направленной на международное признание. Обращаясь к этой теме, можно, по нашему мнению, выделить в рамках ее две отличительные составляющие. Первое из них представляет рассмотрение вопросов, касающихся курдов в Ираке, Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН. К ней тесно примыкает вопрос участия созданной ООН специальной миссии для помощи Ираку в поиске путей разрешения политических конфликтов в этой стране, которые касаются курдской автономии. Вторую составляющую формируют собственно отношения Региона Курдистан с международными организациями (включая ООН) в гуманитарной, культурной и экономической сферах.

Вопросы, касающиеся Иракского Курдистана, становились предметом рассмотрения на форуме ООН несколько раз, и каждый раз речь шла о жизненно важных для политической судьбе региона решениях.

В 1991 г., когда новое курдское выступление против режима в Багдаде, из-за карательной операции иракских сил почти обернулось для Иракского Курдистана катастрофой, решение СБ ООН (резолюция № 688 от 5 апреля 1991 г.) стало правовой основой для создания на севере Ирака «бесполётной» зоны», осуществление союзниками по антихусейновской коалиции операции Provide Comfort и появления реальной курдской автономии – «Свободного Курдистана». Очевидно, что его принятие и реализация стали возможны благодаря консенсусу великих государств – постоянных членов Совета Безопасности.

Вскоре меры режима С. Хусейна по экономической блокаде курдской автономии, в сочетании с международными санкциями против Ирака, поставили население «Свободного Курдистана» в крайне затруднительное положение, вызвали острую нехватку продовольствия и товаров первой необходимости. Практически спасением для курдов стало введение ООН в 1995 г. Специальной программы для Ирака – «Нефть в обмен на продовольствие» (резолюция СБ ООН № 986). Она предусматривала предоставление Багдаду возможности продавать на мировом рынке определенное количество нефти, доходы от чего могли тратиться под международным контролем только на закупку продовольствия и других товаров, которые нельзя было использовать для военных нужд. 17% соответствующих поступлений должна получать курдская автономия. Несмотря на определенные нарушения со стороны центральных властей Ирака, действовавшая до 2003 г. программа ООН помогла обеспечить экономическое выживание «Свободного Курдистана».

Вопрос Иракского Курдистана вновь приобрел актуальность на форуме ООН в 2017 г., когда руководство автономии приняло решение о проведении референдума по независимости. Официальная позиция ООН по курдскому плебисциту отразила фактический консенсус всех более или менее влиятельных на Ближнем Востоке государств в негативном отношении к попытке курдов отделиться от Ирака. Западные дипломаты пытались убедить курдов отказаться от своего намерения, предлагали посредничество в урегулировании споров с Багдадом. ООН, в частности, была вовлечена в выработку альтернативного референдума плана «перезагрузки» отношений Региона Курдистан с федеральным центром, который в сентябре 2017 г. предложили руководству автономии США и Великобритания (о нем говорилось в первом параграфе раздела).

Накануне голосования официальный представитель Генерального секретаря организации А. Гуттереша Стефан Дюжаррик заявлял, в частности, что плебисцит может отвлекаться от усилий, необходимых для победы над террористической группировкой «ИГИЛ». Чиновник подчеркнул, что ООН уважает суверенитет, территориальную целостность и единство Ирака, призвал Эрбиль и Багдад к диалогу по спорным вопросам [209]. 22 сентября СБ ООН принял согласованное заявление относительно референдума, в котором выразило обеспокоенность его возможным дестабилизирующим влиянием, в очередной раз подчеркнул уважение к территориальной целостности Ирака, призвало решить спорные вопросы согласно конституции и найти компромисс. Совет Безопасности также отметил возможное негативное влияние проведения плебисцита на борьбу с «халифатом», решение вопросов возвращения беженцев [252].

После голосования 25 сентября 2017 г. и последующего острого кризиса в отношениях Региона Курдистан с Багдадом, а также Турцией и Ираном ООН стремилась прибегнуть к посредническим усилиям в урегулировании

конфликта. В частности, в конце октября СБ ООН призывал власти Иракского Курдистана наконец-то определиться с датой начала переговоров с Багдадом[221].

Урегулирование отношений Эрбиля с федеральным правительством было одной из тем встречи главы курдского правительства Н. Барзани с действующим спецпредставителем генерального секретаря ООН для Ирака Яном Кубисом в мае 2018 г. [278] Перед ней генсек ООН обращался к Н. Барзани с письмом, в котором повторил призыв к Эрбилю и Багдаду по срочному началу переговоров. А. Гутерреш также напомнил об опасности со стороны ИГИЛ, борьба с которой еще не завершена[180].

В отличие от ООН намерение иракских курдов провести референдум по независимости поддержала Организация непредставленных наций и народов (ОННН, английская аббревиатура UNPO). Голосование в Иракском Курдистане должно стать реализацией права на самоопределение всех наций и народов мира, которое отстаивает организация. В то же время, в ее заявлении по этому поводу подчеркивалось, что необходимо, чтобы в связанных с голосованием и его результатами политических процессах принимались во внимание права и интересы меньшинств, как на официальной территории Региона Курдистан, так и в районах, фактически контролируемых курдским. автономия, и где правительство РК также планировало провести плебисцит[267]. Следует отметить, что ОННН является лишь неофициальным форумом для этнических сообществ и регионов, стремящихся к изменению существующих государственных границ, и часто квалифицируются официальными властями как сепаратисты, и не оказывает заметного влияния на международные отношения.

Частью политических процессов в Ираке в целом и в регионе Курдистан стала деятельность Миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ), созданной в

соответствии с резолюцией СБ ООН № 1500 от 14 августа 2003 г. Впоследствии Совет Безопасности расширил его полномочия (резолюция № 1770, 0 г.). Мандат миссии предполагает содействие правительству и народу Ирака в продвижении инклюзивного политического диалога и национального примирения, помощь в организации электоральных процессов и планировании национальной переписи, облегчении диалога между Ираком и соседними странами, продвижении защиты прав человека и правовой реформы. Миссия также работает с партнерами правительства и гражданским обществом в координации усилий агентств, фондов и программ ООН.

Главой МООНСИ является специальный представитель генсека ООН в Ираке, имеющий двух заместителей. Особенно чувствительным для Иракского Курдистана направлением деятельности МООНС стали ее усилия по поиску урегулирования территориальных споров между курдской автономией и центральным правительством. Следует подчеркнуть, что миссия работала, исходя из официальной позиции ООН о незыблемости территориальной целостности Ирака, и всегда была ориентирована на выработку компромиссных и инклюзивных сценариев политического взаимопонимания. В условиях достаточно решительной настройки всех участников политического процесса в Ираке, в том числе курдского сообщества, ее задачи нередко оказывались трудно достичь.

В июне 2008 г. Миссия ООН для содействия Ираку подала свой план частичного урегулирования спора между Эрбилем и Багдадом по границам курдской автономии. Он предусматривал разделение некоторых спорных территорий в губернаторствах Дияла, Найнава и Эрбиля. В нем предлагалось признать принадлежность к Региону Курдистан двух спорных районов, курды на тот момент уже фактически контролировали – Акре в Найнаве и Махмур, разделенного между провинциями Найнава и Эрбиль. Под юрисдикцию

центрального правительства должны были отойти округа Мандали в Дияле и Хамдания в Найнаве [254].

Однако план миссии отвергли все участники спора – и курды, и арабы, и туркоманы. Курдская сторона, в частности, представитель правительства автономии Мохамед Ихсан заявила, что оно может лишь углубить разногласия между этническими группами, поскольку не принимает во внимание этнические чистки в спорных районах, проводимых в прошлом режимом Баас. Курды по-прежнему настаивали на необходимости выполнения положений 140 ст. конституции Ирака, то есть проведение на спорных территориях переписи населения и плебисцита по поводу их статуса. В то же время представители арабов и туркоманов заявляли, что план подготовлен под влиянием курдов, что он угрожает стать началом раздела Ирака, и выражали недовольство тем, что миссия учла результаты голосования на парламентских выборах 2005 г., которые бойкотировали сунниты, и на которых курды включали в избирательные списки посторонних лиц[254]. Комментируя реакцию заинтересованных сторон, Э. Гилмур, тогдашний исполнительный директор миссии, отметил, что представители миссии не удивлены негативной реакцией, поскольку компромиссы никогда не устраивают сторонников «жесткой линии» из любого лагеря.

В ноябре 2017 г., после решения иракского федерального суда, постановившего, что конституция не предусматривает возможности отделения от страны какой-либо ее части, МООНСИ призвала правительство Региона Курдистан признать и одобрить его, а также в очередной раз подчеркнула необходимость политического диалога и переговоров между сторонами [210].

Составной деятельностью миссии ООН в Ираке, в том числе в Иракском Курдистане, стали меры, направленные на улучшение ситуации с правами человека. Следует отметить, что власти Ирака, а также различные политические партии и группировки, действующие в этой стране, неоднократно подвергались жесткой критике со стороны правозащитников структур ООН, международных правозащитных организаций, за систематические грубые нарушения прав человека, в частности, насилие в отношении политических оппонентов, притеснения по религиозному признаку, нарушение прав этнических меньшинств, злоупотребление властью, пытки заключенных в тюрьмах, гендерную дискриминацию и т.д. Объектом такой критики была, а кое-где и остается, также курдская автономия.

К примеру, о систематических грубых нарушениях прав заключенных по обвинению в терроризме со стороны органов безопасности РК говорилось в докладе международной правозащитной организации Human Rights Watch, представленном в июле 2007 г. [189]. В то же время, ее власти оказались в целом более чувствительными к проблеме, чем в других регионах Ирака. В этом же докладе отмечалось, что члены правительства и руководство главных курдских партий изъявили желание сотрудничать с правозащитниками. Благодаря сотрудничеству с МООНСИ, “Human Rights Watch”, другими правозащитными организациями, в регионе Курдистан были, в частности, приняты законы (2011 г.), направленные против домашнего насилия, а также против распространенной практики немедицинского хирургического вмешательства у женщин (калечение гениталий) [249]. В 2011 г. тогдашний директор офиса по правам человека МООНС Франциско Мота отмечал лучший, по сравнению с остальным Ираком, прогресс РК в сфере защиты прав человека [253]. ООН также отмечала усилия

правительства Иракского Курдистана по реформированию тюремной системы автономии.

В рамках сотрудничества с ООН в области прав человека в декабре 2015 г. в Сулеймании состоялась международная конференция по проблемам защиты прав женщин, в которой приняла участие и представитель комитета по правам женщин парламента курдской автономии. Эти и другие подобные меры способствовали заметному прогрессу в области прав человека в Иракском Курдистане[256]. К сожалению, и сегодня в этой сфере остается немало серьезных устаревших проблем, обострившихся из-за войны с «ИГИЛ», огромного количества беженцев в регионе, действия шиитского ополчения и политической борьбы среди самих курдов. Однако в регионе существует действенная воля общества к улучшению ситуации и сотрудничество с международными организациями является заметным фактором положительных изменений.

Среди мер Офиса по правам человека Миссии ООН по помощи Ирака, проводимых в Регионе Курдистан, следует выделить серию тренингов для неправительственных правозащитных организаций, направленных на усовершенствование их умения готовить для ООН доклады о правах женщин. Один из таких тренингов проходил в Эрбиле в апреле 2018 г. [271]. Он является частью усилий ООН по поддержке гражданского общества в Ираке в целом и в регионе Курдистан, в частности, по реализации прав человека.

Конечно, внимание миссии ООН в Ираке привлекали не только эпизоды нарушения прав человека со стороны курдской власти, но и факты насилия и беззакония в отношении самих курдов в современном Ираке. После захвата Киркука и других ранее контролируемых курдами районов отрядами шиитских ополченцев из т. н. «Сил народной мобилизации» в октябре 2017 г. многие

гражданские курды подверглись с их стороны насилиям, стали жертвами мародерства и даже убийств. Тогда МООНСИ выражала свою обеспокоенность действиями проиранских формирований[272].

Важным направлением международной деятельности Иракского Курдистана является его сотрудничество с рядом международных организаций, осуществляющих гуманитарные и культурные проекты, оказывающих помощь в развитии инфраструктуры, сельского хозяйства и других отраслей экономики.

Правительство Иракского Курдистана наладило сотрудничество с таким органом ООН, как ЮНЕСКО. При поддержке этой организации в регионе осуществлены и продолжают реализовываться ряд гуманитарных и культурных проектов.

Одним из них был проект по восстановлению и сохранению объектов старинной системы подземного водоснабжения, известной как кахрез, первая фаза которого осуществлялась в 2009 году. Эта система давно пришла в упадок, а местное сельское население потеряло знания и навыки, необходимые для ее эксплуатации и поддержания в рабочем состоянии. Благодаря программе ЮНЕСКО работа части этой системы была восстановлена. Это способствовало улучшению ситуации с водоснабжением, что является проблемой для многих мест Ирака и Иракского Курдистана. Кроме этого, проект имел и общекультурную составляющую, восстанавливая и возвращая сообществам объекты национального культурного наследия [263].

При поддержке ЮНЕСКО осуществляется проект по реставрации старой цитадели в Эрбиль, что является важным объектом историко-культурного наследия Иракского Курдистана. Работы начались еще в 2007 г. В марте 2010 г. администрация Эрбиля подписала с ЮНЕСКО контракты на восстановление

цитадели и старых кварталов столицы РК, примыкающих к стенам укрепления [238]. В 2014 г. ЮНЕСКО внесло цитадель в список Всемирного наследия. В ноябре этого года город посещала генеральный директор организации И. Бокова, которая передала соответствующий сертификат главе курдского правительства, а также встретила с рядом чиновников РК, в частности, министром культуры и молодежи, министром муниципалитетов и туризма [222].

В декабре 2017 г. представительство ЮНЕСКО в Ираке и посольство Франции в этой стране представили в Эрбили совместный проект, направленный на содействие взаимопониманию и мирному сосуществованию разных сообществ в Иракском Курдистане и Ираке в целом через создание специальных программ на радио. Инициатива, которая называется «Голоса мира: продвижение мирного сосуществования на освобожденных территориях Ирака через медиа сообществ» (имея в виду территории, освобожденные от т. н. ИГИЛ), предусматривает подготовку радиопередач, которые бы избегали «языка ненависти», отражали бы и балансировали отличные взгляды и интересы разных этноконфессиональных и других групп, ориентируясь на принципы инклюзивности и сотрудничества. Отмечалось, что территории, на которые прежде направлен этот проект, это Регион Курдистан, провинция Найнава и Киркук, в которых курды живут рядом с арабами, туркоманами и другими общинами [246].

Среди партнеров Региона Курдистан из числа международных организаций следует упомянуть Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). В Ираке, в том числе в курдских районах, в последние годы фонд сосредоточил свои усилия на помощи детям, пострадавшим от войны. Речь идет о защите от насилия, обеспечении чистой водой (острой проблемой для этой страны), санитарно-гигиеническими средствами. На территории РК координацию стратегии действий ЮНИСЕФ и поставок полностью осуществляет именно региональное правительство [175].

Правительство Региона Курдистан вместе с ЮНИСЕФ занималось в 2017 г. изучением вопроса о детях, которых использовала ИГИЛ. Этим детям либо похищали и заставляли помогать террористам, либо их продавали родители [200].

Отметим также, что на территории Иракского Курдистана работает также международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1919 г., которая, как и ЮНИСЕФ, занимается помощью детям, в частности, тем, что пострадали в результате войны – «Спасем детей». Ее полевые офисы функционируют в Эрбили, Сулеймании, Дохуке, а также в Киркуке[200].

В ноябре 2016 г., когда из-за финансового кризиса работники бюджетной сферы РК страдали от длительных задержек заработной платы, курдские учителя, проводившие забастовку и акции протеста, обращались в ЮНИСЕФ с просьбой о помощи. В частности, педагоги призвали фонд оказать давление на правительство региона и на федеральные власти, чтобы последние продвигались в переговорах и поиске компромисса по спорным вопросам [234].

Примером сотрудничества Иракского Курдистана с международными партнерами, направленного на продвижение и поддержку в регионе современных демократических стандартов в образовании, является небольшой проект/инициатива группы экспертов из университетов Норвегии, Великобритании, который проводился в 2012 г. вместе с курдскими коллегами. Его участники работали с группой учителей местных школ, стремясь усовершенствовать работу последних для лучшего изучения/усвоения курдскими учениками ценностей плюрализма, прав человека, в частности, основ гендерного равноправия [139].

Отмечая положительные стороны реформы образования в РК, экспертная группа одновременно констатировала, что в Иракском Курдистане сегодня

распространен политический дискурс, в котором отрицаются конфликты и противоречия среди курдов, проявления нетерпимости в курдском социуме. Он является частью риторики курдского национализма, и одновременно проблемой, ведь отрицание негативных сторон реальности становится препятствием для ее изменений к лучшему. В то же время, по определению авторов проекта, «готовность предстать перед скрытыми, спорными или травматическими элементами национального нарратива является критическим для развития образования, направленного на формирование демократической гражданственности» [139]. Следовательно, курдским учителям «нужна речь, которой можно говорить об отличиях как существенной черте демократии, что-то обогащающее национальное единство, а не угрожающее ей»[139]. Упомянутый проект и преследовал цель «предоставить» курдским учителям такой язык.

Помимо международных правозащитных и гуманитарных организаций как в рамках ООН, так и независимых Регион Курдистан взаимодействует также с организациями, сосредоточенными на вопросах экономического развития. В частности, в Эрбили действует представительство Японского агентства международного сотрудничества (JICA) – правительственной организации, которая координирует помощь Японии развивающимся странам, а также преследует цель содействия их международному сотрудничеству. Агентство реализует проекты в разных сферах хозяйства, предоставляет гранты, льготные кредиты, обеспечивает техническое сотрудничество. В частности, в 2015 г. агентство предоставило правительству Региона Курдистан кредит в 1 млрд 470 млн долларов. [236].

Подытоживая, отметим, что Иракский Курдистан сейчас не суверенное государство, и поэтому в отношениях с международными организациями не имеет соответствующих этому статуса прав и возможностей. В то же время, связанные с

ним вопросы в 1990-х гг. несколько раз становились предметом рассмотрения в Организации Объединенных Наций, наиболее представительном международном форуме. Решения, принятые ею за понимание великих держав, оказали большое влияние на политическую судьбу курдов в Ираке, и, наконец, способствовали формированию основ нынешнего правового статуса Иракского Курдистана.

Посреднические усилия миссии ООН в Ираке, направленные на поиск компромиссного урегулирования территориальных споров курдской автономии с Багдадом, из-за слишком больших разногласий в целях и требованиях сторон оказались малорезультативными. Стремление Иракского Курдистана к независимости, в разные моменты в разной степени имплементировано в его реальную политическую активность, и решительное неприятие такого сценария другими этноконфессиональными сообществами Ирака до сих пор делали достижение устойчивого компромисса по основным спорным вопросам невозможным.

В то же время Регион Курдистан результативно сотрудничал с миссией ООН по вопросам прав человека, другим гуманитарным вопросам. Существенное значение для его социально-культурного развития, улучшения гуманитарной ситуации имело сотрудничество с ЮНЕСКО, Детским фондом ООН, которое осуществлялось в рамках их деятельности в целом. Положительное влияние на ситуацию с соблюдением прав человека в Иракском Курдистане оказала работа в нем международных правозащитных организаций.

В целом Иракский Курдистан сотрудничает с международными организациями как регион Ирака, имея при этом достаточно широкий диапазон возможностей для автономных действий. Это сотрудничество заметно способствовало экономическому и культурному развитию курдской автономии,

улучшению гуманитарной ситуации на ее территории, увеличению уровня его вовлечения в международные процессы, степени фактической международной субъектности региона.

Выводы в подразделение 3

После краха режима Саддама Хусейна и оккупации Ирака силами международной коалиции, определения новых основ его государственно-политической организации, курдская автономия, уже в статусе субъекта федерации, получила широкую перспективу развития собственных международных отношений. В условиях слабости центрального иракского правительства, анархии и насилия, охвативших страну, и при отсутствии исчерпывающего правового регулирования отношений Иракского Курдистана с федеральным центром, действия Ербиля, в частности, такие, как введение собственных виз, получили некоторых признаков международной деятельности суверенного государства, и происходили в несколько «размытом» правовом поле.

В системе отношений Иракского Курдистана, которая сложилась после 2003г., Можно выделить несколько связанных между собой, взаимосвязанных направлений и компонентов.

Ведущий стратегическое направление международных отношений Региона Курдистан формируют взаимоотношения с двумя влиятельными соседними странами - Турецкой Республикой и Исламской Республикой Иран. Взаимодействие между ними и курдской автономией имеет ряд общих черт, и одновременно некоторые существенные отличия.

Ее главным общим элементом является существование в обеих этих странах многочисленной курдского меньшинства. И Анкара, и Тегеран десятилетиями осуществляли ассимиляторскую политику в отношении курдов, подвергали курдское население политическим и культурно-культурным притеснениям, пытались силой подавить курдское национальное движение. Как руководство Турции, так и лидеры Ирана восприняли утверждение в Ираке

курдской автономии как потенциальный стимул для активизации курдского движения на своей территории, угрозу своим государственным интересам.

Сегодня единственной страной региона, поддерживающей независимость Иракского Курдистана, является Израиль. Прокурдскую позицию еврейского государства предопределяет прежде всего ее давняя стратегия заключения формальных и неформальных союзов с противниками своих врагов, среди которых одним из главных течение десятилетий был Ирак.

Среди стран за пределами Ближнего Востока, заметное значение, прежде всего экономическое, для курдской автономии имеют взаимоотношения с Российской Федерацией. Отношения Москвы с курдами имеют давнюю историю, и является сегодня одним из инструментов распространения ее влияния в регионе, подчиненным прежде всего интересам отношения с великими державами. Зато Иракский Курдистан видит в них одну из потенциально полезных внешнеполитических и экономических опций.

Ведущими из-за пределов региона для Иракского Курдистана играют являются отношения с США, сыграли решающую роль в появлении и сохранении курдского государственно-политического образования в Ираке. Для Вашингтона иракские курды стали союзником в войне с С. Хусейном и партнером в усилиях по конституционной и политической трансформации Ирака, формирование в этой стране основных демократических институтов. Во взаимоотношениях с курдами Белый дом пытался найти баланс между их интересами, поддержанием союзнических отношений и помощью курдам, и взаимоотношениями с Багдадом и Анкарой. Общая вашингтонская формула такого баланса предусматривала широкую автономию, но не независимость для курдов, функционирование в

Ираке в целом и Иракском Курдистане в частности основных демократических институтов, компромисс в решении противоречий между главными этноконфессиональными группами в стране.

ВЫВОДЫ

В ходе проведенного диссертационного исследования получены следующие выводы:

1. Анализ ступня научной разработки тематики, связанной с историко-политическими аспектами развития курдской нации свидетельствует о наличии достаточно широкого круга исследований, которые, однако, в основном сосредотачиваются на разнообразных исторических сюжетах начала и первой половины XX века и пытаются объяснить неудачи в процессе курдского государственного самоопределения. Тема образования и становления утверждения курдской автономии в Ираке и особенно внешних аспектов ее деятельности является относительно новой и поэтому она еще не успела занять ведущее место в наследиях отечественных и зарубежных исследователей.

Можно также утверждать, что современная теория международных отношений владеет достаточным инструментарием для анализа проблем становления курдской автономии в Ираке и ее роли в системе современных международных отношений. Теория политического реализма позволяет осуществить анализ статуса Иракского Курдинства в контексте сложных силовых конфигураций в регионе Ближнего Востока и Персидского Залива. Посредством системного подхода определяется роль и место курдской автономии как элемента региональной подсистемы международных отношений. Использование либеральной теории позволяет выявить значение международных институций в процессе создания и установления Иракского Курдистана. И, наконец, использование инструментария конструктивистских теорий позволяет сосредоточиться на изучении процесса конструирования курдской идентичности

не только как фактора национальной консолидации, но и обретения международной субъектности.

2. Фундамент современного статуса Иракского Курдистана был заложен после американской интервенции в Ираке в 2003 г., которая завершилась свержением режима С. Хусейна и партии Баас. Курды выступили союзниками американцев и добились реорганизации Ирака в федерацию, гарантий языковых и политических прав курдов в новой иракской конституции. Между Иракским Курдистаном и центральным правительством остаются серьезные разногласия. Прежде всего, до сих пор не завершен процесс определения границ курдской автономии, крупнейшим объектом спора является Киркук, центр нефтеносного района. Контроль над ним способствовал бы значительному увеличению экономических и военно-политических ресурсов автономии, а значит, и потенциала для утверждения в возможном статусе независимого государства. Также не урегулирован полностью конституционно-правовой статус вооруженных сил автономии (пешмерга), которые фактически находятся вне контроля федерального правительства и обеспечиваются преимущественно из бюджета Иракского Курдистана. Все это стало следствием сложных внутренних процессов и внешних факторов, не способствовавших превращению Ирака в настоящее федеративное государство.

Таким образом, при отсутствии исчерпывающего конституционно-правового урегулирования статуса курдской автономии и распределения полномочий между ней и центральной властью Ирака, реальный характер отношений Региона Курдистан с Багдадом определяется соотношением их экономического и военно-политического потенциала, давая основания говорить о

«полусуверенном» характере автономии. После 2003 г. общий баланс сил сторон имел определенную довольно сложную динамику, обусловленную влиянием американской администрации (прежде всего до вывода войск в 2011 г.), развитием самого Иракского Курдистана, уровнем контроля федерального правительства над не курдскими провинциями страны (долгое время очень низким), характером взаимоотношений основных политических сил Ирака, экономическими факторами, а также необходимостью борьбы с т. н. «ИГИЛ» и т.д. Дополнительное обострение добавило отношениям между автономией и центральным правительством проведение 25 сентября 2017 года плебисцита о независимости Курдистана.

3. Энергетический фактор остается одним из наиболее важных во взаимоотношениях между курдской автономией и центральным иракским правительством. Контроль за добычей и распределение доходов от продажи углеводородного сырья продолжает являться одним из источников конфликтов, а также инструментом политического давления. С самого начала курдская автономия поставила под полный контроль нефте и газодобывающую отрасль на своей территории, что было встречено резко негативно со стороны центрального правительства и шиитской и суннитской групп. Со времени образования автономия создала и успешно развивала инфраструктуру по добыче и транспортировке энергоресурсов, привлекая инвестиции ведущих международных компаний. Однако после обострения ситуации, связанной с вторжением ИГИЛ и существенным падением цен на нефть в 2014 году, нефтегазовая отрасль снизила доходы, что существенно повлияло на состояние финансовой стабильности курдской автономии и заставило курдское руководство согласиться на соглашение с центральным правительством по распределению нефти.

4. Среди стран – соседей Иракского Курдистана, стратегическое значение для последнего имеют отношения с Турцией и Ираном. Интерес Анкары в отношениях с Эрбилем обусловлен прежде всего потенциалом влияния курдской автономии в Ираке на многочисленное курдское меньшинство в самой Турции. Изменения в политическом статусе Иракского Курдистана после 2003 г. побудили Турцию к активному развитию контактов с курдами, целью которой было превращение Региона Курдистан из потенциальной угрозы турецким интересам в зависимого партнера, элемент турецкой стратегии по Ираку и на Ближнем Востоке в целом.

Существенный собственный вес имел также заинтересованность Анкары в нефтегазовых ресурсах Иракского Курдистана. Многие турецкие инвестиции способствовали экономическому развитию курдской автономии; в то же время, транспортировка нефти через турецкую территорию приобрела критическое значение для экономики РК, давая Анкаре мощный рычаг влияния на курдов. Вместе с этим, сближение Иракского Курдистана с Турцией, связанное, прежде всего, с ДПК и семьей Барзани, не привело к изменению негативного отношения Турции к его возможной независимости. Сегодня Турецкая Республика остается сильнейшим региональным партнером Региона Курдистан, однако референдум 25 сентября 2017 г. продемонстрировал глубокие отличия в стратегических интересах сторон, сугубо прагматический характер взаимоотношений Эрбиля и Анкары.

Как и Турция, Иран стремится подчинить взаимоотношения с курдами в Ираке целям своей политики в отношении курдов на собственной территории, а также задачей стратегии по Ираку в целом, направленной на влияние на Багдад через различные шиитские группировки и организации. Тегеран использует противоречие между курдскими политиками, опираясь при этом в первую очередь

на свое экономическое и политическое присутствие в приграничной с Ираном части РК.

Для Иракского Курдистана отношения с Ираном достаточно важны с экономической точки зрения. Политический вес Тегерана делает диалог с ним необходимым для Эрбиля. Потенциально главной проблемой в курдско-иранских отношениях является стремление курдов в Ираке к независимости. В общекурдской проекции интересы Иракского Курдистана и нынешнего режима в Тегеране выглядят малосовместимыми.

Еще одним из важных государств, оказывающих влияние на развитие региона, является Российская Федерация, пытающаяся подчеркнуть именно экономическую составляющую своего интереса. В то же время значение Иракского Курдистана для нее растет в контексте политики по Сирии, направленной на превращение в ведущего игрока на Ближнем Востоке.

Отношения Региона Курдистан с ЕС осуществляются, прежде всего, в русле экономического и гуманитарного сотрудничества. Общая политика Евросоюза ориентирована на поддержание признанных принципов международного порядка, компромиссных путей разрешения споров, диалога вовлеченных в те или иные конфликты сторон. Кроме того, в зарубежной политике ЕС практически отсутствует собственная военная составляющая.

5. Соединенные Штаты остаются самым влиятельным международным партнером Иракского Курдистана. Само утверждение курдской автономии в ее современном статусе явилось результатом военного вмешательства Соединенных Штатов в Ираке сначала в 1991 г., но прежде всего в 2003 г., которое привело к устранению режима С. Хусейна и государственно-политической реорганизации Ирака. В период оккупации страны силами международной коалиции

сформировались партнерские отношения между США и курдской автономией, которой Вашингтон оказал разную помощь. Американско-курдское партнерство явилось существенным фактором влияния Вашингтона на Ирак в целом. Не считая того, стремясь добиться долговременного урегулирования отношений Эрбиля и Багдада, США выступали в роли посредника в моменты обострения курдско-арабских конфликтов, сдерживая обе стороны.

Соединенные Штаты последовательно поддерживали демократические ориентиры развития Иракского Курдистана. В то же время константой политики Вашингтона в отношении Ирака стала поддержка территориальной целостности страны в ее современных границах, негативное отношение к идее обособления Курдистана. В Белом доме преобладал взгляд, что такой сценарий развития событий привел бы к резкой активизации курдского движения в соседних странах, что осложнило бы отношения США с Турцией, важным партнером по НАТО и на Ближнем Востоке. Кроме того, поддержка курдской независимости подорвала бы потенциал американского влияния на правительства в Багдаде, угрожала бы единству арабских регионов Ирака, а также неконтролируемой дестабилизацией всего арабского Востока. Кредо Вашингтона в отношении проблемы Иракского Курдистана стала концепция широкой автономии для курдов при сохранении территориальной целостности Ирака и компромиссного урегулирования споров между Эрбилем и Багдадом.

6. Наряду с отношениями с США, Турцией и Ираном, Иракский Курдистан сотрудничает с рядом других влиятельных международных организаций. Здесь, прежде всего, следует выделить ООН и ее учреждения. Речь идет в частности, о деятельности в Ираке в целом и в регионе Курдистан Миссии ООН для содействия Ираку (МООНСИ) с 2003 года, направленной на комплексную стабилизацию в Ираке. Важным направлением международной деятельности

Иракского Курдистана является его сотрудничество с рядом международных организаций, осуществляющих гуманитарные и культурные проекты, оказывают помощь в развитии инфраструктуры, сельского хозяйства и других отраслей экономики. Так, с помощью ЮНЕСКО в регионе положены и продолжают реализовываться проекты, в частности, по восстановлению и сохранению старинной системы подземного водоснабжения, известной как «кахрез», а также по реставрации старой цитадели в г. Эрбиль, что является важным объектом историко-культурной наследия Иракского Курдистана и в 2014 году был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Отже, можна констатувати, що наразі для Іракського Курдистану державна незалежність знаходиться за межами реальної політичної перспективи, а усі впливові на Близькому Сході держави, за винятком Ізраїлю, зацікавлені у збереженні територіальної цілісності Іраку в існуючих кордонах, підтримуючи автономний статус курдського регіону Іраку. Водночас, низка чинників, зокрема, посилення протиріч між США та Іраном, погіршення стосунків Вашингтона та Анкари, здатні збільшити інтерес Сполучених Штатів до курдського питання та потенціал американської підтримки курдів. У цілому, політичне майбутнє Іракського Курдистану визначатиме загальний характер міжнародної динаміки на Близькому Сході, а також розвиток внутрішньополітичних процесів в Іраку.

Следовательно, можно констатировать, что для Иракского Курдистана государственная независимость находится за пределами реальной политической перспективы, а все влиятельные на Ближнем Востоке государства, за исключением Израиля, заинтересованы в сохранении территориальной целостности Ирака в существующих границах, поддерживая автономный статус курдского региона Ирака. В то же время ряд факторов, в частности, усиление противоречий между США и Ираном, ухудшение отношений Вашингтона и

Анкары, способны увеличить интерес Соединенных Штатов к курдскому вопросу и потенциал американской поддержки курдов. В целом, политическое будущее Иракского Курдистана будет определять общий характер международной динамики на Ближнем Востоке, а также развитие внутривосточных процессов в Ираке.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Алієв М. Зовнішня політика Туреччини наприкінці 1990-х років ХХ ст. – на початку ХХІ ст. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.kyumu.edu.ua/vmv/v/09/06.htm>
2. Аль-Брайчат Салман Давуд Салман. Традиції і новації системи права сучасного Іраку. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук. Спеціальність 12.00.01. – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень. – Одеса, 2015. – 20 с.
3. Антанович Н., Достанко Е. Ганс Моргентау: реалистическая теория международной политики / Антанович Н., Достанко Е. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – № 1. – 2013. – С. 76–81.
4. Арешев Андрей. Курдский фактор в Ираке [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.fondsk.ru/pview/2016/11/04/kurdskiy-faktor-v-irake-429...>
5. Бадерхан Ф. Постоянная конституция Ирака и интересы курдов // Курдский вопрос в Западной Азии в начале ХХІ века. Сборник статей. – Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2006. – С. 126 – 140.
6. Барзани Масуд. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение, 1931 – 1961 гг. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 373 с.

7. Беззуб'як М. Базові положення теорії націоналізму // Політичний менеджмент. – 2013.– № 1–2. – 2013.– С. 11–20.
8. Белова О. В. Реализм, неореализм и постклассический реализм: эволюция основных категорий // О. В. Белова // Актуальні проблеми політики. – 2014. – Вип. 52. – С. 47–56.
9. Березнева епопея з незалежністю Курдистану // Військова панорама [Електронний ресурс] – Режим доступу: [http : // wartime.org.ua/1539 – berezneva-eroreja...27.03.2012](http://wartime.org.ua/1539-berezneva-eroreja...27.03.2012) р.
10. Бобкин Н. Н. Положение курдского меньшинства в Иране / Н. Н. Бобкин // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03. 2015 г.). – Москва: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 69–81.
11. Борділовська О. А., Кухта В. В. Моделі врегулювання курдської проблеми: досвід чотирьох близькосхідних країн / О.А. Борділовська, В.В. Кухта // Гілея: науковий вісник: Збірник наукових праць.– № 86. – Київ, 2014. – С. 397–403.
12. Боровский Ю.В., Гвоздев П.А. Реализм в полемике с неолиберализмом и конструктивизмом: основные моменты дискуссии на рубеже столетий / Боровский Ю.В., Гвоздев П.А. // Вестник МГИМО – Университета. – № 5 (44). – 2015. – С. 126–135
13. Брусиловська О.І. Розвиток теорії міжнародних відносин в США: дискусії в сучасній політології // Міжнародні відносини. Серія «Політичні науки». – 2015. – № 5. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: journals.iir.kiev.ua/index.php/pol_n/issue/view.134

- 14.Бхари Абдула Кадер. Генезис курдской проблемы в 20-х годах XX века и позиция СССР / Бхари Абдула Кадер // Міжнародні відносини. Вип. 7 (частина II). – Київ: Київський університет, 1997. – С. 171–177.
- 15.Бхари Абдула Кадер. Ирано-иракская война и курдская проблема / Бхари Абдула Кадер // Актуальні проблеми міжнародних відносин. Вип. 7 (ч. 1). – Київ, 1998. – С. 66–67.
- 16.Бхарі Абдула Кадер. Курдська проблема в міжнародних відносинах на Близькому та Середньому Сході с сер. 70-х – 90-ті рр. Автореф. дис...канд. політ. наук. Спеціальність 23.00.04. – Політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку. – Київ, 2000. – 19 с.
- 17.Бхари Абдула Кадер. Курдская проблема на рубеже 80-х – 90-х годов / Бхари Абдула Кадер // Актуальні проблеми міжнародних відносин. Вип. 13 (ч. II). – Київ, 1999. – С. 43–53.
- 18.Вартаньян Э. Курдская проблема в период первой мировой войны и в первые послевоенные годы в контексте национальной безопасности России и позиций Англии и Германии / Вартаньян Э. // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2016. – Т. 8. – № 1. – Ч. 2. – С. 13–20.
- 19.Вертяев К. Политическое значение курдского вопроса в Турции / К. Вертяев // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН, 11. 03. 2015 г.). – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – С. 55–61.
- 20.Вертяев К., Жигалина О., Иванов С. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). – Москва: ИВ РАН, 2013. – С. 36 – 38. – 142 с.

- 21.Габер Є. В. Американо-турецькі стосунки за президентства Барака Обама: нові можливості та нові виклики // Вісник ОНУ. – 2009. – Вип. 2. – С. 151–159.
- 22.Гама Али Кадер Макван. Внешнеполитический аспект стратегий курдских партий / Гама Али Кадер Макван // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць. – Київ: Київський національний університет ім. Т. Шевченка, Інститут міжнародних відносин, 2005. – Вип. 56 (ч. 2). – С. 37–42.
- 23.Гама Алі Кадер Макван. Курдська проблема в контексті врегулювання іракської кризи. Автореф. дис...канд.. політичних наук. 23.00.04. – політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку. – К., 2007.
- 24.Гама Али Кадер Макван. Международно-правовые аспекты политики режима С.Хусейна в отношении курдского меньшинства в конце XX в. // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – Вип. 53 (Частина I). – К., 2005. – С. 87–92.
- 25.Гама Али Кадер Макван. Проблема государственного устройства Ирака после свержения режима Саддама Хусейна: позиция курдов / Гама Али Кадер Макван // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових працью – Київ: Київський національний університет ім. Т. Шевченка, Інститут міжнародних відносин, 2004.– Вип. 48(ч. 1).– С. 78–83.
- 26.Гама Али Кадер Макван. Роль курдов в становлении демократии в Ираке / Гама Али Кадер Макван // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць. – Київ: Київський національний університет ім. Т. Шевченка, Інститут міжнародних відносин. – Вип. 49 (ч. 2). – 66–68.

27. Голуб В. Становище курдської меншини на території Туреччини, Іраку, Ірану та Сирії наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст. // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Міжнародні відносини». – 2010. – Вип. 2. – С. 154–163.
28. Егоров В.К. Курдский фактор во внешней политике Турции / В.К. Егоров // Курдский вопрос в Западной Азии в начале ХХІ века. Сборник статей. – Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2006. – С.
29. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. / О.И. Жигалина. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. – 240 с.
30. Задонский С. М. Ирано-иракские отношения на современном этапе / С.М. Задонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/31-07-09/> a. html
31. Иванов С. Иракский Курдистан на современном этапе (1991 – 2011). Монография. – Москва: ИМЭМО РАН, 2011. – 86 с.
32. Иванов С.М. Иракский Курдистан и курдское национальное движение // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03. 2015 г.). – Москва, 2015. – С. 6–20.
33. Камаран Али Хасан. Основные факторы и препятствия для развития нефтегазового комплекса Иракского Курдистана / Камаран Али Хасан // Науковий вісник Одеського національного економічного університету. – Науки: економіка, політологія, історія. – 2014. – № 12 (220). – С. 62–71.

34. Корчинський М.В. Двосторонні відносини Іракського Курдистану після завершення війни в Іраку (2003 – 2011 рр.) / М.В. Корчинський // Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник». – Вип. 108. – С. 304–308.
35. Климчук І. І. Формування і розвиток феміністських підходів у теорії міжнародних відносин / І. Климчук // Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник». – Вип. 109. – С. 300–305.
36. Кхасраві О. З. Характеристика окремих етапів становлення адміністративного законодавства Курдистанського регіону Республіки Ірак / О.З. Кхасраві // Вісник ОНУ ім. І.І. Мечникова. Правознавство. – 2013. – Т. 18. Вип. 1 (18). – С. 108–113.
37. Кузик П. Конструктивістська концепція А. Вендта: від критики «міжнародної анархії» до ідеї невідворотності світової держави / П. Кузик // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини. – 2013. – Вип. 32. – С. 98–103.
38. Кшановський Владислав. Політика США щодо іракських курдів під час режиму генерала Абдель Керіма Касема (1958 – 1963) / Владислав Кшановський // Емінак. № 3 (15). – Київ – Миколаїв, 2016. – С. 30–35.
39. Лазарев М. Империализм и курдский вопрос (1917 – 1923). / М. Лазарев – Москва: Наука, 1989. – 325 с.
40. Лазарев М.С. Исламизм в современном Курдистане / М.С. Лазарев // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий (круглый стол 19.02. 2004 г.). – Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 102–104. /уточн./

- 41.Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос / М. С. Лазарев. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 310 с.
- 42.Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос: 1923 – 1945. / М.С. Лазарев – Москва: Восточная литература, 2005. – 308 с.
- 43.Лазарев М.С. Курды – народ гонимый / М.С. Лазарев // Азия и Африка сегодня. – Москва, 1991. – № 10. – С. 13–16.
- 44.Лазарев М.С. Разделенный народ / М.С.Лазарев // Азия и Африка сегодня. – 1990. – № 11. – С. 11–15.
- 45.Лазько О. М. Проблеми етнополітики у класичних теоріях та в сучасних етнополітичних концепціях // Актуальні проблеми державного управління. – 2014. – № 1. – С. 194–201.
- 46.Лукоянов А. Курдистан и Израиль (перспективы сотрудничества) // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. Сборник статей. – Москва, 2006. – С. 46 – 61.
- 47.Лукоянов А. Отношения Иракского Курдистана с Израилем // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН, 11.03.2015 г.).– Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – С. 43 – 50
- 48.Мазур О. Г. Методологія дослідження зовнішньої політики держав /О. Г. Мазур //Політологічні записки. – № 2(10). – 2014. – С.93–109.
- 49.Макаренко Е.М. Особливості управління етнічними конфліктами в сучасному світі. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www/academy.gov.ua/ej/ej13/txts/Makarenko.pdf>.

- 50.Макаров Р. Створення королівства Ірак – наслідок часткової невдачі експансіоністських планів Великобританії (з досвіду практичного сходознавства зовнішньополітичного відомства України) / Р. Макаров // Ученые записки Таврического національного университета им. В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки». – Т. 24 (63), № 1: спецвыпуск «История Украины», 2011. – С. 72–89.
- 51.Макаров Р. Этнический и религиозный факторы в Мосульском территориальном споре (1918 – 1926: гг.): урок прошлого для ответа на вызовы современности / Р. Макаров // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 1 (67). – 2015. – № 4. – С. 123–136.
- 52.Мальський М., Мацях М. Теорія міжнародних відносин. Вид. 2-е, перероблене і доповнене / Мальський М., Мацях М. – Київ: Кобза, 2003. – 528 с.
- 53.Манафова А.Д. Нефтяная политика Ирака. 2003 – 2016 гг. / А. Д. Манафова – Москва: Институт Ближнего Востока, 2017. – 196 с.
- 54.Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. / Ш.Х. Мгои – Москва: Наука, 1991.
- 55.Мгои Ш.Х. Политические изменения в Южном Курдистане после конфликта в Персидском заливе / Ш.Х. Мгои // Южный Курдистан сегодня. – Москва, 1997. – С. 23–24.
- 56.Мгои Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике (1958 – 1970). / Ш.Х. Мгои – Ереван: Изд.-во Армянской ССР, 1977. – 320 с.

57. Мгой Ш.Х. Сложности реализации автономии Южного Курдистана и факторы ее необратимости / Ш. Х. Мгой // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. Сборник статей. – Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2006. – С. 84 – 96
58. Месамед В. Визит президента ИРИ М. Ахмадинежада в Ирак / В. Месамед. – Москва: Институт Ближнего Востока, 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iimes.ru/rus/stat/2008/17-03-08c.htm
59. Минасян С. Израильско-курдские отношения в контексте политических процессов на Ближнем и Среднем Востоке / С. Минасян // «21 век». – № 2 (6). – 2007. – С. 88–108.
60. Мосаки Н. З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е гг. XX века – начало XXI века). / Н.З. Мосаки. – Москва: ИВ РАН, 2011. – 346 с.
61. Мосаки Н. З. Экономические отношения Ирана с Иракским Курдистаном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=14060&print=1>. /31.01.2012/
62. Мосаки Н. З. Этнические меньшинства на выборах в парламент Иракского Курдистана / Н. З. Мосаки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iimes.ru/?=18414&print=1>
63. Мощенко О.М. Близькосхідний вектор зовнішньої політики Турецької Республіки в постбіполярний період. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата політичних наук. Спец. 23.00.04. – політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку. – Київ, 2017. – 225 с.

64. Мощенко О. М. Пріоритетні напрямки зовнішньої політики Туреччини у близькосхідному регіоні / О. М. Мощенко // Стратегічні пріоритети. – № 4 (29). – 2013. – С.183–191.
65. Мухаммад Хідер Мавлуд Хаджі. Преса України та Іракського Курдистану в перехідний період становлення демократії. / Мухаммад Хідер Мавлуд Хаджі – Луганськ, СПД Рєзніков В.С., 2014. – 200 с.
66. Мхитарян Н. І. Особливості формування сучасної зовнішньої політики Туреччини / Н. І. Мхитарян // Стратегічні пріоритети. – № 1 (22). – 2012. – С. 177–182.
67. Ниязатов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. / Ш.А. Ниязатов. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 176 с.
68. Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). / Е.М. Примаков. – Москва : Российская газета, 2006. – 384 с.
69. Раванди–Фадаи Л.М. Иранские курды на современном этапе развития / Л.М. Раванди–Фадаи // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03. 2015 г.). – Москва: ИМЭМО РАН, 2015. – С.62–68
70. Ратніков М. І. Проблеми американо-турецьких відносин за минуле десятиліття / М. Ратніков. // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – Вип. 103. (Частина 1). – Київ, 2011. – С. 221–223.

71. Розумюк В. Теорія міжнародних відносин: шляхи еволюції та перспективи розвитку / В. Розумюк // Антологія творчих досягнень. – К.: ІСЕМВ НАН України, 2004. – Вип. 1. – С. 199–206.
72. Сапронова С.А. Проблема Киркука в отношениях федеральных властей Ирака и Иракского Курдистана / С.А. Сапронова // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03. 2015 г. Под ред А.Г.Арбатова). – Москва: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 28–38.
73. Сафронова О. В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений / О.В. Софронова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения, Политология, Регионоведение». – Вып. 1 (2). – Нижний Новгород: Изд.-во Нижегородского университета, 2004. – С. 99–105.
74. Семенів Н.М. Основні теоретичні підходи до вивчення проблеми міжетнічних відносин // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. – 2013. – № 1. – С. 372–380.
75. Свистунова И.А. Ближневосточный вектор турецко-американских отношений / И.А. Свистунова // Проблемы национальной стратегии. – № 5 (26). – 2014. – С. 56–73.
76. Свистунова И. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия / И. Свистунова // Проблемы национальной стратегии. – № 4 (13). – 2012. – С. 39–56.

- 77.Свистунова И.А. Визит в Ирак министра иностранных дел Турции А. Давутоглу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?=9295>.
- 78.Свистунова И.А. Иракский фактор во внешней политике Турецкой Республики (1990 – 2006 гг.). Автореферат...канд. истор. наук. Спец. 07.00.15. – история международных отношений и внешней политики. – Москва, 2007. – 21 с.
- 79.Свистунова И.А. Турецко-иракские отношения в условиях региональной нестабильности / И.Свистунова // Проблемы национальной стратегии. – № 6 (21). – 2013. – С. 38–54.
- 80.Сенников А.И. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1977 – 1978 гг. / А.И. Сенников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 1. – С. 41–46.
- 81.Серушт Наджад. Преимущество и трансформация политики Европейского Союза в отношении Иракского Курдистана / Серушт Наджад // Научный журнал «Політікус». – Вып. 1. – 2017. – С. 211–217.
- 82.Сінкевич Є. Г., Попова С. М. Курдська проблема на рубежі ХХ – ХХІ століть / Сінкевич Є. Г., Попова С.М. // Историчний архів – 2010. – № 4. – С. 98–101.
- 83.Сморжевська А. Г. Місце післявоєнного Іраку у зовнішній політиці Ісламської Республіки Іран / А.Г. Сморжевська // Міжнародні відносини. Серія: політичні науки. – Київ, 2016. – № 10.

84. Старченков Г. Нефтяная ситуация в Иракском Курдистане // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. Сборник статей. – Москва, 2006. – С. 279 – 289. – 342 с.
85. Степанова Н.В. Южный Курдистан и развитие политического процесса в Ираке / Н.В. Степанова // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. – Москва, 2006. – С. 62–83.
86. Стрільчук Л. Еволюція близькосхідної політики США щодо Іраку (90-ті рр. XX – початок XXI ст.) // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету ім. Лесі Українки. Вип. 21.–2013. – С. 116–121.
87. Субханкулова Р.Р. О нефтегазовой отрасли Ирака. Научное издание. / Р.Р. Субханкулова. – Москва, 2014. – 98 с.
88. Федорова И. США и иракские курды / И. Федорова. // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. Сб. статей. – Москва: ИВ РАН, Институт Ближнего Востока, 2006.
89. Ханалиев Н. У. О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2018. – № 1. – С. 8 – 9. – Режим доступа: [www. evestnik–mgou.ru](http://www.evestnik-mgou.ru)
90. Худолій А. Зовнішня політика Туреччини на Близькому Сході / А. Худолій // Вісник Донецького національного університету імені Василя Стуса. Серія: Політичні науки, 2017. – С. 34–42.
91. Чернин В. Израиль и независимость Иракского Курдистана [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=38122>

92. Черник П.П. Україна – Ірак: геополітичне тестування / П.П.Черник // Віськово-науковий вісник / Львівський інститут Сухопутних військ ім. гетьмана П. Сагайдачного Національного університету «Львівська політехніка». – Львів, 2003. – Вип. 10. – С. 216–230.
93. Чернова А.Ф. Курдская проблема в ирано-иракских отношениях второй половины XX века // Terra Humana. Общество. Среда. Развитие. – 2011. – С.99–101.
94. Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики / П.А.Цыганков // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2102. – № 1. – 25–40.
95. Цыганков П.А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений / П.А. Цыганков // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 119–130.
96. Шелест Г. Референдум щодо Іракської Конституції // Волович О., Шелест Г. Ірак на шляху випробувань і відродження. Зб. статей і аналітичних матеріалів. – Одеса: Національний інститут стратегічних досліджень. Регіональний філіал у м. Одеса. – Фенікс, 2010. – 397 с.
97. Шелест А. Спорные вопросы остались нерешенными // Волович О., Шелест Г. Ірак на шляху випробувань і відродження. Зб. статей і аналітичних матеріалів. – Одеса: Національний інститут стратегічних досліджень. Регіональний філіал у м. Одеса. – Фенікс, 2010. – 397 с.
98. Шергін С.О. Реалізм і модернізм в американській політології міжнародних відносин: еволюція «реалістичної» парадигми / С.О. Шергін // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – Вип. 107 (Частина І). – 2012. – С. 13–21.

99. Шлыков П. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? / Павел Шлыков // Перспективы. Фонд исторической перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : // www.perspectivy.info/print.php? ID=204299/](http://www.perspectivy.info/print.php?ID=204299/)
100. Ямпольська Л. М. Мустафа Барзані (1903 – 1979) у курдському національно-визвольному русі // Сучасні тенденції сходознавства: зб. наук. праць за матеріалами XII Всеукраїнської науково-практичної конференції, 22 – 23 квітня 2016 р. – Харків : ХНПУ, 2016. – С. 141–151.
101. N. Ahmad, L. Lybaek, A. Mohhamed, A. Osley. Democracy and diversity: teaching for human rights and citizenship in post-conflicting Iraqi Kurdistan [Internet source]. – Access mode: <http://www.researchgate.net/publication/281451841>
102. Alkadiri Raad. Oil and the question of federalism in Iraq // International Affairs. – Vol. 86. – # 6, Post-American Iraq (November 2010), pp. 1315–1328. [Internet source]. – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/40929764>
103. “Anfal”. The Iraqi State’s Genocide against the Kurds. The Center of Halabja against Anfalization and genocide of the Kurds (CHAK), 2007.
104. Arikanri Zeynep. British Legacy and the Evolution of Kurdish Nationalism in Iraq (1918 – 1926): What significance? / Arikanri Zeynep // CAEI. Working Paper # 16. Programa Medio Oriente. – 29 p.
105. Arming Iraqs Kurds: Fighting IS, Inviting Conflict. Middle East Report. – # 158. 12 May 2015. International Crisis Group. Working to prevent conflict worldwide. – 44 p.

106. Al-Qarawee Harith. Redefining a Nation: The Conflict of Identity and Federalism in Iraq / Harith Al-Qarawee // *Centro studi sul federalismo. Perspectives on Federalism.* – Vol. 2. – Issue 1, 2010. – Pp. 32–41.
107. Barkey, Henry J. Turkey's New Engagement in Iraq. Embracing Iraqi Kurdistan // *United States Institute of Peace. Special Report. # 237, May, 2010.*
108. Barzegar K. Iran's Foreign Policy in Post-Invasion Iraq / K. Barzegar. // *Middle East Policy.* – vol. XV. – # 4, Winter, 2008. – Pp. 47–58.
109. Baser Bahar, Toivanen Mari. The Politics of Genocide Recognition: Kurdish Nation-building and Commemoration in the Post-Saddam Era. – 38 p. /2017/
110. Bongers Rob. Iran's foreign policy toward post-invasion Iraq / Rob Bongers // *Journal of Politics and international studies.* – Vol. 8, winter 2012/13. – Pp. 124–160.
111. Bruinessen, Martin van. Iraq: Kurdish challenges // *Looking into Iraq*[Chaillot paper # 79]. – Paris: Institute for Security Studies, European Union, 2005 – Pp. 45–72.
112. Danilovich Alex. Iraqi Federalism and the Kurds. Learning to Live Together. – University of Kurdistan – Hawler, Iraq. – Ashgate, 2014. – 194 p.
113. Denise, Natali The Kurdistan Region of Iraq: Stabilizer or Spoiler? // *Georgetown Journal of International Affairs.* – Vol. 14. – # 2 (Summer/Fall 2013), pp. 71–79. [Internet source]. – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/43134413>

114. Ditz J. Iraqi Kurdish Officials Postpone Secession Referendum [Электронный ресурс]. – Access mode: [http : news.antiwar.com/2014/09/04/Iraqi-kurds-officials...](http://news.antiwar.com/2014/09/04/Iraqi-kurds-officials...)
115. O'Driscoll D., Sasnal P. Is Three a Crowd? The Kurds, Baghdad and Poland / D.O'Driscoll, P. Sasnal // Policy Paper. PISM. – # 30 (132)/ – September, 2015. – Pp. 1–6.
116. Frappi Carlo. The Energy Factor. Oil and State Building in Iraqi Kurdistan // Kurdistan. An Invisible Nation. Ed. by Stefano M. Torelli. – ISPI, Milano, 2016. – Pp. 91 – 121.
117. For Iraqi Kurds, Trump brings hope for independence [Internet source]. – Access mode: [https: // www.foreignaffairs.com/articles/2017-04-12/iraki-kurds-trump-brings-hope-for-independence](https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-04-12/iraki-kurds-trump-brings-hope-for-independence)
118. Galbraith Peter W. Why the Kurds are Paying for Trump's Gift to Iran? [Internet source]. / Peter W. Galbraith – Access mode: www.nybooks.com/daily/2017/11/02/kurds-pay-for-trump's.../?printpage=true
119. Gomes A. F. Providing Comfort to Iraq's Kurds. Forming a de facto Relationship. Thesis. – Naval Postgraduate School, Monterey, California. – 2016. – 79 p.
120. Gulf Center for Human Rights. Iraqi Kurdistan: Women Human Rights Defender Challenging a Continuum of Violence. Mission Report. June, 2016. – 16 p.

121. Gruen G.E.. The Oil Resource of Iraq: Their Role in Policies of the Great Powers // The Creation of Iraq. Ed. by R.S.Simon and E.H. Tejiran. Columbia University Press, 2004. – P. 119.
122. Cengiz Gunes. The IS Factor. The Kurds as a Vanguard in the War on the Caliphate // Kurdistan. An Invisible Nation. Ed. by S.M.Torelli. – ISPI, Milano, 2016. – P. 71–91.
123. Goran Sabah Ghafour. Portrayal of the Iraqi Kurdistan Region in U.S. Newspapers: 2003 – 2010. – University of Kansas, 2011. – 72 p.
124. Gunter M. The Contemporary roots of Kurdish Nationalism in Iraq / M. Gunter // KUFA REVIEW: # 2. – Issue 1. – Winter 2013. – Pp. 29–47.
125. Gunter Michael M. The Kurds Ascending. The evolving solution to the Kurdish problem in Iraq and Turkey. – Palgrave, Macmillan, 2008. – 193 p.
126. Gunter Michael M. The Five Stages of American Foreign Policy towards the Kurds / Michael M. Gunter // Insight Turkey. – Vol. 13. – # 2. – 2011. – P. 93–106
127. Gunter Michael M.. Trump, Turkey and the Kurds / Michael M. Gunter [Internet source]. – Access mode: <https://www.mepc.org/journal/trump-turkey-and-kurds>. /Middle East Policy, vol. XXIV, # 2. Summer 2017/
128. Hawkar, Muheddin Jalil. The British Administration of South Kurdistan and Local Responses, 1918 – 1932. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester. – 2017. – 208 p.

129. Itzchakov Doron. Conflicting interests: Tehran and the national aspiration of Iraqi Kurds // The Begin-Sadat Center for Strategic studies. Bar-Ilan University. December, 2017. – 21 p.
130. Izady M.R. Kurds and the Formation of the State of Iraq. 1917 – 1932. // The Creation of Iraq. Ed. by R.S.Simon and E.H. Tejiran. Columbia University Press, 2004. – P. 96.
131. Jude, Johannes. Contesting borders? The formation of Iraqi Kurdistan de facto state / Johannes Jude // International Affairs 93 :4 (2017). – Pp. 847–863.
132. Jungbluth Silke. The Future of Iraqi Kurdistan: The “Islamic State” as a Catalyst for Independence? / Silke Jungbluth // The Aland Island Peace Institute. August, 2015. – 14 p.
133. Kader Aziz, Eduard Soler i Lecha. British Legacy and Evolution of Kurdish Nationalism on Iraq (1918 – 1926). What Significance the “Mosul Question”? / Aziz Kader, Eduard Soler i Lecha // CAEI. Working Paper # 16. Programa Medio Oriente. 2010.?
134. Kader Aziz, Eduard Soler i Lecha. Iraqi Kurdistan and beyond: the EU’s stakes / Aziz Kader, Eduard Soler i Lecha. // Future notes. – # 9. – February, 2018. – 6 p.
135. Kane, Sean, Joost R. Hilterman, Raad Alkadiri Iraq’s Federalism Quandary // The National Interest. – # 118 (March/April 2012), pp. 20–30. [Internet source]. – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/42896437>
136. Katzman Kenneth. Iran – Iraq Relations / Kenneth Katzman. CRS report for Congress. – August, 2013. – 14 p.

137. Kerim Yildiz. *The Kurds in Iraq. Past, Present and Future.* – London, Ann Arbor, MI.: Pluto Press, 2007. – P. 10 – 11.
138. Korn David A. *The Last Years of Mustafa Barzani* [Internet source]. – Access mode: [http: // www.meforum.org/the-last-years...](http://www.meforum.org/the-last-years...)
139. L. Lybaek, I.R. Mohammed, A. Osler, N. Ahmad. *Democracy and diversity: teaching for human rights and citizenship in post-conflict Iraqi Kurdistan* [Internet source]. – Access mode: [https: // www/researchgate.net/publication/281451841](https://www.researchgate.net/publication/281451841). – Pp. 28–33.
140. Meho L., Nehme G. *The Legacy of US Support to Kurds: Two Major Episodes* // – [Internet source]. – Access mode: <https://staff.aub.edu.lb>
141. Mills Robin. *Under the Mountains: Kurdish Oil and Regional Politics.* – OIES Paper: WPM 63, January, 2016.
142. Nader A., Hanauer L., Allen B., Scotten A.. *Regional Implication of an Independent Kurdistan.* – Rand Corporation, 2016. – 179 p.
143. Ottaway D. *Iraq's Kurdistan Takes a Giant Step Toward Independence / D. Ottaway* // *Viewpoints.* – # 46. – December 2013.
144. Paasche Ervend. *The role of corruption in reintegration: experiences of Iraqi Kurds upon return from Europe / Ervend Paasche* // *Journal of Ethnoc and Migration Studies*, 42 : 7 (2016), 1076–1093. DOI: 10.1080/1369183X2016/1139445
145. Paashe Till. *Syrian and Iraqi Kurds: Conflict and Cooperation* // *MEPC.* – Vol. XXII. Spring, 2015. # 1. – Pp. 77–88.

146. Park Bill. Iraq's Kurds and Turkey: Challenges for US Policy / Bill Park // Parametres. – Autumn, 2004. – Pp. 18–30.
147. Portrayal of the Iraqi Kurdistan Region in U.S. Newspapers: 2003 – 2010. By Goran Sabah Ghafour. – 2011.
148. Report of the Task Force on the Future of Iraq. Achieving Long-Term Stability to Ensure the Defeat of ISIS. / The Atlantic Council, May, 2017. – 32 p.
149. Roberts John. Iraqi Kurdistan Oil and Gas Outlook. / John Roberts // Atlantic Council. Global Energy Center and Dinu Patriciu Eurasia Center. – 29 pp.
150. Roberts Rachel. Iraqi Shiites and Iran: The Bush Administration Failed Predictions About the Iraq War. – December, 2016. – Political Science. 118 p.
151. Romano D. Iraqi Kurdistan and Turkey: temporary Marriage? / D. Romano // Middle East Policy Council. – Vol. XXII., Spring, # 1. [Internet source]. – Access mode: [http : // www.mepc.org/iraqi-kurdistan-and-turkey-temporary-marriage](http://www.mepc.org/iraqi-kurdistan-and-turkey-temporary-marriage).
152. Romano, David. Iraqi Kurdistan: challenges of autonomy in the wake of US withdrawal // International Affairs. – Vol 86. – # 6, Post-American Iraq (November 2010), pp. 1345–1359. [Internet source]. – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/40929766>
153. Rubin Michael. Is Iraqi Kurdistan a Good Ally? / Michael Rubin [Internet source]. – Access mode: <http://www.meforum.org/1822/is-iraki-kurdistan-a-good-ally>. January, 2008. – P. 2/12.

154. Shields, Sarah. Mosul Question: Economy, Identity and Annexation / Sarah Shields // The Creation of Iraq. Ed. by R.S.Simon and E.H. Tejiran. Columbia University Press, 2004. – Pp. 50 – 60.
155. Shukri Navzad Abdullah. Explaining US foreign policy towards Kurdistan Region of Iraq (2003 – 2015). Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester. – 2017. – 242 p.
156. Stansfield, Gareth R.V. Iraqi Kurdistan. Political development and emergent democracy. – London, New York: Routledge Curzon, 2003. – 278 p.
157. Stansfield G. The Kurdish Question in Iraq, 1914 – 1974 // The Middle East Online Series 2: Iraq 1914 – 1974. – 2006. – 8 p.
158. Stansfield G., Anderson L. Kurds in Iraq. The Struggle between Baghdad and Erbil. // M.E.P. Council. – Vol. XVI. – Spring, 2009. – # 1. / Stansfield G., Anderson L. [Internet source]. – Access mode: <http://mepc.org/journal/kurds-iraq-struggle-between...>
159. Statebuilding and Gender in the Kurdistan Region of Irak. LSE Middle East Centre. Workshop Report. July, 2014. – 9 p.
160. The Creation of Iraq 1914 – 1921. Ed. By Reeva Spector Simon and Eleanor H. Tejirian. Columbia University Press. New York. 2004. – 197 pp.
161. Turkey's Foreign Policy Toward the Middle East: Under the Shadow of Arab Spring. Ed. By Idris Demir. – Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 171 ? p.
162. Waltz Kenneth N. The Origins of War in Neorealists Theory / Kenneth N. Waltz. // Journal of Interdisciplinary History, XVIII: 4 (Spring 1988), p. 615–628

163. Wolff Stefan. Governing (in) Kirkuk: resolving the status of a disputed territory in post-American Iraq // International Affairs. – Vol. 86, # 6. Post-American Iraq (November 2010). – P. 1361 – 1379 [http://www.jstor.org/stable/40929767]
164. Yavuz M. Hakan, Ozcan Nihat Ali. Turkish Democracy and the Kurdish Question / M. Hakan Yavuz, Nihat Ali Ozcan. // Middle East Policy Council. – vol. XXII. – 2015. – Winter, # 4. – P. 6/11. [Internet source]. – Access mode: http://www.mepc.org/journal/Turkish-democracy-and-kurdish-question.
165. Yildyz Kerim, Muller Mark. The European Union and the Turkish Accession. Human Rights and the Kurds / Kerim Yildyz, Mark Muller. – London, Ann Arbor, Mi.: Pluto Press, 2008. – P. 129.
166. Zedalis Rex J. The Legal Dimension of Oil and Gas in Iraq. Current Reality and Future Prospects. Cambridge University Press, 2009.

Матеріали ЗМІ

167. Агаджанян М. Визит М. Барзани в Москву – как обойти острые углы в треугольнике Россия – Курдистан – Ирак? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php&st=1361888040>
168. Али Хусейн Бакир. Как Россия использует курдскую карту? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20171101/240660534.html>

169. Армія Іраку взяла під контроль місто Кіркук [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https:// www.eurointegration.com.ua/news/2017/10/17/7072397](https://www.eurointegration.com.ua/news/2017/10/17/7072397)
170. Беленькая Марианна. Разделенный Курдистан. Кто освоит и как продаст нефть Киркука /Марианна Беленькая [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http: Kurdistan. ru/print/2017/10/21articvles-30899_Razdelennyj_Kurdisran.html](http://Kurdistan.ru/print/2017/10/21articvles-30899_Razdelennyj_Kurdisran.html)
171. Багдад: переговоры с Эрбилем зависят от согласия Курдистана на введение федеральной власти в сферах нефти и безопасности [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http:// kurdistan.ru/print/2017/11/23/medium/news-31195. Baghdad_peregovory_s.html](http://kurdistan.ru/print/2017/11/23/medium/news-31195_Baghdad_peregovory_s.html)
172. Березнева епопея з незалежністю Курдистану // Військова панорама [Електронний ресурс] – Режим доступу: [http : // wartime.org.ua/1539 – berezneva-epopeja...27.03.2012 p.](http://wartime.org.ua/1539-berezneva-epopeja...27.03.2012.p)
173. В районі Кіркука тривають запеклі бої між іракськими та курдськими силами [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https:// www.eurointegration.com.ua/news/2017/10/20/7072576/view_print/](https://www.eurointegration.com.ua/news/2017/10/20/7072576/view_print/)
174. Вартамян А. М. Ирак в роли нового регионального союзника Ирана? / А.М. Вартамян [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https: // Kurdistan.ru/print/2011/01/14/medium.articles-8686_irak_v-rol_i_novogo...html](https://Kurdistan.ru/print/2011/01/14/medium.articles-8686_irak_v-rol_i_novogo...html)
175. Вартамян А.М. Об эффективности программ Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Сирии и Ираке [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.iimes.ru/?p=38124>

176. Візовий центр України розпочав роботу в Курдистані [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://ua.censor.net.ua/news/3085299/visovyiy_tsentr...
177. Власти Курдистана odpowiedzi на решение иракского федерального суда [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://kurdistan.ru/print/2017/11/14/news-31114_Vlasti_Kurdistana_ot.html
178. В Турции назвали референдум о независимости Иракского Курдистана незаконным [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.interfax.ru/world/580330>
179. «Газпром нефть» отказалась от разработки блока Halabja в Иракском Курдистане [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://minval.az/news/123725562>
180. Глава ООН направил письмо премьер-министру Курдистана [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://kurdistan.ru/print/2018/01/05/medium/news-31532_Glava_OON_napravit.html
181. Грабовський С. Хресний шлях Курдистану [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://incognita.day.kiev.ua/hresnyy-shlyah-kurdystanu.html>
182. Добыча нефти в Иракском Курдистане растет [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://regnum.ru/news/2515171.html>
183. Эрдоган пригрозил иракским курдам: Мы можем внезапно прийти однажды ночью [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.segoday.ua/world/wnews/erdogan-prigrozil...1058645.html>

184. Эрдоган назвав референдум про незалежність Курдистану незаконним і пригрозив санкціями [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://gordonua.com/ukr/news/worldnews/-erdogan-nazvav...-209119.html>
185. Жигалина О.И. Курды и предстоящие парламентские выборы в Ираке [Електронний ресурс] / О.И. Жигалина. – Режим доступу: http://kurdista.ru/print/2010/01/13/articles-3013_kurdy_i_predstoyashie...
186. Зинин Ю. Ирак после парламентських выборов 2010 г.: этноцивилизационный срез [Електронний ресурс] / Ю. Зинин // Перспективы. Фонд исторической перспективы. – Режим доступу: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID-98576>.
187. Иракский Курдистан «энергетически» тяготеет к Турции на фоне провала переговоров с Багдадом [Електронний ресурс] <https://regnum.ru/news/1793579.html>
188. Ильяс Кемальогу. Почему России не нужен независимый Курдистан? [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://inosmi.ru/politic/20171003/240424099.html>
189. Ирак: пытки в курдских органах безопасности [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.hrw.org/ru/news/2007/07/02232912>
190. Иракские курды поддержали премьера Нури аль-Малики [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://www.rbc.ua/rus/news/irakskie_kurdy_podderzali... (06. 05. 2010)
191. Ирак скасував заборону на авіарейси до Курдистану [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.expres.ua/news/2018/03/13/287542-irak-skasuvav-zaboronu...

192. Ірак та Курдистан досягли угоди щодо припинення вогню [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http:// tyzhden.ua/News/202711/Print View](http://tyzhden.ua/News/202711/PrintView)
193. Іракський Курдистан без пояснень припинив експорт нафти [Електронний ресурс] – Режим доступу: [https:// ukranews.com/ua/news/107482-irakskiy-kurdistan...](https://ukranews.com/ua/news/107482-irakskiy-kurdistan...) 11 вересня 2011 р.
194. Іракський Курдистан перекрив Багдаду нафтопровід [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.novostimira.com.ua/novyny_18229.html
195. Іракські війська захопили місто Кіркук, що перебувало під контролем курдів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https:// www.unian.ua/world/2190834-irakski-viyska-zahopili//html](https://www.unian.ua/world/2190834-irakski-viyska-zahopili//html);
196. Іракські курди проголосували за незалежність [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https:// www.ukrinform.ua/rubric-world/2314023-irakski-kurdy...html](https://www.ukrinform.ua/rubric-world/2314023-irakski-kurdy...html); Iraqi Kurds decisively back independence in referendum [Internet source]. – Access mode: www.bbc.com/news/world-middle-east-41419633
197. Иран призвал Турцию противостоять независимости Иракского Курдистана [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https:// iz.ru/654435/2017-10-04/iran-prizval-turtciiu...](https://iz.ru/654435/2017-10-04/iran-prizval-turtciiu...)
198. КРГ подписало соглашение с «Роснефтью» о развитии газового сектора [Електронний ресурс]: Режим доступу. – [https:// kurdistan.ru/2018/05/25/news-32725_KRG_podpisalo_soglas.html](https://kurdistan.ru/2018/05/25/news-32725_KRG_podpisalo_soglas.html)
199. Курдистан: активные дипломатические усилия накануне референдума о самоопределении [Електронний ресурс]: Режим доступу. – [https:// kurdistan.ru/print/2017/06/15/medium-articles-29611_Kurdistan_aktivnye...](https://kurdistan.ru/print/2017/06/15/medium-articles-29611_Kurdistan_aktivnye...)

200. Курдистан и ЮНИСЕФ исследуют дело о детях-солдатах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riataza.com/news/obshestvo>
201. Курдский министр нефти: «Мы поставили перед собой четкие цели самодостаточности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/print/2014/12/21/news-23060_Kurdskiy_ministr_nefti...
202. Масуд Барзани: Народ Курдистана никогда не откажется от независимости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/print/2018/08/07/news-33292_Masud_Barzani_Narod.html
203. «Мягкий раздел» Ирака? [Internet source] – Access mode: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2007-07-11-voa6/620657.html>
204. Нефть рассорила Багдад и Эрбиль перед выборами 30 апреля [Электронный ресурс] <https://regnum.ru/polit/1789676.html/10.04.14/>
205. Нефтяной пузырь Курдистана [Электронный ресурс] <https://www.gaxeta.ru/business/2016/04/27/8200289.html>
206. Нефтяной экспорт Киркука остается низким [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kurdistan.ru/2018/12/27/news-34669_Neftianoy_eksport...html
207. Нечирван Барзани встретился с Ангелой Меркель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kurdistan.ru/print/2017/12/18/medium/news-31423>.
208. Нури аль-Малики відкинув пропозицію про створення уряду національного порятунку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Ukrainian.voanews.com/a/maliki-rejects-forming-emergency-gov/1944661.html>

209. ООН вважає несвоєчасним референдум про незалежність Іракського Курдистану [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.rbc.ua/ukr/news/oon-schitaet...1505689975.html>
210. ООН підтримала притязання Абди к Курдистану підтримати рішення федерального суду [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://kurdistan.ru/print/2017/11/07/news-31064_OON_poderzhala_priz.html
211. Парламент Іраку схвалив часткове скасування санкцій щодо Курдистану [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.euointegration.com.ua/news/2018/01/29/7076782/>
212. Понад сто тисяч курдів залишили іракське місто Кіркук [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.euointegration.com.ua/news/2017/10/19/70722513/> print
213. Чому Нури аль-Маликі втратив владу в Іраку [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://expert.ru/2014/08/12/pochemy-nuri-al-maliki...>
214. Президент Турції звинувачив Ізраїль в організації референдуму в Іраку [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://podrobnosti.ua/2202561-prazident-turtsii-obvinil-izrail...html>
215. Прем'єр-міністр Курдистану критикує мовчання міжнародного суспільства в стосунку до злочинів ополченців в Туз Хурмату [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://kurdistan.ru/print/2017/11/28/medium/news-31230-Premier-ministr_Kurdi.html

216. Премьер-министр Курдистана и представителя США обсудили отношения Эрбиля и Багдада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/print/2018/11/17/news-34221Premier_ministr...html
217. Премьер-министр Курдистана принял турецкую делегацию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/2018/10/19/news-33973 Premier_ministr...html
218. Проиранские ополченцы воспрепятствовали приземлению американских самолетов на авиабазе в Анбаре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/2018/11/19/news-34238 Pro-iranskie_opolche.html
219. «Роснефть» купит нефть у Иракского Курдистана [Электронный ресурс] <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/22/678692-rosneft...>
220. Роснефть начнет покупать углеводороды в Иракском Курдистане [Электронный ресурс] https://lenta.ru/news/2017/02/21/rosneft_Kurdistan/
221. Совбез ООН призвал Багдад и Иракский Курдистан определить даты переговоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/584845>
222. Сохранить цитадель в г. Эрбиль, чтобы защитить душу Ирака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unesco.org/new/ru/medi-services/single-view/news/safeguarding_the_erbil_citadel...
223. Союз ПНД и ПСР представляет угрозу для курдов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riataza.com/news/politica>

224. Споры вокруг Конституции Ирака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/107843/html>
225. Станет ли Иракский Курдистан независимым государством? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/features_41389179
226. США закликали курдів перенести референдум про незалежність [Электронный ресурс]: Режим доступа. – [https //newswest.media/article/2017/8/26/ministr-oborony-ssha...](https://newswest.media/article/2017/8/26/ministr-oborony-ssha...)
227. США рассматривают новый план безопасности Киркука, включающий пешмерга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kurdistan.ru/2019/01/25/34889news_SSHA_rassmatrivayut.html
228. Так в грядущем прошлое тлеет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://graniru.org/Politics/Russia/m.123366.html>
229. Турция и Курдистан будут развивать двусторонние отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riataza.com/news/politica/turtsia-i-kurdistan-budut...>
230. УСПП і союз бізнесменів Іракського Курдистану підписали меморандум про співпрацю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uspp.ua/uspp-i-soyuz-biznesmeniv...html>
231. Українсько-іракська співпраця у будівельній сфері [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.busines-realty.com.ua/-articles_1965.html

232. Украина открыла консульство в Иракском Курдистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kr.ua/print/politics/584731-ukraina-otkryla...>
233. Условие Абади: бюджет в обмен на нефть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/2018/01/21/news-31649_Uslovie_Abadi...html
234. Учителя просят помощи у ЮНИСЕФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pukmedia.com/en/RU_Direje.aspx?Jimare=43565
235. Фалах Мустафа: Конфедерация для Ирака и Курдистана может спасти нас всех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kurdistan.ru/print/2018/01/08/medium/news-31549>. Falah_Mustafa. Konfederaciya...html
236. Финансовый комитет: Полученный японский кредит для Регионального Курдистана направлен только в Эрбиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pukmedia.com/en/RU_Direje.aspx?Jimare=35711
237. Центральный банк Ирака поручил банкам прекратить операции в Курдистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurdistan.ru/print/2017/11/09/news-31074_Centralnyy_bank_Irak.html
238. ЮНЕСКО отреставрирует Эрбильскую цитадель и внесет ее в список Всемирного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://Kurdistan.ru/2010/03/10/news-3912_YUNESKO_otrestaviruet.html

239. Baghdad imposes international flight ban on Iraqi Kurdistan after referendum [Internet source]. – Access mode: <https://www.cbc.co/news/world/iraq-kurds-referendum-travel-ban> – 1.4313315
240. Before a Full-Blown War? Aswataliraq.ingo, November 22, 2012. [Internet source]. – Access mode: [http : // www.mesop.de/2012/11/22/before-a-full-blown...](http://www.mesop.de/2012/11/22/before-a-full-blown...)
241. Bhadrakumar K. M. Russia renews Kurdish bonds [Internet source]. – Access mode: [http: // www. atimes.com/atimes/Middle_East/MID-02-250213.html](http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MID-02-250213.html)
242. Documents reveal Iraqi Kurdistan attempts to sell oil fields to Turkey [Internet source]. – Access mode: <http://ekurd.net/kurdistan-sell-oil-fields-turkey-2016-12-27>
243. EU discourages Iraqi Kurds from holding independence vote [Internet source]. – Access mode: [http: // www.foxnews.com/world/2017/06/19/eu-dicourages...](http://www.foxnews.com/world/2017/06/19/eu-dicourages...)
244. EU calls Iraqi-Kurds referendum “counterproductive” [Internet source]. – Access mode: [http: // www.alaraby.co.uk/english/news/2017/9/20/eu-calls...](http://www.alaraby.co.uk/english/news/2017/9/20/eu-calls...)
245. For Iraqi Kurds, Trump brings hope for independence [Internet source]. – Access mode: [https: // www.foreignaffairs.com/articles/2017-04-12/iraki-kurds-trump-brings-hope-for-independence](https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-04-12/iraki-kurds-trump-brings-hope-for-independence)
246. France, UNESCO introduce project to promote “peaceful coexistence” in Kurdistan, Iraq [Internet source]. – Access mode: [http: // www.kurdistan24.net/en/news/759c3ba-db8b-45b6-91e4-94b51c049eba](http://www.kurdistan24.net/en/news/759c3ba-db8b-45b6-91e4-94b51c049eba)

247. Hearst David. How Saudi tried to use the Kurds to clip Iran's wings [Internet source]. – Access mode: <https://www.middleeasteye.net/columns/Kurdish-referendum-1940367938>
248. Hussein Ibish. The Gulf Arab Countries and the Kurdish Referendum [Internet source]. – Access mode: <https://worldview.stratford.com/article/gulf-arab-countries...>
249. Human Rights Watch lauds FGM law in Iraqi Kurdistan [Internet source]. – Access mode: <http://ekurd.net/mismas/articles/misc2011/7/state/5293.htm>
250. “I am a Big Fan of the Kurds”, Says Donald Tramp [Internet source]. – Access mode: <http://rudaw.net/english/kurdistan/22072016>
251. Iran, Iraqi Kurdistan to bolster trade [Internet source]. – Access mode: <https://financialtribune.com/article/domestic-economy/82326/iran-iraqi-kurdistan-look...>
252. Iraqi Kurdish referendum: UN warns of “destabilizing impact” [Internet source]. – Access mode: <http://www.bbc.com/news/world/middle-east-41359361>
253. Iraqi Kurdistan: Human Rights Record is An Example to Follow According to UN Officials [Internet source]. – Access mode: <http://www/unpo.org/article/13282>
254. Iraq: Kurds, Turkmen and Arabs Reject UN Proposals [Internet source]. – Access mode: <http://unpo.org/article/8316> (June, 20, 2008).
255. Krishnadev Kalamur. Why Doesn't the US Support Kurdish Independence? [Internet source]. – Access mode: – <https://>

- www.theatlantic.com/international/archive/2017/10/us-kurdish-independence/343540/
256. Kurdistan hosted an international conference on women and human rights [Internet source]. – Access mode: <http://kurdistan24.net/en/news/Kurdistan-hosted...>
257. Kurdistan referendum: Erdogan says Iraqi Kurds risk “ethnic war” and threatens military response to vote [Internet source]. – Access mode: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/kurdistan-referendum...>
258. Kurdistan will not cooperate with Iraq on production cuts [Internet source]. – Access mode: <https://www.oilandgas360.com/kurdistan-will-not-cooperate...>
259. Landay J., M. Chmaytelli. Tillerson urges Iraq, Kurds to resolve conflict through dialogue [Internet source]. – Access mode: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraq-us/tillerson-urges-iraq-kurds...idUSKBN1Cs2BA>
260. Milroie L. John Bolton: Supported Independence Referendum, will be US National Security Adviser [Internet source]. – Access mode: <http://www.kurdistan24net/en/news/d555d820-5da5-43-de-9802-8f4540e44d1b>
261. Milroie L. Rep. Steve King supports Kurdish independence, suggest Pompeo, Bolton will be friendly to Kurds [Internet source]. – Access mode: <http://www.kurdistan24net/en/news/ec-055030-482f-4168-ad65-5d0827b44197>
262. Meet the Iranian General who Orchestrated Iraqi Kurdistan’s Collapse [Internet source]. – Access mode: <https://www.albawa.com/news/original-iranian-genwral-orchestrated-iraqi-kurdistan-collapse-1037484>

263. Restoring the ancient Kahrez sistem in Iraqi Kurdistan [Internet source]. – Access mode: [http: // www.unesco.org/new/iraq-office/news/restoring_the_ancient_kahrez_sistem_in_iraqi_kurdistan/](http://www.unesco.org/new/iraq-office/news/restoring_the_ancient_kahrez_sistem_in_iraqi_kurdistan/)
264. Rosneft and Kurdish ministry sign long-term contract on oil and gas [Internet source]. – Access mode: [http: // www.rudaw.net/english/kurdistan/020620173](http://www.rudaw.net/english/kurdistan/020620173)
265. Rubin Michael. The Middle East Real Bane – Corruption [Internet source]. – Access mode: [https: // www.aei.org/publicationn/the-middle-east-real-bane-corruption/](https://www.aei.org/publicationn/the-middle-east-real-bane-corruption/)
266. Statement of the Spokesperson on the referendum held by Kurdistan Regional Government [Internet source]. – Access mode: <https://eeas.europa.eu/headquarters-homepage/32785>
267. The Right to Decide in Iraqi Kurdistan – UNPO Welcomes the Kurdish Legitimate Expression of Self-Determination [Internet source]. – Access mode: [http: // unpo.org/article/20344](http://unpo.org/article/20344)
268. Totten Mihael J. Trump Throws the Kurds to the Wolves [Internet source]. – Access mode: [https:// www.worldaffairsjournal.org/blog/mihael-j-totten/trump-throws-the-kurds-to-the-wolves](https://www.worldaffairsjournal.org/blog/mihael-j-totten/trump-throws-the-kurds-to-the-wolves)
269. Totten Mihael J. The Trump Administration Just Stabbed the Kurds in the Front [Internet source]. – Access mode: [https: // www.worldaffairsjournal.org/blog/mihael-j-totten/the-trump-administration-just-stabbed-the-kurds-in-the-front](https://www.worldaffairsjournal.org/blog/mihael-j-totten/the-trump-administration-just-stabbed-the-kurds-in-the-front)
270. Turkey Shuts Down Office of Talabani’s Kurdish Party, Expels Representative [Internet source]. – Access mode: [https: // stokholmcf.org](https://stokholmcf.org)

271. UNAMI Human Rights Training for NGOs Operating in Erbil [Internet source]. – Access mode: http://www.uniraq.org/index.php?option=com_k2&view=item&id=8873
272. UN says worried by reports of forced displacement of Kurds in northern Iraq [Internet source]. – Access mode: <http://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraqi-kurds-violations/u-n-says-worried...>
273. UN, US, UK present alternative to referendum, Kurdish leadership to study it [Internet source]. – Access mode: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/140920173/>
274. Wildenburg W. Breaking from Baghdad: Kurdish Autonomy vs. Maliki's Manipulation [Электронный ресурс] / W. Wildenburg. – Access mode: <http://www.worldaffairsjournal.org/print/59248>.
275. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/596/24/IMG/NR059624.pdf?OpenElement>
276. <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/140920173/>
277. <https://dfr.gov.krd/p/p.aspx?p=37&1=12&s=020100&r=363>
278. <http://cabinet.gov.krd/a/d.aspx?s=010000&1=12&a=56732>
279. <http://www.eeig.com.ua/ua/news/kalendar/1415/?print=true>
280. http://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Iraq
281. <https://www.hrw.org/ru/news/2007/07/02232912>

282. http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/printable_article?art-id=245816918
283. <http://www.newsru.co.il/mideast/22feb2008/turkia8007html>

Додаток А

СПИСОК ОПУБЛІКОВАНИХ ПРАЦЬ ЗА ТЕМОЮ ДИСЕРТАЦІЇ

Статті у наукових фахових виданнях України

1. Кадір Асо Араз, Юрій Мороз. Іракський Курдистан: особливості політико-правового статусу та взаємовідносини з центральною владою // Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини». – № 42. – 2017. – С. 98–105.
2. Кадір Асо Араз. Взаємини Іракського Курдистану із Турецькою Республікою після 2003 р.: чинники стратегічного зближення та основні протиріччя // Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини». – № 44. – 2018. – С. 135–146.
3. Кадір Асо Араз. Відносини Іракського Курдистану з Ісламською Республікою Іран: політичний, економічний та ідеологічний аспекти // Регіональні студії. – № 15. – Ужгород, 2018. – С. 57–63.
4. Кадір Асо Араз. Відносини Іракського Курдистану з США у 1990 – 2000-х рр: чинники співпраці та основні протиріччя // Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини». – № 46. – 2019. – С. 137–151.

5. Кадір Асо Араз. Нафтогазовий сектор Іракського Курдистану Іракський та міжнародний виміри // Історико-політичні проблеми сучасного світу Збірник наукових статей Чернівці Чернівецький університет, 2019 Т 39 С 58-67

Статті у закордонних наукових виданнях

5. Кадір Асо Араз. Нафта і стратегія національної безпеки в Іраку (арабською мовою) // Kirkuk University. Journal of college of law for legal and political science. – 01/02/2017. – С. 273–303. /Issn. 2226 – 4582

Опубліковані праці апробаційного характеру

6. Qadir Aso Araz, Moroz Y. M. Iraq after ISIS: The future of Iraqi economy // Праці XVI Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих вчених «Управління розвитком соціально-економічних систем: глобалізація, підприємництво, стале зростання». – Том 2. – Вінниця: Донецький національний університет імені Василя Стуса, 2016. – С. 67–68.

7. Кадир Асо Араз. Сравнительная характеристика национальной идентичности курдов и украинцев в условиях войны с террористами // Всеукраїнська наукова інтернет-конференція. До 25-річчя незалежності України. Травневі студії. Історія, політологія, міжнародні відносини. Збірник тез. 20 травня 2016 р. – Вінниця, 2016. – С. 73–75.

8. Асо Араз Кадір. Особливості міжнародно-політичного статусу Іракського Курдистану // Програма звітної наукової конференції університету за 2017 р. Секція міжнародних відносин. Підсекція міжнародних відносин і дипломатичної служби. – Львів, 2018. – С. 78.

9. Кадір Асо Араз. Курдська автономія в Іраку у системі державної влади країни: правовий та політичний аспекти // Науково-практична конференція за

міжнародною участю «Проблеми розвитку публічного управління в Україні». Матеріали науково-практичної конференції за міжнародною участю. – Львів, ЛРІДУ НАДУ, 11 – 12 квітня 2019 р. – С. 113–116.

10. Кадір Асо Араз. Відносини України із Курдською автономією в Іраку: політичний та економічний аспекти // Міжнародна конференція «Інноваційні технології у розвитку сучасного суспільства». – Львів, ІППТ НУ «Львівська політехніка», 18 – 19 квітня 2019 р. – С. 308–311.